

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 47 НОЯБРЬ 1988

УМЕЙТЕ ТОРГОВАТЬ!

ТРИУМФ И ДРАМА
СКУЛЬПТОРА

ПОПРАВКИ
К ВЕЧНЫМ ИСТИНАМ

УЧИМСЯ
СЧИТАТЬ ЛИРЫ

2-18

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 47 (3200)

19—26 НОЯБРЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1988.

Главный редактор
В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,
В. В. ГЛОТОВ

(ответственный секретарь),

Л. Н. ГУЩИН

(первый заместитель главного редактора),

Н. А. ЗЛОБИН,

В. Д. НИКОЛАЕВ

(заместитель главного редактора),

Ю. В. НИКУЛИН,

А. Г. ПАНЧЕНКО,

С. Н. ФЕДОРОВ,

Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,

В. Б. ЧЕРНОВ,

В. Б. ЮМАШЕВ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

На ярмарке в Кокчетаве. (См. в номере материал «Кокчетавский прилавок»).

Фото Юрия ЛУШИНА.

Оформление **Е. М. КАЗАКОВА**
при участии **Т. А. НОВРУЗОВОЙ**

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27;
Отделы: Публицистики — 212-21-88; Между-
народный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69;
Искусства — 212-15-59; Морали и писем —
212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных
приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный)

(095) 943-00-70

Телетайп (внутрисоюзный) 112349

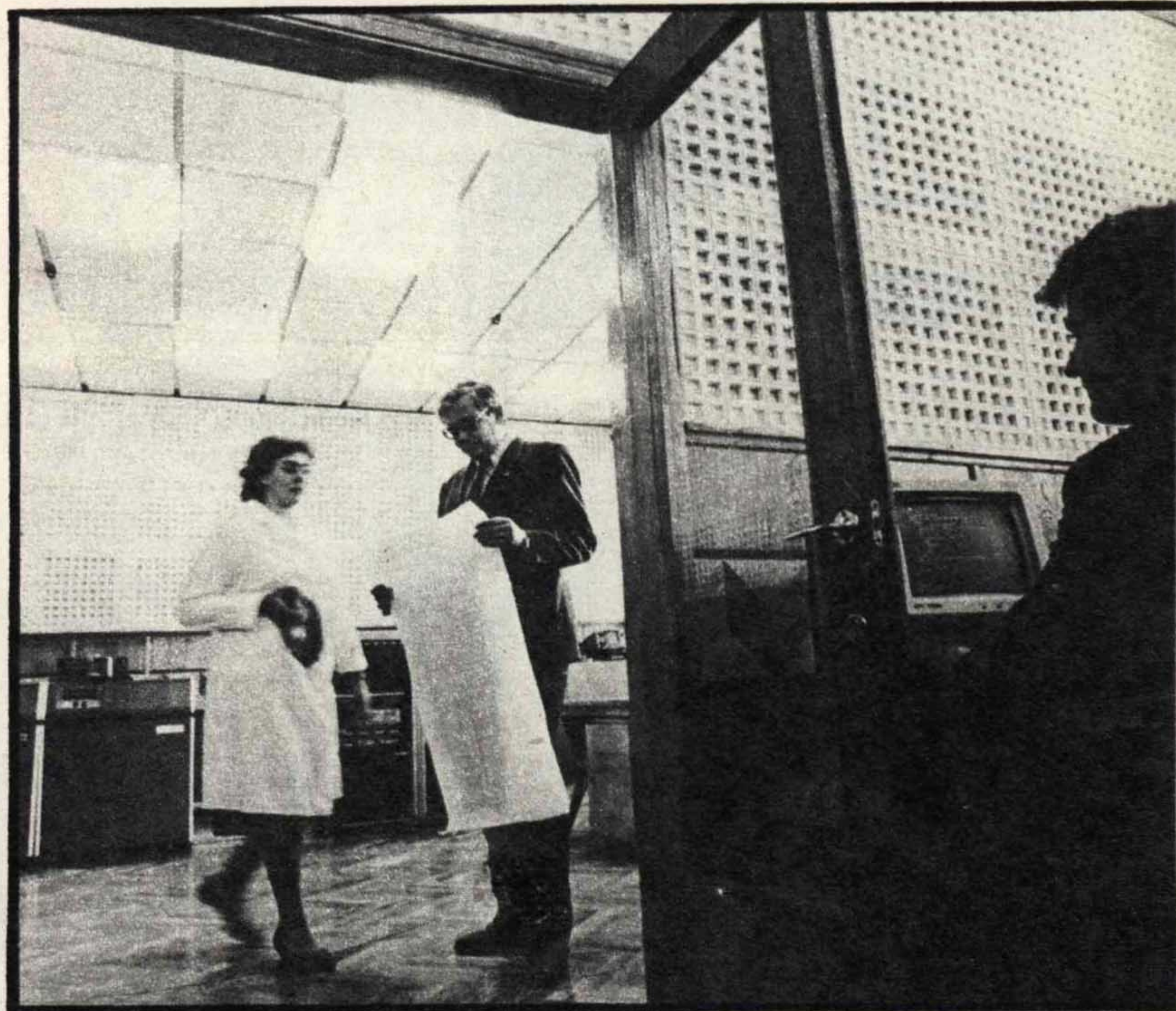
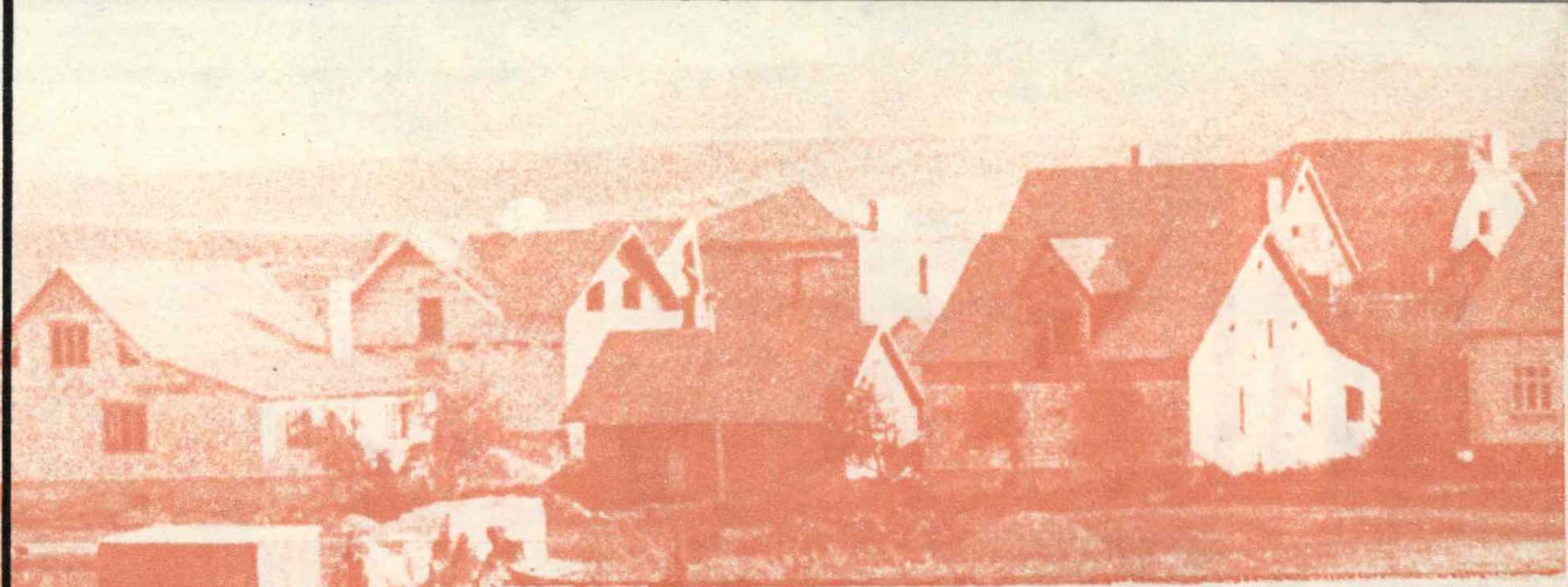
«Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 28.10.88. Подписано к печати 15.11.88. А 10419. Формат 70 × 108½. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 770 000 экз. Заказ № 3238.

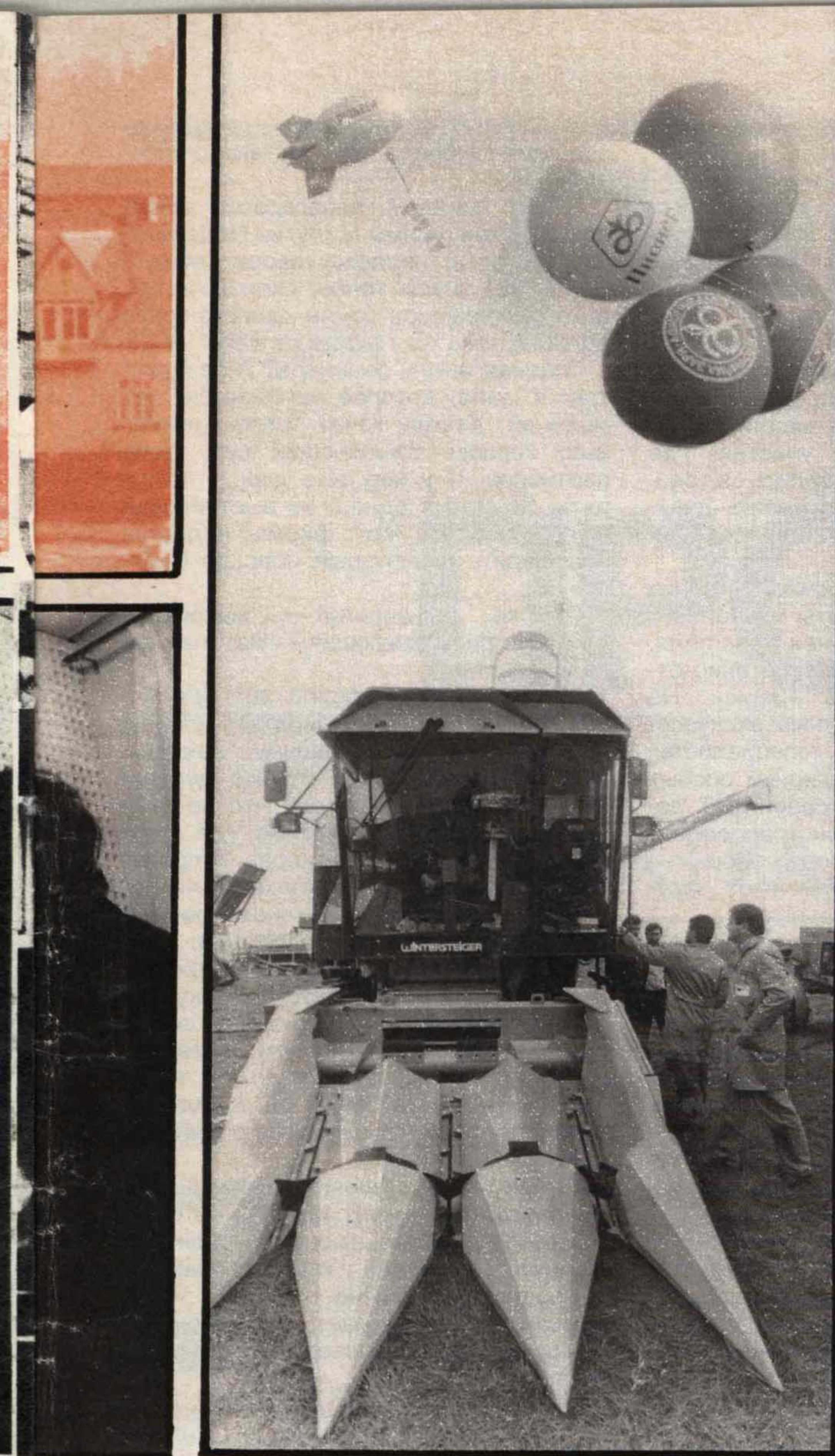
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Станислав КАЛИНИЧЕВ
Николай КОЗЛОВСКИЙ
и Юрий ФЕКЛИСТОВ
(фото)

КОМ

В ПОЛЕССКОМ КОЛХОЗЕ
НЕПОДАЛЕКУ ОТ РОВНО
АМЕРИКАНСКАЯ ФИРМА «ПИОНЕР-
ОВЕРСИЗ» И НАША «ЗАРЯ»
ПРОВЕЛИ СОВМЕСТНЫЙ ДЕНЬ
ПОЛЯ, КОТОРЫЙ ПРОДОЛЖАЛСЯ...
НЕДЕЛЮ. ПРЕДСТАВЬТЕ: КОЛХОЗ,
БОГАТЫЙ И ПЕРЕДОВОЙ,
ПРИГЛАШАЕТ ТРИ С ПОЛОВИНОЙ
ТЫСЯЧИ ГОСТЕЙ, РАЗМЕЩАЕТ ИХ,
ВОЗИТ ПО ПОЛЯМ И ФЕРМАМ,
УСТРАИВАЕТ ВСТРЕЧИ С УЧЕНЫМИ,
И ВСЕ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ
ПРИБЛИЗИТЬ К ПЕРЕДОВОЙ
ТЕХНОЛОГИИ. ЗАЧЕМ ЕМУ ЭТО
НУЖНО? КАКУЮ ВЫГОДУ ОТ ЭТОГО
ПОЛУЧИТ?

МЕРСАНТЫ

К

олхоз «Заря коммунизма», недавно преобразованный в агрофирму «Заря», — один из лучших на Украине: отличные поля и фермы, новый поселок со всеми городскими удобствами, медсанчасть — на сов-

ременном уровне, консервный завод и предприятие по выпуску стеклотары, стройотдел и цех железобетона, асфальтовое производство, проектная мастерская. Тут и сад, и тепличный комбинат, и холодильник, и многое другое...

А сейчас подумывают и о своем мясокомбинате, чтобы торговать «домашними» колбасами да паровыми сосисками.

Колхоз по многим показателям уже вышел на самые высокие для этих мест рубежи. Чтобы идти дальше, нужны коренные изменения в технологии, в наборе культур, племенных качеств животных. Лет десять колхозные специалисты активно сотрудничают с голландскими селекционерами, с деловыми людьми США, Австрии, лучшими хозяйствами соцстран.

В животноводстве первая забота — корма. В колхозе нет выпасов, скотина круглый год в стойле, принеси и дай готовое. Рассчитывать на привозные концентраты — себе в убыток. Но и кормовой клин расширять некуда. Зарубежный опыт подсказывал, что надо осваивать кукурузу. Конечно, Полесье с его ограниченным и не очень теплым летом не лучший регион для этой культуры. И все же ее урожай с одного гектара, и это доказано практикой, позволяет получать в три раза больше корма, чем гектар урожайной пшеницы.

Несколько лет назад в колхозе стали активно расширять посевы кукурузы, в основном на силос. Не было хороших скороспелых сортов, чтобы в здешних условиях вызрели початки. Но на не-

больших участках под особым присмотром получали и зерно. Правда и неправда, председатель доставал гибридные семена. А года четыре назад наладил деловые связи с американской фирмой «Пионер» из штата Айова. Ее дочерняя фирма в Вене стала проводить испытания своих сортов в разных зонах нашей страны и тут, в «Заре», тоже.

Вот предварительные на начало октября нынешнего года результаты. Урожайность кукурузы на зерно составила около ста, а гибрид «Скандия» — больше 120 центнеров с гектара, себестоимость центнера силоса не превышает 80 копеек, а зерна — 8 рублей. Центнер молока обходится не дороже 20 рублей, килограмм свинины — 1 рубль 40 копеек, говядины — полтора рублей. За год колхоз дает продукции более чем на 23 миллиона рублей и половину этой суммы составляет чистая прибыль.

Фирмы «Заря» и «Пионер» создали совместное предприятие по производству 10 тысяч тонн гибридных семян кукурузы ежегодно. С помощью австрийских специалистов будут выращивать раннеспелые гибриды для посева в северных районах Украины, в Белоруссии, Нечерноземье и даже Сибири. В «Заре» будет построен завод по калибровке, сушке и другой специальной подготовке гибридных семян. Он станет давать зерно, которым можно будет засеять в год до полумиллиона гектаров...

Старый купеческий девиз «Не обманешь — не продашь» давно изжил себя. Солидный коммерсант не рискнет им воспользоваться. Деловой человек смотрит на покупателя как на партнера, он стремится дать ему необходимую информацию, обучить делу, помочь. Все это входит в понятие «маркетинг». И новая советско-австрийская фирма, чтобы процветать, чтобы продавать до-

рогой (весьма дорогой!) посевной материал, должна иметь покупателей-единомышленников, осведомленных, чтобы этот дорогой материал принес выгоду тем, кто его купит.

Вот почему на полях агрофирмы «Заря» еще с весны было заложено большое опытное поле: посевы более сорока различных сортов гибридов и фирмы «Пионер», и наших, созданных советскими учеными. Здесь же были посевы, которые обрабатывали гербицидами, а отдельно — участки, где несколько сортов высевались в разные сроки, с разрывом в десять дней. Словом, эксперимент ставился широко.

Еще в сентябре выборочно был снят урожай, сделаны подсчеты и анализы. После этого и был назначен День поля. Каждое утро от ровенских гостиц отправлялись автобусы в «Зарю». На поле их ожидали колхозные экскурсоводы и австрийские специалисты. Знающим людям и объяснений особых не требовалось: смотри, сравнивай, делай выводы. Тут же демонстрировалась техника для посева, ухода, уборки — наша и та, которую применяют зарубежные партнеры.

А во второй половине дня возбужденные гости заполняли большой зал колхозного Дворца искусств. Это были очень интересные семинары. Докапывались до мелочей, задавая порой очень «неудобные» вопросы. Видного ученого, директора известного НИИ, спросили, например:

— Вы всю жизнь занимаетесь кукурузой, а вот тут пропагандируете заморские сорта. Не стыдно?

На поле было видно, что многие отечественные гибриды, высеянные по технологии «Пионера», нисколько не уступают фаворитам фирмы ни по урожайности, ни по срокам созревания.

Был и такой вопрос:

— Сколько килограммов или центнеров семян гибрида идет на гектар посева?

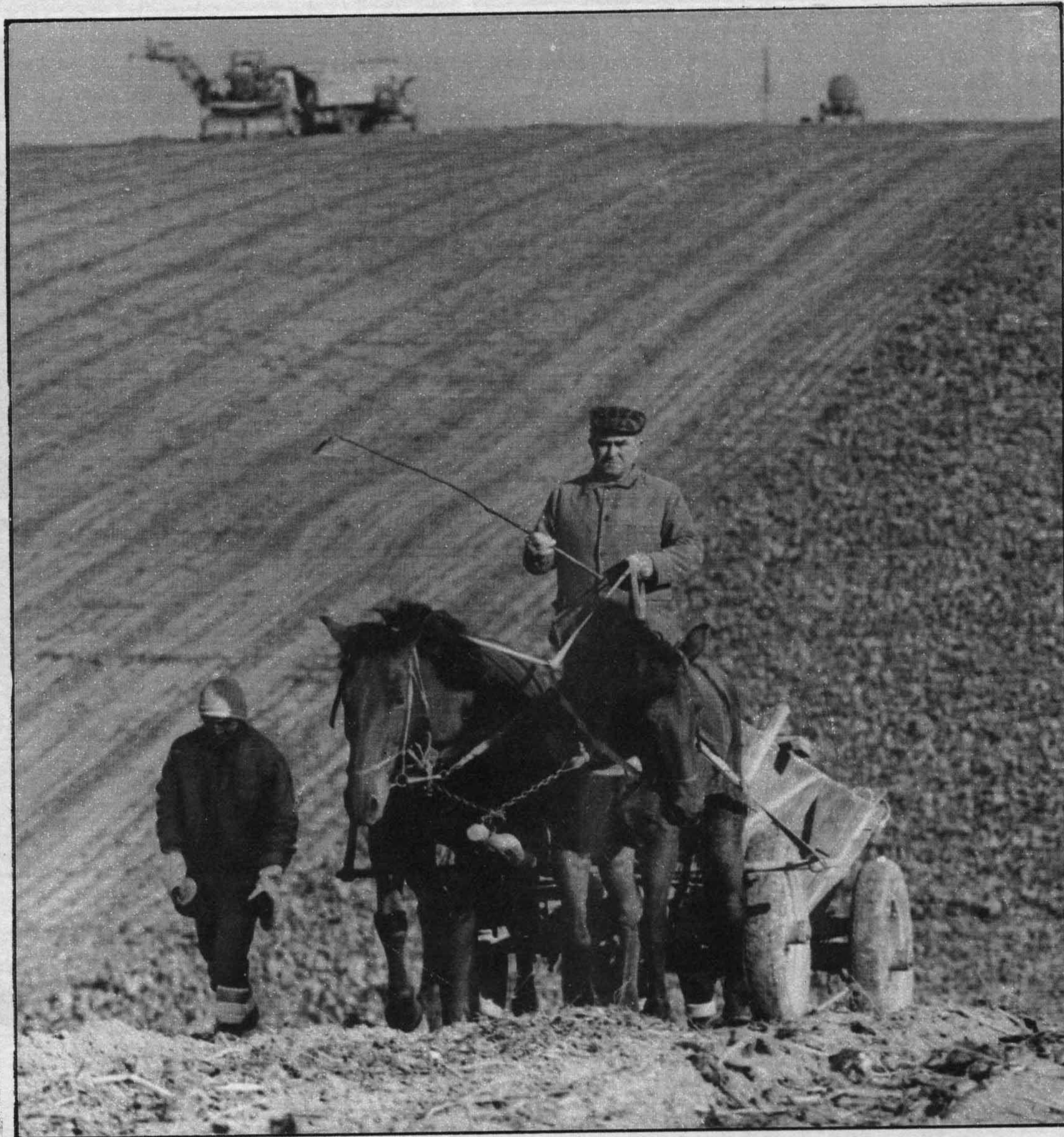
— Не понял, — переспросил глава австрийской фирмы Милутин Неделькович, который неплохо говорит по-русски. — Мы знаем точно, сколько штук, а не килограммов семян данного сорта должно лечь на гектар...

Главная мысль семинара? Я ее понял так: в деле, которое начинается, нет мелочей. Фирма хочет иметь грамотных, хорошо понимающих суть дела партнеров. И у нее есть шансы преуспеть. Во время одного из выступлений было сказано, что фирма надеется «расширить кукурузный пояс до Сибири».

— Уже расширили! — выкрикнул один из присутствующих. — Вот они, доказательства.

И, подняв над головой два оранжевых початка, стал пробираться вперед, протянул их выступавшему. Австрийский фирмач сказал, что это дорогой для него подарок, потому что початки эти выращены под Тюменью, где испытывались гибриды «Пионера». А привез их сюда председатель колхоза «40 лет Октября», что в Исетском районе, В. А. Габрусь. Он же рассказал мне, что, ободренные обильным урожаем, который дали поля гибридной кукурузы в нынешнем году, животноводы северного Зауралья в будущем намерены расширить их с двадцати до ста тысяч гектаров. Эпизод? Но и он в ряду достоинств, характеризующих ровенскую фирму.

Владимир Антонович Плютинский, председатель колхоза, у которого и диплом ученого-агронома, и диплом экономиста, когда его спрашивают о профессии, обычно отвечает: «Коммерсант». Он понимает, что в коммерческих делах остановиться значит отстать.

Лев ОВРУЦКИЙ

ПРИНЦИПЫ И ПРОЦЕДУРЫ

ЗАМЕТКИ ОБ АКТУАЛЬНЫХ ЗАКОНОПРОЕКТАХ

ОДНА ИЗ ПРИМЕТ МОЛОДОСТИ ПЕРЕСТРОЙКИ: СТРАНУ ЗАХЛЕСТНУЛА ПОВАЛЬНАЯ МОДА НА ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО. ЕСЛИ БЫ ПРОВОДИЛСЯ КОНКУРС НА САМУЮ ПОПУЛЯРНУЮ ФРАЗУ ГОДА, ТО НА ЛАУРЕАТСТВО МОГЛО БЫ ПРЕТЕНДОВАТЬ СЛОВСОЧЕТАНИЕ «НУЖЕН ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ, ЧТОБЫ...». ЧАСТО МЫСЛИТСЯ, БУДТО ДОСТАТОЧНО ИЗДАТЬ СЕРИЮ РАСПОРЯЖЕНИЙ, КАК ЖИЗНЬ СТАНЕТ И ЛУЧШЕ, И ВЕСЕЛЕЕ. НАБЛЮДАЮТСЯ СВОЕГО РОДА КОНСТИТУЦИОННЫЕ — НЕ ИЛЛЮЗИИ ДАЖЕ — ГАЛЛЮЦИНАЦИИ.

Тяга к радикальным проектам переустройства вполне объяснима. Подпрыгивающая походка есть реакция на долгую неподвижность. Ленин заметил, что «русский человек отводил душу от постылой чиновничьей действительности дома за необычайно смелыми теоретическими построениями, и поэтому эти... построения приобретали у нас необыкновенно односторонний характер». Трудно сказать, насколько правомерно недавнюю нашу действительность аттестовать как постылую, но, несомненно, что упования на всемогущество разумных и снисходительных законов приобрели черты дурной религиозности.

Оттого пока еще преобладает созерцательный подход, вернейший индикатор неразвитости политических отношений. Предпочитаем не «встревать», подчас действие подменяется мыслью о действии. Всего-то нужно, набравшись решимости, встать; вместо того рука тянется к перу, перо к бумаге...

Возрастание политической активности — неоспоримый факт, но пока значительной частью выражается она в гигантском потоке писем, обрушившемся на инстанции. «А у нас такая демократия, — запальчиво, помнится, заявила одна из участниц телемоста потрясенному Филу Донахью, — мы пишем». Ленин заметил, что революции интереснее проделывать, чем описывать. А нам, боюсь, наоборот.

Похоже, страсть к писательству, говоря словами поэта, «неустранима, как пар зимою из рта». Точно так бессмертна психология «пикейных жилетов», содрогающихся при мысли об опасностях, кои подстерегают хрупкие их конечности при вложении в хищные пасти акул империализма.

Между тем тектонические подвижки, идущие в глубине широчайших слоев, малоприметны, но именно они решают. И потому сегодня, как никогда, потребны опыт, прецедент, почин, перелагающие демократический благовест на доступный миллионам язык практики.

Политический центр тяжести от «верхов» постепенно смещается к «низам». Не менее, а, может быть, более парадоксов в такую пору нужно гражданское мужество, чтобы бороться за свои законные права и долю власти.

Зачем законодательствовать? Только затем, чтобы облегчить переход от состояния перестройки к состоянию

строительства. Следуя принципу «экономики», значимее отмена одного препятствующего положения, чем принятие пяти благоприятствующих, иногда заранее отливающих форму для еще не созревшего движения. «Разве может быть иной путь к обучению народа управлять самим собой, к избавлению от ошибок, как путь практики? как немедленный приступ к настоящему народному самоуправлению?» — спрашивал Ленин. Это единственный способ проверки действия новых законов, проверки политическим действием. На этом должен делаться акцент, а не на отдающих схоластикой объяснениях «на пальцах», что такое хорошо и что такое плохо.

Когда законодательствовать? Некоторые не без оснований полагают, что спешка влечет за собой несовершенство и даже переделку — что худо. Ф. Бурацкий пишет, что лучше выждать, а уж затем принять закон, который переживет века. С этим трудно согласиться.

Поучителен сюжет из нашей истории. На VIII съезде партии Ленин отметил: «Есть люди, которые говорят: «Не нужно было писать такого количества декретов», — и упрекают Советское правительство за то, что оно взялось за писание декретов, не зная, как их провести в жизнь... Если бы мы ожидали, что от написания сотни декретов изменится... жизнь, мы были бы круглыми идиотами. Но если бы мы отказались от того, чтобы в декретах наметить путь, мы были бы изменниками социализму... Наш декрет есть призыв... — это — призыв к массам, призыв их к практическому делу. Декреты, это — инструкции, зовущие к массовому практическому делу. Вот что важно. Пусть в этих декретах многое негодно, много такого, что в жизнь не пройдет. Но в них есть материал для практического дела, и задача декрета состоит в том, чтобы научить практическим шагам те сотни, тысячи и миллионы людей, которые прислушиваются к голосу Советской власти».

Так что ладье законодательства предстоит проплыть между Сциллой поспешности и Харибдой промедления.

УРОК НА БУДУЩЕЕ: ВСЕОБЩИЕ, РАВНЫЕ, ПРЯМЫЕ, ТАЙНЫЕ

Мы выбирали себе и выбирали. Навыбирались.

Приступая к «отходной» бесславной нашей избирательной системе и к анализу грядущих изменений, первым делом почтительно бы испытать на прочность краеугольные камни, на которых она зиждилась и будет зиждется. На них ведь, на основополагающих конституционных принципах, возводится новая реформированная постройка. Поэтому присмотримся к фундаменту, это необходимо, чтобы понять, **чем** мы были и **кем** мы хотим стать.

«Выборы депутатов являются всеобщими: все граждане СССР, достигшие 18 лет, имеют право избирать и быть избранными, за исключением лиц, признанных в установленном законом порядке умалишенными». (Ст. 96 действующей Конституции.)

Но, к примеру, лишены права голоса заключенные и люди, содержащиеся в ЛТП. Конечно, они находятся в условиях, мало способствующих сколько-нибудь осознанному выбору, но отчего было это не оговорить в Основном Законе? Да оттого, что законодателем двигало неистребимое желание хотя бы на ноздрю «обставить» эту лживую буржуазную демократию.

По этой же причине мы располагали такой невиданной штукой, как «открепительный талон». У «них» там — «ценз оседлости», человек должен некоторое время пожить и пообыкнуться в округе, прежде чем со знанием дела принять участие в выборах; допускается также голосование по почте. У нас же не чинили никаких препятствий: можешь взять этот самый «открепительный талон» и отдать свой голос за тысячи верст от дома. Но не «за» или «против» кандидата, баллотирующегося в твоём округе, а «за» или «против» того, кого абсолютно не знаешь, кому «наказывать» что-либо смешно, чья деятельность будет протекать вне твоего контроля. Быть может, в этом было немного смысла, но зато, как полагал чиновник, море демократизма.

Новая редакция этой статьи расставляет все точки над «i», излагая голую правду. Что ж, демократия в выигрыше.

«Выборы депутатов являются равными: каждый избиратель имеет один голос...» (ст. 97 действующей Конституции). Ну, уж здесь-то, думалось, проблем быть не может. Но вот на глаза попало «Сообщение окружных избирательных комиссий по выборам в Верховный Совет Татарской АССР» от 28 сентября с.г. Как из него явствует, в округе № 10 зарегистрировано 11074

избирателей, а в округе № 88 — 7491. Но если воля 7,5 тысячи избирателей равна воле 11 тысяч, то что, скажите на милость, остается от великого демократического принципа «один человек — один голос»?

Как известно, проектом Закона предусмотрено, что в состав Съезда народных депутатов СССР войдут, помимо представителей территориальных и национально-территориальных избирательных округов, депутаты от партии, профсоюзов, комсомола, других массовых общественных, а также кооперативных, творческих и научных организаций. К сожалению, вопрос о равном праве остался невыясненным. Так, избиратель, нигде не состоящий и ни в чем не участвующий, располагает одним голосом. А политически активный гражданин, являющийся членом одновременно, скажем, профсоюза, партии, общества охраны памятников и борьбы за трезвость, сильнее в 5 раз? Таким образом, у нас появятся избиратели разных весовых категорий, что, как представляется, демократии минус, а не плюс.

Я уже не говорю о разном статусе депутатов Съезда Советов и Верховного Совета. Одни избирательные округа (счастливы!) получают депутата постоянно действующего Верховного Совета. Другие — депутата, раз в год наезжающего в Москву на съезд. Равны ли при этом избиратели? Идея Съезда Советов хороша была при пропорциональной системе выборов, когда избиратель голосовал не за людей, а за партии. Сегодня же, при совершенно иной ситуации, она должна быть еще и еще раз обдумана.

«Выборы депутатов являются прямыми: депутаты всех Советов народных депутатов избираются гражданами непосредственно» (ст. 98 действующей Конституции СССР). Действительно, выборы депутатов, не являясь, как выше показано, ни всеобщими, ни равными, много лет и десятилетий были прямыми. Сколько именно, сказать за-

трудняюсь; полагаю, с тех пор, как у депутатов всякая власть была отнята и передана исполкомам. Но их-то как раз мы не выбирали, этим занимались депутаты. Выходит, реальная власть избиралась не прямо, а двухступенчато. А если учесть, что громадная часть власти исполкома сосредоточена в руках его председателя, то и трехступенчато.

Совершенно очевидно, что первой жертвой комбинации, при которой Съезд народных депутатов СССР будет образовывать Верховный Совет страны, падает принцип прямых и непосредственных выборов. Тут, уже по определению, заложена идея косвенного, двухступенчатого, а что касается главы государства, то и трехступенчатого избрания. С точки зрения демократизации трудно понять мотивы, по которым избирателю будет отказано в праве самому, без посредников, решать, кто будет представлять его в Верховном Совете и кому надлежит исполнять функции Председателя Президиума.

«Голосование при выборах депутатов является тайным: контроль за волеизъявлением избирателей не допускается» (ст. 99 Конституции). Примите покаяние: для меня ваше, читатель, голосование никогда не было тайной, и я всегда допускал контроль за вашим волеизъявлением. Нужды не было согластайствоваться, достаточно просто взглянуть на утратившего бдительность гражданина. Если он, прижимая к груди бюллетень, как хоругвь благонадежности, вышагивал прямоком к урне, у которой симметрично были расставлены бело-розовые пионеры, я знал: он отдаст свой голос «за». От моего взгляда не могли укрыться и те, кто заходил в кабину. Исключая предположения типа: избиратель нашел укромное местечко, чтобы завязать шнурки или поправить бретельки, — нетрудно было догадаться, что зашедший в кабину голосует «против». Ничуть не усложнила моей задачи новация, в соответствии с которой кабину для голосования стали устанавливать так, чтобы никто не мог миновать ее. Однако одни избиратели пролетали сквозь кабину со скоростью свободного падения и гордо оглядывались. Другие чего-то там мешкали, так что понять, кто вычеркнул кандидата, а кто оставил — мычания проще.

Здесь классическая иллюстрация на тему, как принципы размывались процедурами. Сказано: дьявол прячется в деталях, в данном случае — в скромном бумажном прямоугольнике, именуемом «бюллетень для голосования». Можно ведь — и проектом Закона это наконец-то предусмотрено — против фамилии кандидата отпечатать: «за», «против» (требуемое подчеркнуть). Тогда каждый вынужден будет зайти в кабину и действительно тайно, следовательно, совершенно свободно сделать свой выбор, иначе бюллетень будет признан недействительным. А можно и так, как делалось: ступай, братец, в кабину, **тайна вычеркивания** тебе гарантируется.

Думается, именно отсутствие тайны голосования породило требование множественности кандидатов: не имея выбора между «за» и «против», мы настаивали на выборе между Иваном и Петром (неисповедимы пути твои, социалистическая демократия!). Дело заключалось в ничтожной канцелярской процедуре, позволяющей выбирать хоть из тысячи кандидатов (последовательно забаллотировать первого, второго, ...девятсот девяносто девятого), а нам пришлось — в конституционном принципе. Между тем при самом что ни на есть разгуле демократии может сложиться ситуация, когда в округе будет выставлен лишь один кандидат. Есть, например, бесспорный лидер, и его оппоненты не хотят представлять перед избирателями в роли «мальчиков для битья». Что прикажете делать — воленс-ноленс придется отступать от принципа множественности...

К сожалению, полностью проблема сохранения тайны голосования проек-

том Закона не решается. Остаются списки избирателей, так что **тайна воздержания** от выбора просто невозможна. Как представляется, было бы разумно составлять списки только для «внутреннего употребления», то есть для определения равновеликости округов. А в день выборов регистрировать тех, кто явился к избирательным урнам, и только во избежание «повторных» волеизъявлений. Таким образом, о неявившихся будет известно лишь их общее число. Что не так «пугает», как вероятность быть занесенным в какой-нибудь кондуит.

«ФЕНОМЕН ЛЕУШИНА — КОТОВА»

Наша политическая культура тяготеет к коллективной анонимности. Законодательные предположения — что братские могилы, будто некие сквозняки, гуляющие по коридорам власти, на чисто выметают имена. «Есть мнение», «состоялось постановление», «принят Указ» — вот, пожалуй, и все биографические подробности, которые дарят нам средства массовой информации. Мы не англосаксы, в традициях которых присваивать фамилии политиков различным законам, поправкам, казусам. Неплохие, надо сказать, традиции, и новое мышление открыло путь к их освоению. Что и пытаюсь сделать, вынося в подзаголовок истории, изложенной ниже, фамилии героев.

«Феномен» же потому, что эта история, в отличие от многих, подобных ей, выявила изъяны существующей избирательной системы (ранее невидимые или только угадываемые) и дает информацию к размышлению о будущей. Есть частности и, похоже, немаловажные, на которые может бросить свет только опыт, парадоксов друг. Именно соприкоснувшись с ним, проржавевшее железо издало стон, и обнаружилось, что наша избирательная система не столько исторически сложившаяся, сколько исторически слежавшаяся. Но по порядку...

Летом умер ректор Казанской консерватории Н. Жиганов. Это печальное событие имело и политический резонанс, поскольку покойный являлся депутатом Верховного Совета ТАССР. В полном согласии с Законом место вышедшего депутата было объявлено вакантным, выборы назначены на 25 сентября. В должное время избирательной комиссией округа № 10 был зарегистрирован и кандидат в депутаты — первый секретарь Вахитовского райкома КПСС Б. Д. Леушин. Дело вошло в безупречно накатанную колею: выдвинули, зарегистрировали, избрали.

Тут, однако, явился «возмутитель спокойствия», чего, собственно, и следовало ожидать в наше неустоявшееся время. Им оказался сорокалетний Юрий Котов, заведующий кафедрой охраны природы местного университета. Инициатива неформалов, выдвинувших его, если не обескуражила людей, находящихся при избирательной машине, то внесла легкое замешательство.

Регистрация кандидатов завершалась 9 сентября, и как бы то ни было, к этому дню статус кандидата приобрели и Леушин, и Котов. Предвыборная кампания началась, и шла она непривычно оживленно. Прокатилась волна собраний, на которых выступали кандидаты с платформами, в которых угадывались различия и подходов, и личности.

Платформы были опубликованы в газетах, и о них мог судить всякий. Так, Ю. Котов выдвинул идею создания единой экологической службы, объединяющей усилия всех заинтересованных ведомств и общественных организаций. Он предложил ввести представителя этой службы в высший орган власти республики. Кроме того, он ратовал за создание широко разветвленной сети экологического воспитания и образования населения, осуществление общественного контроля и квалифицирован-

ной экспертизы состояния окружающей среды, реализацию проектов оздоровления экологической обстановки в Казани и других неблагополучных в этом отношении городах республики, в разработке которых сам кандидат принимал непосредственное участие.

В платформе Б. Леушина о республиканских проблемах сообщалось только, что он намерен «принять активное участие» в их решении. Первый пункт его платформы гласил: «В результате обхода территории округа, бесед с избирателями у меня сложилось впечатление, что одной из главных проблем является запущенность жилищно-коммунального хозяйства...»

Другая волнующая проблема кандидата — это «благоустройство дворовых территорий. На большей части округа нет детских, спортивных площадок, в неудовлетворительном состоянии внутриквартальные проезды и дороги, плохое освещение и озеленение». И т. д. и т. п. Возможно, достойно упоминания, что Б. Леушин не только первый секретарь райкома, но и депутат районного и городского Советов. (Мадам де Сталь как-то заметила: «Горе стране, которую ежедневно спасают». А не горе ли, что вопросы внутриквартальных проездов, дворовых площадок и палисадинов решаются на уровне никак не меньшем, чем Верховный Совет автономной республики? Впрочем, если не сумели решить на других уровнях...)

Разумеется, помимо изложения своих платформ в прессе и на собраниях, кандидаты задействовали агитаторов. Это были не те безликие и робкие существа (мы так к ним привыкли!), заносщие в тетрадку Ф. И. О. избирателей и молящие не подвести их в судный день выборов. По квартирам ходили неформалы, переводя слово «экология» на доступный даже древним старушкам язык. Появились карикатуры, на одной из них первый секретарь сидел на двух депутатских креслах и явственно тянулся к третьему. Учителя и даже дети ходатайствовали за «официального» кандидата. «Дочь-второклассница, вернувшись из школы, заявила: мама, бабушка, если вы не проголосуете за Леушина, я вас разлюблю», — рассказывает мать двоих детей. В почтовых ящиках стали появляться записки, написанные детским почерком, порою с ошибками в фамилии, они тоже призывали голосовать за первого секретаря. Сгрудившись по четверо, ученики 5—6-х классов обходили подъезды и объясняли, что учительница послала их агитировать за Леушина.

Пресса хранила строгий нейтралитет, правда, давалось это с трудом, и иногда за внешней объективностью симпатии журналистов угадывались более чем прозрачно. Так, в статье А. Постнова («Советская Татария», 23 сентября) очевидный недостаток программы Леушина — отсутствие масштаба — был представлен как достоинство: «Программа ...более конкретна, заземлена на повседневные нужды людей... Судя по всему, Б. Леушин реалист». Если изложение платформы Ю. Котова завершалось сомнением, хватит ли у него сил, то о предвыборном заявлении другого кандидата было замечено: «Что особенно подкупает... так это предложение сотрудничества и содействия самодельным неформальным объединениям... Тот, кто не назовет такой шаг смелым, пусть первым бросит в меня камень». Нет спору, чтобы выдать нужду за добродетель, потребна известная отвага, но я не берусь за камень по той простой причине, что это заманчивое предложение адресовалось только первому.

Уже после выборов эта же газета поместила фоторепортаж, один из снимков сопровождался комментарием: «Голосуйте за Котова» гласит транспарант, **пришпиленный** сторонниками защитника природы прямо к деревьям (выделено мной. — Л. О.). На самом деле транспарант был приклеен липкой лентой, хотя, судя по фото, труд-

но отрицать, что «прямо к деревьям»

Вопрос об участии представителей общественности в работах избирательной комиссии никогда принципиальных затруднений не вызывал, оно предусмотрено целым рядом статей. Но все как-то прецедента не было. Теперь он появился: «командой» Котова разработана памятка на этот случай. Она освещает такие закоулочки избирательной практики, о которых, признаюсь, и не подозревал. В памятке есть, например, следующие пункты: «В 5 ч. 30 мин. проверить пустоту урн (!) как в зале голосования, так и выносной (для голосования на дому), а также наличие пломб на них». Или: «Проверить, нет ли где-то рядом дополнительной урны» (!!).

«После выборов», сказал я, и сказал неточно. Из официального сообщения явствовало, что на избирательные участки явилось 6837 из 11 074 избирателей. За Ю. Котова проголосовало 43,81 процента от общего числа избирателей округа, за Б. Леушина втрое меньше — 14,08. Поскольку ни один из кандидатов не получил больше половины голосов, округ остался без депутата.

На 30 октября были назначены новые выборы. И Котов, и Леушин свои кандидатуры сняли. В конкуренцию вступили Г. Каримова, учительница средней школы, и Р. Валеев, директор республиканской научной библиотеки. И вот результат: за Г. Каримову — 27,7 процента избирателей, за Р. Валеева — 26,8. То есть ни один из них не прошел: ведь согласно существующему порядку для победы на выборах кандидату необходимо набрать более 50 процентов голосов всех избирателей.

ВЫДВИЖЕНИЕ

Кто выдвигает и кого выдвигают в Совет? На сей счет шли нескончаемые споры. Право выдвижения, предоставленное Законом трудовым коллективам, партийным и общественным организациям, выглядело явно ограниченным. Члены трудового коллектива могут проживать совсем в другом округе и даже районе, поддерживать связь и контролировать своего выдвиженца они не могут. Бытовавшая практика лишала неформалов возможности иметь свое представительство в Совете. Как показал «феномен Леушина — Котова», даже сотни вполне правоспособных обитателей студенческого общежития оказались «мертвы» в избирательном законе, ибо они не являются трудовым коллективом. Такое положение коренится еще в духе и букве первой Конституции 1918 года, которая отдавала предпочтение трудящимся перед быва- телем, рабочим — перед крестьянами.

В резолюции партконференции «О демократизации советского общества и реформе политической системы» сказано, что двигаться надобно в сторону **неограниченного** выдвижения кандидатов. На мой взгляд, этот тезис следует интерпретировать таким образом, что, с одной стороны, право выдвигать получает любая группа граждан, работающая или живущая в пределах округа. С другой — каждый из нас получает возможность стать кандидатом. В самом деле, если Конституция закрепляет за нами право быть избранным в Совет, то как можно ставить под сомнение возможность любого гражданина стать кандидатом в избранные? Любого, что значит живущего и за пределами округа.

Мы только-только научились удивляться тому, что какой-нибудь среднеазиатский, к примеру, округ может быть представлен в Верховном Совете СССР генералом из Москвы, наезжающим к своим избирателям дважды в течение срока полномочий. «А сейчас товарищ генерал нам постреляет», — доверительно сообщает «доверенное лицо», и следует повествование, как «на берегах Ижоры и Тосны наши гвардейцы победоносны». Все хлопают в ладоши и единодушно оказывают доверие народу. Ю. Буртин в статье «Право выбора»

впечатляюще показал, что из этого получается.

И все же, думается, тут не было повода для законодательства. Понятно желание уберечь избирателя от декоративно-директивных кандидатур (министров, прокуроров и т. п.), превентивно отместить их законом, но давайте условимся: каждый округ заслуживает того депутата, которого избирает. Это вопрос политической культуры, а не конституционных табу. Осмысления собственных интересов собственным разумом, а не послушного следования благодетельным запретам, которые, будто красные флажки на снегу, «загоняют» людей в демократию. Если московский генерал удовлетворяет хлопкоробов, то это их хлопкоробское дело.

Читатель, конечно же, обратил внимание на ст. 37 проекта Закона, оговаривающую обязательный кворум для выдвижения в размере 500 избирателей. По-моему, если это не шаг назад, то шаг в сторону. Сколько мы знаем случаев, когда человек энергичный и со свежими идеями встает поперек горла родному трудовому коллективу! Подобная конфронтация серьезно затрудняет ему путь в «кандидатство». Между тем перестройка заинтересована именно в таких нонконформистах, и надо бы снять все неоправданные ограничения в этой области. Бояться, что в блестящую компанию кандидатов проберется какой-нибудь прохиндей, не приходится — избиратели его забаллотировать. Не стоит за них решать и предрешать.

ПРАВО ИЛИ ДОЛГ?

В ст. 56 действующего Закона о выборах говорится: «Избранным считается кандидат в депутаты, получивший на выборах больше половины голосов всех избирателей округа». И здесь же: «...Выборы признаются несостоявшимися, если в них приняло участие менее половины избирателей, внесенных в списки избирателей...»

Очевидно, люди, писавшие (помолчу о принимавших) Закон, исходили из презумпции безусловной явки к избирательной машине всех выдыхающих углекислый газ и способных к передвижению. Я существую, следовательно, я голосую. Тут нет преувеличения, вспомним покойного Константина Черненко. Незадолго до смерти он был доставлен в избирательный участок для свершения соответствующих манипуляций. Сопровождающие помогли Черненко разжать пальцы, и его волеизъявление голубем слетело к волеизъявлению других трудящихся. Во всем этом была какая-то обреченность и покорность гражданскому долгу.

В самом деле, конституционное право выбора как-то неприметно трансформировалось в конституционный долг. Логика, по которой это происходит, прекрасно изъяснил Ш. Ягудин, зав. орготделом Президиума Верховного Совета ТАССР. Из разъяснений, данных им через прессу «забастовавшим» избирателям 10-го округа, следовало, что избирать — это, конечно, **право**, но права сопрягаются у нас с обязанностями. Таким образом, голосовать — это **долг**. Хорошо, что Ш. Ягудин подобную логику не применил к правам на жилище, отдых, здравоохранение.

Положение, что сколько-нибудь значительное число граждан может отказаться свидетельствовать почтение самой демократической в мире избирательной системе, казалось невероятным. И тем не менее...

Абсентеизм (отказ от участия в выборах) — явление не новое, нам надо приучить слух к этому термину. Во всех цивилизованных странах известен феномен «голосования ногами». Мы же, увы, привыкли восторгаться политической активностью соотечественников и снисходительно сочувствовать тамошним избирателям, разочарованным в прелестях буржуазной демократии. Наши бедные головы даже не посещала простая, в сущности, мысль: любой выбор предполагает не две («за» и «про-

тив»), а три альтернативы. Третья — **воздержание**, для изъяснения которого вовсе не требуется личное присутствие.

Отказ от голосования логичен и естествен, если избиратель не решил, кого предпочесть, или убежден, что ни одна из кандидатур его не удовлетворяет. Кроме того, всегда или еще долгое время будут существовать люди, по тем или иным причинам не желающие принимать участие в политике. Что с этим поделаешь? А ничего, ответствуют официальные лица, явись и единодушно отдай — не греши голос за кандидата блока коммунистов и беспартийных.

Ст. 55 проекта снимает одно застарелое противоречие (избранным считается получивший больше половины голосов избирателей, **принявших участие** в выборах, а **не всех** зарегистрированных, как было ранее), но оставляет другое. Если баллотироваться, например, 5 или 10 (и даже 3) кандидатов, получить 51 процент голосов весьма затруднительно. И патовые ситуации в избирательных баталиях, несомненно, будут наблюдаться куда чаще, чем в шахматных.

Во многих странах практикуется так называемая мажоритарная система (от французского «мажорите» — большинство). Смысл ее заключается в том, что победителем на выборах считается либо набравший относительное большинство голосов, либо тот, кто обеспечил себе поддержку более 50 процентов голосовавших избирателей. Если этого последнего не случается, то предусмотрена (например, во Франции) процедура второго тура. То есть в списке для баллотировки остаются лишь две кандидатуры, собравшие в первом туре относительное большинство. И получивший во втором туре более половины голосов явившихся избирателей приобретает искомый статус.

Пока что округ № 10 ждет третьего голосования по тем же правилам. Что, если и на этот раз никто не соберет абсолютного большинства? Не исключено, что казанским избирателям придется посещать избирательные участки с той же частотой, что и продовольственные магазины, где ежемесячно распределяются карточки на мясо и масло, с неизъяснимым упорством именуемые «предварительными заказами». И так будет до тех пор, пока не будет задействовано новое законодательство, указывающее по крайней мере **полувыход** из этого тупика.

ВРЕМЯ И ДЕНЬГИ ДЛЯ КАНДИДАТА

«Феномен Леушина — Котова» высветил также проблему предвыборной агитации. Казалось бы, что за вопрос — агитировать могут все и каждый. Но именно потому, что это понималось «все, кого назначат», выявилась неготовность избирателей воспринимать как законную деятельность никем не утвержденных агитаторов. В частности, в письмах казанских читателей, с которыми довелось ознакомиться, ставится вопрос: имеют ли право работники райкома вести пропаганду за своего секретаря и против его оппонента? Ответ, безусловно, должен быть утвердительным, если мы согласимся, что работа в аппарате не означает поражения в гражданских правах. Любой избиратель, подчеркиваю, **любой**, вправе говорить то, что он думает о **любом** из кандидатов. Разумеется, для партийного работника ситуация, когда оба конкурирующих кандидата являются членами партии (как было и в этом случае), представляет особую сложность. Но это проблема партийной этики, а не конституционных процедур.

С принципиальной точки зрения не вызывают сомнения не только право, но и обязанность человека организации (партийной, профсоюзной, комсомольской и т. д.) всячески поддерживать ту кандидатуру, которую выставила организация. Невозможно вести партийную

политику, если не проводить на советские должности коммунистов. Что означает, в числе прочего, и агитировать за них.

Совершенно не ставился в нашей прессе вопрос о... прессе. Как известно, газеты у нас по преимуществу (а в провинции — исключительно) органы партийных комитетов. Могут ли они в условиях монополии вести усиленную пропаганду за «своего», читай: выдвинутого парткомом кандидата? Или они должны служить беспристрастным регистратором общественного мнения? Вправе ли журналисты выражать собственное убеждение или их удел быть механическим транслятором суждений, сложившихся в недрах «группы товарищей»? Не уверен, что эти вопросы относятся к числу тех, на которые мы найдем быстрые и четкие ответы.

Точно так право кандидатов на равную толику теле- и радиовремени, бесспорно, встретится с трудностями при первой же попытке реализовать его в условиях демократии. Скажем, в Моссовет депутатов посылает тысяча округов — не больше и не меньше! Это значит — две, три, а может, и более тысяч кандидатов могут выступить по московскому радио и телевидению. Трудно вообразить себе, как это возможно в течение краткой избирательной кампании. К тому же принято решение о едином сроке полномочий Советов всех уровней, и надо быть готовым к такому повороту событий, что все депутаты — от районного до Верховного Совета СССР — будут избираться одновременно. Чиновнику так удобнее проводить «мероприятие по выборам». Несомненно, явятся соображения стройности, соразмерности, единообразия, экономии («овес нынче дорог», «для вас же, дураков, стараемся» и т. п.). Голова закружится, когда враз объявятся вакантными мандаты районных, городских, областных, республиканских, Съезда и Верховного Советов...

Проблемы предвыборной агитации тесно сопряжены с тем, что, по замечанию Жюль Ренара, отличает нас от животных. Разумеются денежные неприятности. Мировой опыт свидетельствует, что активная избирательная кампания стоит денег, и часто немалых. Между тем у нас подобные расходы относятся на счет государства.

Известно, о каких расходах идет речь. Прежде всего это печатание бюллетеней и т. п. Кроме того, так называемая наглядная агитация. Вам, быть может, встречались блеклые такие бумажечки установленного образца, содержащие «объективки» на кандидатов: родился, учился, работал, вступил. Чья-то невидимая рука вывешивает их на дверях подъездов и прочих подходящих для этой цели предметах. Шрифт непременно ровесник Гутенберга, а может, и старше. А уж тексты, тексты... Вспоминаю листовочку, страстно зовущую голосовать за 18-летнюю вагоновожатую (бедняжку выдвинули в Верховный Совет СССР). Помимо прочего, сообщалось, что кандидаташа в быту ни в чем дурном замечена не была...

Проблемы финансирования избирательной кампании достаточно деликатны и совершенно не разработаны. Имеет ли право совет трудового коллектива, профсоюзный комитет или орган другой общественной организации перечислить средства на счет своего кандидата? Вправе ли избиратели, сегодня столь широко жертвующие на благотворительность, внести пожертвования в предвыборный фонд будущего депутата? Может ли кандидат использовать свои личные сбережения на избирательную кампанию? (Проект Закона обо всем этом умалчивает.)

Как представляется, и здесь ответы должны быть утвердительными: да, имеет, да, вправе, да, может. За государством же должна остаться обязанность оплатить счета кандидатов в точно установленных пределах. Эти пределы пусть и определит Закон. Не исключая, что в этой сфере могут понадобиться и иные законодательные устано-

вления, но понадобятся ли, и какие именно, покажет практика. Возможно, было бы правильным обязать кандидатов информировать общественность о размерах и источниках пожертвований.

В свете сказанного понятно, что формулировка «кандидаты... и избиратели не несут расходов, связанных с проведением выборов», сегодня читается как запрет тратить свои или пожертвованные деньги и, конечно же, должна быть снята. Вообще говоря, у нас очень уж часто тема денег считается неуместной, как присутствие менял в храме. Особенно если тема эта приобретает личностный, точнее, наличностный оттенок. Одно дело, когда государство берет с нас налог и затем им распоряжается (небось знают, что и куда, не дураки, чай, сидят). Совсем другое, когда избирателям округа № 10 раз в год надо скинуться по полтинничку, чтобы обеспечить более чем приличное содержание своему депутату.

Отношения избирателя с властью, которую он для себя формирует, должны стать, я бы сказал, интимными. В том смысле, что депутат должен кормиться из теплых рук избирателя, а не холодной длани государства и знать, кто и за что ему платит деньги. Думается, с этой целью следовало бы подоходный налог разбить на две части: общегосударственный и местный. Что-бы стало не «с нас берут», а «мы даем», точно зная, кому, сколько и зачем.

Думается, если наш избиратель не готов за свой счет содержать своего депутата, а предпочитает прозябать по-прежнему дешево и сердито, то с провозглашением Советской власти нужно повременить и пожить еще немного при «исполкоми», как назвал в далеком 19-м году нашу систему один из делегатов 8-го партийного съезда. Советская власть, по определению, имеет своим единственным источником, в том числе и финансовым, народ. Он — суверен, и на все его суверенная воля. Желает сэкономить полтинничек, что ж, пусть приглашает чиновника продолжить свои изыскания.

Дискуссии, впрочем, довольно-таки вялые, о численности депутатского корпуса, оплате труда «слуг народа» и т. п., несомненно, полезны и должны продолжаться. Однако идея сойтись на чем-то и законодательно закрепить ту или иную установку, мне кажется неприемлемой. Эти и подобные вопросы организации власти было бы разумным вынести за скобки, так сказать, писаного права и оставить на усмотрение избирателей. Граждане страны, республики, области, города, района сами должны решить, сколько депутатов послать в свой Совет и какая сумма для этого должна быть собрана. Задача вернуть власть Советам носит политический, а не процедурный или фискальный характер. Существо власти не меняется от того, что в одном районе имеется 300 депутатов, получающих по 500 рублей, а в другом — десять, работающих бесплатно. Это — вопрос не принципа, а целесообразности; полюбимся на собственный здравый смысл. Совершенно очевидно, что структура Советов в Прибалтике будет значительно отличаться от структуры среднеазиатских Советов, Моссовет просто не может не быть организован иначе, чем власть во Владивостоке. Возможно, некогда обозрение советской системы будет создавать ощущение многообразия и пестроты. И славно: пестрая — значит, живая.

СОВМЕЩЕНИЕ

Б. Леушин отказался от предвыборной борьбы. Вожденный мандат на озеленение дворовых площадок и контакт с неформалами остался недостижимым. И в то же время он остался секретарем. Отказ руководителя районной парторганизации, собравшего всего 14 процентов голосов, уйти в отставку может быть истолкован различным образом. Но в первую очередь это

уместный повод для разговора о совмещении.

Идея совмещения, возникшая несколько внезапно в ходе партконференции, обсуждается, к сожалению, более чем редко. Существует, по-видимому, молчаливое согласие, что дискуссия должна носить скорее практический, чем теоретический характер, и, стало быть, надо погодить. И все же позволю себе поразмышлять вслух.

Во-первых, мы знаем, что партийные лидеры работают по 12—13 часов в день, частенько прихватывая выходные. Когда же им работать в Совете?

Во-вторых, в совмещении кроется конституционная проблема: первый секретарь, являясь депутатом одного из округов, в любое время может быть избирателями отозван. В таком случае мы получим председателя Совета, не являющегося его депутатом. Что, разумеется, нонсенс. Поэтому выглядит очевидным, что политик, претендующий на должность председателя Совета, должен избираться на этот пост всеми избирателями района, города, области, республики или страны.

В-третьих, совмещение имеет и чисто партийный аспект. Может случиться так, что партийный лидер не будет избран на пост председателя Совета. В соответствии с духом решений партконференции это должно влечь за собой отставку и, стало быть, избрание нового секретаря комитета. Между тем совершенно не исключено, что забаллотированный в Совете является самым авторитетным лидером в комитете, но уступает в массовой популярности беспартийному кандидату. И это проблема авторитета партийной организации, а не первого секретаря. Иными словами, он может быть самым популярным человеком в своей партийной организации, но уступать в качестве кандидата на пост председателя Совета неформалу. Какой в этих условиях имеет смысл его отставка?

* * *

Мне кажется, что депутаты Верховного Совета СССР должны уклониться от окончательного решения по поводу обсуждаемых законопроектов и передать их судьбу на усмотрение избирателей. Какие же еще нужны поводы для референдумов, если не этот — серьезные и далеко идущие изменения в Конституции СССР?

Возвращаясь к правотворческой лихорадке, к свего рода «правовой эйфории», хочу еще раз подчеркнуть, что ей компенсируется дефицит действий. Не стоит обманываться на сей счет. Прошедшие недавно избирательные кампании по выборам в Верховный Совет РСФСР в девяти округах четко высветили проблему. При равных возможностях выдвигать нескольких кандидатов только три округа воспользовались этим. Остальные ждали... Чего? Законов, позволяющих выдвигать более одного кандидата? По-видимому, тот, кто рассчитывает, что с принятием новых избирательных законов мы немедленно и бодро шагнем в светлое демократическое будущее, должен над этими вещами поразмыслить.

Бюрократический монастырь не превращается в демократический заповедник по сигналу из центра. Невозможно навязать власть трудящимся — трудящимся. Не заклинаниями — одолением в силовом единоборстве отодвигается бюрократ. Пока мы с привычной готовностью имитируем за сценой то бурю аплодисментов, то шум падающего бревна, будут чиновники «и ты, послушный им народ». Соединившись для освобождения, мы способны сделать былью сказку барона Мюнхгаузена — вытащить самих себя из смердящего болота культа и застоя. Не столько рычаги нужно искать, сколько силу, способную за них взяться. Один шаг массового движения стоит дюжины программ. Но даже дюжина дюжин программ не стоит этого шага.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

ИДЕМ К ПРАВДЕ

Дорогие читатели, спасибо вам за доверие. Когда этой осенью мучительная подписка была освобождена от ограничений, вас у «Огонька» стало больше, чем бывало когда бы то ни было. Мы сделаем все для того, чтобы оправдать вашу веру, так же, как все делали, чтобы ее завоевать. Спасибо!

Проблема доверия — одна из главных сегодня: и в мировом масштабе, и в отношениях внутри страны. Мы ведь и результатам подписки обрадовались прежде всего как свидетельству того факта, что наша с вами общность укрепляется, что мы заинтересованы общим делом. Здесь же хочется успокоить ряд читателей, сообщающих нам о напаках на «Огонек». А как же еще? Все существует в комплексе. Мы очень определенны, и наши оппоненты сражаются вовсе не против еженедельника «Огонек» или его сотрудников. Им претит круг идей, столь важных для нас с вами, для огромной части населения Советской страны. А иногда это, как пишет нам Л. Майсурадзе из Тбилиси, потуги тех, кто «под прикрытием борьбы за национальную гордость хочет сохранить свое положение и скрыть преступления, совершенные против народа, правосудия и демократии». Может быть. Но вызвавшие письмо статьи тбилисского литератора Г. Панджикидзе, опубликованные в его родном городе, обвиняющие «Огонек» во множестве смертных грехов, всего-навсего совпали с нашими выступлениями по вопросам правосудия в Грузии и с отклонением редакцией предложенных нам рассказов самого Г. Панджикидзе. Ничего страшного: успокоится автор и поймет, что в сражении за чистоту любых мундиров надо держать чистыми прежде всего собственные души и совесть, те самые «белые флаги», о которых так ярко писал замечательный грузинский писатель Нодар Думбадзе.

Проводя любые «недели совести» и «дни памяти», не имеем права превращать в символы и уводить из мира предметных, точно оцениваемых событий то, что конкретно и повседневно, без чего не имеем права жить и писать...

Читатель Л. Галинский из Киева сообщает нам, что там, на вечере журнала «Наш современник» чего лишь не понарасказывали об «Огоньке». Ну и ладно. Поэт С. Куняев, выступавший там, бывало, и про Высоцкого всякое рассказывал, и про поэтов-фронтовиков — все оказывалось неправдой. Куняева уличали, а ему что — как божья роса, — он снова рассказывал. Характер, должно быть, такой. «Не берите в голову», — как говорят в Одессе...

А может быть, «брать в голову»? Может быть, незамеченная или ненаказанная непорядочность нагнет?

Такие вопросы входят в круг тех, что сегодня волнуют больше всего. Как жили мы? Как жить будем? Огромный круг вопросов, нуждающихся в скором и справедливом решении, не уменьшается, а к тому же постоянно находятся желающие подбросить хвороста в костер, разжечь его подымнее, чтобы за дымом тем и самим скрыться.

Мы идем к правде. Умение повседневно отделять ее от лжи крайне необходимо. Умение пресекать чужие политические истерии помогает собственной политической ясности. Ах, милые путаники себе на пользу, не так и мудры вы, как полагаете...

Дни памяти жертв сталинщины, проводимые «Огоньком» в Москве, позволяют осмыслить многое в непростом нашем политическом опыте. Вспомнить, сколько зла натворили целенаправленные лжецы и целеустремленная ненависть. Сегодня нужен такт, но нужна и твердость. Когда светлое племя этих самых «чего изволите» понемногу начинает выходить из тени, отыскивая себе место под очередным солнцем, они становятся особенно опасны в те минуты, когда им напоминают о прошлом, об их духовной сговорчивости, которая с партийностью, с дисциплиной не имеет ничего общего. Нельзя же, на самом деле, сказать, что флюгер симпатизирует какому-то определенному ветру...

Надо помнить. Надо напоминать. В всюду обрушивающихся информационных потоках давайте находить главное — это необходимо. Давайте беречь и защищать крепнущее народное достоинство, нарастающее неприятие лжи. Крепнущая солидарность честных людей страны все меньше вредят наговоры и слухи. За последние несколько лет мы с вами приобрели и освоили огромный политический опыт. Теперь уж, если и удастся кого обмануть — значит, он сам того хотел.

Виталий КОРОТИЧ

ОБСУЖДАЕМ ПРОЕКТЫ

ЗАКОНОВ СССР

ЧЕМУ СЛУЖИТ «ПАМЯТЬ»? ●

Ознакомившись с проектом закона «Об изменении и дополнении Конституции СССР», хотелось бы поделиться с вами своими замечаниями и предложениями.

Не согласен с тем, что треть депутатов предполагается избирать от общественных организаций (статья 109). Это не только не увеличивает демократические права граждан, а значительно ущемляет их. Устанавливается неравенство избирательных прав граждан СССР, так как нарушается демократический принцип: один человек — один голос. Лица, избирающие депутатов от общественных организаций, могут входить в состав неограниченного количества таких организаций и, как следствие, иметь неограниченное число голосов. Депутаты от общественных организаций выпадают из-под контроля простых избирателей нашего государства, так как процесс их избрания многоступенчатый, их избирают не рядовые члены союзов и обществ, а их президиумы, пленумы, в лучшем случае съезды, то есть функционеры избирают функционеров (чаще всего в президиумы таких организаций входят номенклатурные работники, которые и будут выдвигать и избирать самих себя). Такие депутаты могут руководствоваться в своей работе в Верховном Совете в лучшем случае интересами своих организаций, а в худшем — его руководителей и своими собственными, будут оторваны от большинства рядовых избирателей.

Поэтому считаю, что все депутаты должны избираться только по избирательным округам. А общественным организациям и их отделениям с числом членов более пяти — надо предоставить право выдвигать на общих основаниях своих кандидатов в территориальных округах, в которых они действуют. И если представители этих организаций будут избраны, то они будут выполнять волю прежде всего своих избирателей, а уж затем той общественной организации, которую представляют.

Выборы Верховного Совета должны быть прямыми. Депутаты должны избираться не на Съезд народных депутатов СССР, а непосредственно в Совет Союза и Совет Национальностей. Съезд народных депутатов явно надуманное звено, необходимое только затем, чтобы включить в общую систему Верховного Совета депутатов от общественных организаций. Кроме того, непонятно: какую по численности часть от всего количества депутатов СССР предполагается избирать в Верховный Совет. Можно предположить только, что явно меньше половины всех депутатов, чтобы можно было, во-первых, ежегодно обновлять пятую часть состава Верховного Совета, а это означает, что за отчетный период он может смениться почти полностью; и во-вторых, чтобы остался принцип выборности, остающаяся часть депутатов должна быть большей части избранной в Верховный Совет. Это может привести к тому, что у власти в своем большинстве окажется та сплоченная часть функционеров от общественных организаций, которая будет диктовать свою волю депутатам и Съезду и, пользуясь принципом ежегодного обновления пятой части состава Верховного Совета, убирать из него неудобных.

Не утверждаю, что так будет, но так может быть! И эту возможность необходимо исключить!

Далее. Выборы Председателя Верховного Совета должны быть прямыми и всенародными, что позволит гражданам нашего государства наиболее полно выразить свою волю и придаст больший авторитет этой должности.

В заключение хотелось бы пожелать более тщательно готовить проекты законов, не спешить с их принятием, устраивать действительно широкое и всенародное их обсуждение в печати, по радио и на телевидении, отводить для этого наиболее удобное время.

Предлагаю также Конституцию СССР и любые ее изменения ставить на всенародное голосование всех граждан нашей страны.

Б. В. ЕЗЕРКО

Москва

Как известно, на начало девяностых годов намечена радикальная реформа ценообразования. В результате ее проведения должны быть ликвидированы накопившиеся диспропорции и противоречия в ценовом хозяйстве. Подготовкой реформы в основном занимается Госкомцен СССР. Затем проект реформы будет вынесен на всенародное обсуждение. В результате такого обсуждения мы получим в лучшем случае лишь в большей или в меньшей степени подкорректированный вариант, выдвигаемый Госкомцен.

Считаю такой подход в корне неверным. На карту поставлено слишком многое, чтобы такое важное для страны дело на девяносто процентов было решено сравнительно небольшим коллективом (пусть даже составленным из самых высококлассных специалистов). Обсуждать мы должны не один, а несколько альтернативных проектов. И такие проекты (пока, правда, «сырые», изложенные порой публицистически) есть. Первый заместитель председателя Госкомцен СССР А. Комин отмечает в № 43 «Экономической газеты», что «многие экономисты, в том числе и работники органов ценообразования, дают конкретные предложения по направлениям перестройки системы цен». Правда, ему импонируют только такие предложения, в которых «отмечается необходимость повышения уровня цен во многих отраслях и сферах, в том числе и розничных цен на продовольственные товары».

Мне кажется, что нужно организовать еще несколько групп специалистов, независимых от Госкомцена, которые бы детально проработали несколько «жизнеспособных» вариантов. Во все не обязательно, чтобы эти различные подходы были полярными. Главное, чтобы они были комплексными, глубоко научными, рассматривали систему цен и тарифов во всем многообразии экономических взаимосвязей. Кроме того, каждая из выдвинутых концепций должна быть доказательной и обязательно подтверждаться результатами, полученными при моделировании различных экономических ситуаций, в которых могут оказаться отдельные отрасли, регионы или страна в целом.

Возникают вопросы также и в связи со сроками обсуждения проекта реформы ценообразования. В тринадцатую пятилетку мы

должны вступить с новой системой цен. Предполагается, что необходимо закончить пересмотр оптовых цен в промышленности, тарифов на транспорте к 1 января 1990 года. Следовательно, через год с небольшим новая система цен должна уже функционировать. А Госкомцен, по словам А. Коминой, «в настоящее время работает над мерами по подготовке предложений по ценовой реформе». Когда же мы увидим проект реформы? Если это произойдет даже весной 1989 года, то затем последует двух-трехмесячное обсуждение плюс двухмесячное обобщение предложений и выработка окончательного варианта. Когда же будет приводиться в порядок громаднейшее ценовое хозяйство СССР в соответствии с дополненными документами по ценообразованию? За три-четыре оставшихся месяца, пожалуй, не успеть. А это может означать то, что часть цен уже разработана. До всенародного обсуждения. Хотелось бы услышать в связи с этими пояснениями Госкомцен.

С. С. МИРОНЧЕНКО,
экономист, преподаватель
политехнического института
Одесса

Горько, очень горько писать это письмо. Наш сын с нетерпением ждал призыва в армию. И вот в июле прошлого года это произошло. Он начал службу в учебном подразделении. Прошло три месяца, и отец, ветеран войны, решил его навестить.

Свидание состоялось в грязной, неотапливаемой комнате, где нет даже питьевой воды. Отец был поражен, насколько неухоженным, просто грязным было нижнее белье сына и его тело.

Оказалось, что за три месяца службы курсанты всего пять раз мылись в бане, где нет горячей воды и лимитирована холодная. Постельное белье меняют крайне редко, в подразделении завелись вши.

Солдат принял воинскую присягу — присягу служить честно, но ведь и Родина в лице его командиров тоже приняла на себя обязательства, которые не выполняются. Каждая мать, провожая сына в армию, надеется на нормальные условия жизни, соблюдение элементарных санитарно-гигиенических норм.

От плохих бытовых условий курсанты совершают побеги, только за последние два месяца убежали два человека. Курсанты постоянно хотят есть и спать, плохо одеты и плохо выучены по специальности.

Сын ни на что не жалуется, но находится в крайне подавленном состоянии.

Через два месяца он закончит «учебку» и уедет из полка, и, наверное, ему помочь уже не смогу, но придут новые призывники...

Все это происходит тогда, когда вопросы воинской дисциплины и преодоления отставания в социально-культурной сфере в армии рассматриваются на заседании Политбюро ЦК КПСС.

М. Б. РЕННИ
Ленинград

Позвольте задать вопрос, на который нигде не могу найти вразумительного ответа: вписывается ли в систему социалистического плюрализма деятельность общества «Память»? Или, если поставить вопрос иначе: совместимы ли пропаганда юдофобства и терминология типа «жидо-масонский заговор», «засилье инородцев» с самой идеей нашего государства как Союза Советских Социалистических Республик, с идеями Ленина, Конституцией СССР, Уголовным кодексом, революционным процессом перестройки?

Милиция исправно разгоняет достаточно безобидные митинги защитников памятников культуры и борцов за чистоту окружающей среды. В то же время боевики «Памяти», облаченные в черные рубашки, ведут себя агрессивно, на собраниях и дискуссиях оскорблениями и угрозами пресекают любые возражения и протесты. Им никто не мешает распространять свою ядовитую демагогию среди политической и духовно отсталой части общества. Молчат юристы, молчат правоохранительные органы, повышаются в должностях люди типа Нины Андреевой. Равнодушию терпению должен быть положен конец — таково мое мнение. Жаль, если оно останется лишь мнением частного лица, ибо свобода для шовинизма и реакции — отнюдь не признак нашей силы и уверенности.

М. К. ПАХОМОВА,
библиотекарь
Ленинград

По недавно опубликованным итогам работы народного хозяйства за девять месяцев 1988 года план производства продовольственных и потребительских товаров по большинству позиций выполнен. Зафиксирован рост по сравнению с прошлым годом. Комментаторы говорят о преодолении негативных тенденций и «позитивных сдвигах». Но прилавки и полки магазинов пусты до такой степени, какой мы не наблюдали за тридцать лет сознательной жизни. А ведь по ним — и только по ним — судят люди о состоянии экономики. В дефиците почти все — от конфет до телевизоров, причем такие товары, в которых раньше никогда не ощущалось недостатка.

Положение ощущается как катастрофическое. Средства массовой информации на эту — самую животрепещущую — тему молчат или бормочут невнятицу. Что происходит? Ведь заводы работают. Трудности перехода на новый хозяйственный механизм? Но почему за счет рядовых потребителей. До каких пор? Усиливающийся тотальный дефицит — это, помимо прочего, унижение, оскорбление народа. Терпение его, конечно, огромно, уникально. Но все, абсолютно все имеет конец.

Дело, на наш взгляд, не в «трудностях» — без них наша экономика и существовать никогда не могла. Иного серьезного объяснения, кроме как саботаж реформы и перестройки со стороны бюрократических структур, у нас нет. Такое мнение высказывают многие.

Семья ЕГОРОВЫХ,
Москва

Коллектив инженерно-экономической фирмы «Интермаркет» благодарит редакцию журнала «Огонек» за большую работу в деле формирования и воспитания демократических принципов жизни Советского государства.

Зная, что вы испытываете трудности с бумагой, коллектив фирмы «Интермаркет» принял решение перевести в 1989 году на счет журнала «Огонек» 10 процентов валютных отчислений от доходов фирмы для приобретения бумаги.

Надеемся, что нашу инициативу поддержат также другие государственные и кооперативные предприятия.

От имени коллектива «Интермаркет»
И. В. САФОНОВ,
председатель фирмы,
доктор технических наук,
А. В. УТКИН,
директор фирмы

МЕМОРИАЛ СОВЕСТИ

Счеты со сталинщиной еще не сведены до конца, и рано думать о забвении темы.

Трагедия миллионов замученных, трагедия обескровленной страны, искореженных судеб и нравов — беда общая. И болью щемит каждое равнодушное сердце.

Все уверенней ощущаем мы потребность утвердить МЕМОРИАЛ СОВЕСТИ. Слышите, как стотысячным эхом отдаются в этих словах проклятия, тревоги, надежда...

Опыт истории должен нас чему-то научить.

Чтобы в будущем не повторилось прошлое, скажем себе: помни! Помни о том, что было. Помни всегда. Время, поступки не подлежат прощению. Мы живем не только среди героев и мучеников. Но и среди подлецов. И мы должны их знать и казнить — презрением поколений.

Мемориал не только памятник. Он предостережение. Он нужен нам всем для нравственного очищения, чтобы активным стало сознание и решительными действия.

Давайте же соберемся вместе, вспомним всех поименно, почтим память тех, кто стал жертвой сталинских репрессий, и задумаемся о том, как жить дальше.

Редакция журнала «Огонек»

во Дворце культуры производственного объединения
Московский электроламповый завод
проводит НЕДЕЛЮ СОВЕСТИ

В Днях памяти участвуют: 19 ноября — Союз театральных деятелей РСФСР, 20-го — творческие и общественные организации Ленинграда, 21-го — Союз композиторов РСФСР, 22-го — журнал «Юность», 23-го — газета «Московские новости», 24-го — «Литературная газета», 25-го — Союз кинематографистов, 26-го — редакция журнала «Огонек».

Адрес ДК МЭЛЗ: пл. Журавлева, 1. Проезд до станции метро «Электрозаводская».

Весь сбор от мероприятий Недели совести будет перечислен в фонд Мемориала.

«МЕЧТЫ НА ПОЛКЕ»

В следующем году страна будет отмечать столетие со дня рождения народного художника СССР, скульптора Веры Игнатьевны Мухиной. Наверное, нет у нас человека, который бы не был знаком с ее знаменитой работой — «Рабочий и Колхозница». Но мы решили сегодня поместить на нашей вкладке малоизвестные работы мастера, ведь необычайно разнообразное наследие Мухиной практически неизвестно широким массам зрителей...

Смотря на официальное признание, ее творческая судьба складывалась сложно, и из многочисленных задумок, эскизов и проектов только три были осуществлены, да и то не так, как об этом мечтал автор. Основная же масса работ после конкурсов и часто многолетних переделок оставалась в виде моделей и макетов в ее мастерской. «Мечты на полках» — так называла их сама Вера Игнатьевна. Из 150 скульптурных работ (примерно 50 в Третьяковской галерее и 100 в Русском музее) в постоянной экспозиции находится не более двадцати, более тысячи листов рисунков и театральных работ вообще не выставляется, книжная графика двадцатых годов не собрана. Ни при жизни Веры Игнатьевны, ни за 35 лет после ее смерти, не издано ни одного популярного альбома с репродукциями ее произведений...

Вера Игнатьевна Мухина родилась в купеческой семье в городе Риге. В двухлетнем возрасте она потеряла мать, а в 14 лет — отца и осталась на попечение родственников-опекунов. Она рано начала увлекаться рисованием и после переезда вместе со старшей сестрой в Москву поступила в частную школу-мастерскую известного художника К. Ф. Юона. В Москве сестры Мухины вели светский образ жизни богатых девушек на выданье, и увлечение искусством, возможно, осталось бы увлечением дилетанта, если бы не несчастный случай, в результате которого Вера Игнатьевна получила тяжелую травму лица и считала себя изуродованной. Опекуны, не знавшие, как облегчить ее горе, согласились на поездку в Париж для занятий искусством. Двухлетнее пребывание в Париже окончательно определило жизненный путь Мухиной. Она училась у крупнейшего скульптора-монументалиста Франции Бурделя, общалась с Терновцом, Поповой, Экстер...

Возвращение Мухиной из Парижа совпало с началом первой мировой войны, и, как и многие другие, Мухина начинает работать сестрой милосердия в московских госпиталях. Одновременно с этим она помогает Экстер в ее работе в Камерном театре, оформляет ряд самостоятельных постановок («Ужин шуток» Сем Бенелли, «Роза и Крест» Блока), создает свою первую «тематическую» скульптуру.

Революцию Мухина приняла сразу. Этому, несомненно, способствовал брак с талантливым врачом, участником революции 1905 года, Алексеем Андреевичем Замковым. Несмотря на разницу в происхождении и воспитании (Замков происходил из бедной крестьянской семьи и только к тридцати годам сдал экзамен на аттестат зрелости), брак оказался счастливым. «Я выиграла Алешу, как сто тысяч по трамвайному билету», — неоднократно повторяла Вера Игнатьевна. Она активно включается в творческую и общественную деятельность московских художников: участвует в многочисленных конкурсах и работах по «Монументальной пропаганде», создает крупные произведения чистой пластики («Юлия», «Ветер»), вступает в Организацию русских скульпторов (членский билет № 2).

Завершением и апофеозом этого первого послереволюционного десятилетия явилась «Крестьянка», получившая первую премию на конкурсе, посвященном 10-летию Октября (первый экземпляр куплен итальянским правительством и находится в одном из музеев Италии).

В это время Замков тесно сближается с передовыми биологами и переходит на работу в Институт экспериментальной биологии, руководимый круп-

нейшим советским генетиком Н. К. Кольцовым. Выполняя работу по изучению проблем старения и омоложения, Замков сделал открытие в области урино-терапии. Удачные попытки лечения некоторых тяжелых больных препаратом «Гравидан» вызвали возмущение многих коллег-врачей, вскоре перешедшее в беззастенчивую газетную травлю. В 1929 году Замкову было сделано предложение выехать за границу и продолжить свои экспериментальные работы там. Предложение оказалось провокацией, организованной коллегами, и как только Замков собрался, он и Вера Игнатьевна были арестованы и высланы в 1930 году в Воронеж. Несмотря на то, что Замков и там продолжал свои опыты лечения «Гравиданом», да с таким успехом, что по инициативе Максима Горького он был в 1932 году возвращен в Москву и назначен директором сначала лаборатории, а потом института Урогравиданотерапии.

В 1932 году Мухина впервые получает отдельную мастерскую — большую комнату при квартире. Она создает серию портретов — Н. К. Кольцова, С. А. Котляревского, архитектора С. А. Замкова; работает над проектами памятников и монументально-декоративными скульптурами, которые, по мысли Мухиной, и должны были воплощать ее представление о «Монументальной пропаганде». Это проект памятника Шевченко для Харькова, «Фонтан Национальностей» для Москвы, «Эпроновец» и «Наука» для гостиницы «Москва»... Несмотря на высокие оценки и призовые места в конкурсах, ни один из этих проектов не был воплощен...

Художественное видение Мухиной начинает все более расходиться с точкой зрения официальных заказчиков. Так, проект памятника Шевченко был отвергнут, так как у Мухиной он был изображен в национальном украинском костюме, что было истолковано как «свидетельство националистической направленности» в ее работах. Аналогичными были отводы и других работ Мухиной.

В 1936 году Мухина приняла участие в конкурсе по созданию «Рабочего и Колхозницы» — монументальной группы, венчавшей Советский павильон на Всемирной выставке 1937 года в Париже.

Триумфальный успех «Рабочего и Колхозницы», «величайшего произведения скульптуры XX века», по определению одного итальянского журналиста, показал всему миру художественные и агитационные возможности точного, яркого символа в изобразительном искусстве и вывел их автора из-под удара «принципиальной» критики.

Следует вспомнить, что еще в процессе постройки статуи на Мухину писались доносы, а в складках шарфа, объединяющего фигуры Рабочего и Колхозницы, пытались найти «профиль некоторого бородастого лица». Да и после успеха, при установлении скульптуры на ВСХВ, техническая задержка с окончанием трактовалась как «саботаж» и «сознательное вредительство».

До сих пор неясно, как было принято решение установить статуи на высоте 12 метров вместо заранее рассчитанных 33, как они стояли в Париже. Я знаю только, что с самого начала моя мать была возмущена, протестовала, но ничего не могла поделать. До самой смерти она не переставала писать о том, что неправильно установленные скульптуры теряют не только в художественном, но и в политическом звучании. Безрезультатно! Последнее письмо — с предложением установить статуи на бровке Москвы-реки в районе смотровой площадки над Лужниками — было отправлено ею в правитель-

ство уже из больницы, за два месяца до смерти.

Тяжелые переживания 1938 года (после новой волны газетной травли был закрыт институт Урогравиданотерапии, а Алексей Андреевич после двух инфарктов оказался надолго прикованным к постели) не сломили Мухину, она продолжала работать. Трагическая смерть Чкалова, мимолетная встреча с которым запомнилась ей на всю жизнь, вызвала рождение «Икара» — фигуры крылатого человека, которая, по мысли автора, должна была бы стоять в «пантеоне летчиков» — круглом зале с бассейном в центре и урнами погибших по стенам. В центре бассейна, едва касаясь воды сломанным крылом, летела, падала серебряная фигура юноши — воплощение мечты человека о полете к небу и звездам.

Интересна судьба этого произведения. В 1940 году американская миллиардерша Эмили Пост предлагала Мухиной любые условия, если она согласится осуществить Икара и пантеон в США. В 1944 году первый экземпляр, 30-сантиметровая бронзовая фигурка, был отломан от пьедестала и украден из экспозиции «Выставки шести» в Третьяковской галерее. Второй, восстановленный Мухиной в 1953 году во время болезни, — тоже украден из литейных мастерских. К счастью, уцелела форма, по которой и отлили Икара, находящегося теперь в запасниках ГТГ.

В 1938—1939 годах Мухина работала над скульптурами для Москворецкого моста, соединяющего Красную площадь с Замоскворечьем. Были выполнены три варианта: однофигурные «Земля» и «Море», двухфигурные «Плодородие» и «Хлеб» и четырехфигурные «Пламя революции» и «Гимн «Интернационал». После долгих заседаний жюри, переделок и провололок оказалось, что на выполнение скульптур в натуре «не запланированы деньги» (!). Вся работа осталась в эскизах и отправилась на полку. Только выполненный отдельно двухметровый «Хлеб» украшает запасники Русского музея.

Началась война... Пришлось забыть о больших монументах и сосредоточиться на портретах. Это портреты полковников Хижняка и Юсупова («Бог войны»), хирургов Юдина, Бурденко и Шамова, академика-кораблестроителя Крылова, балерин Семеновы и Улановой, дирижера Мравинского, профессора Львова... Поиски образа войны... Из случайного этюда с натуры рождается «Партизанка», появляется «Возвращение» — фигура безногого мужчины с молодой сильной спиной, охватившего руками и прижавшегося лицом к ногам женщины, в отчаянии опустившей руки. Эта работа была в 1947 году уничтожена автором. Остался только эскиз. После Победы Вера Игнатьевна начинает работать над монументом «Защитникам Севастополя» — города ее юности. Вот как видела она воплощение своей мечты:

«Воздух чист и прозрачен, и далеко-далеко на горизонте начинают показываться желтоватые утесы Севастополя. Но что это там, на горизонте, недалеко от утесов? Сначала показалась самая верхушка, потом обнажились поперечные рей... Все ближе и ближе. Судно вырастает из моря в розовой дымке утреннего тумана. Как будто огромный военный корабль стоит в море и охраняет утренний покой еще не проснувшегося города-героя. Вот первый утренний ветерок пронесся над морем. Заколыхались, заструились дымки и унеслись. Что это? Далекий корабль оказался огромной каменной башней, сложенной из циклопических камней. А на вершине ее уже не мачты, а группа стальных гигантов, нежно розовею-

щих в отблесках зари. Реи превратились в винтовки. Вся группа, как огромный ошетилившийся еж в титаническом отпоре врагу, и только фигура командира спокойно поднимает флаги, отдавая какой-то вечный, непоколебимый приказ грядущим поколениям... Май, 1953 г.».

Последней, принесшей много мук творчества автору работой был памятник П. И. Чайковскому для Москвы. Жест Чайковского, как бы прислушивающегося к какой-то отдаленной музыке и стремящегося ее записать, в первоначальном варианте «сопровождался» каменной фигурой пастушка, играющего на свирели и полувывставшего из задней стенки постамента. Эта олицетворявшая русскую музыку деталь вызвала поток анонимок, требований переделать или вообще не допустить установки памятника. Уже готовый, отлитый в бронзе памятник так и не был установлен при жизни автора. Отчаянием звучит последнее, за четыре дня до смерти, обращение в правительство к В. М. Молотову: «Вы получите это письмо, когда меня уже не будет в живых. Это моя последняя просьба. Мне несколько дней было лучше, но кажется, что опять становится хуже. Спешу продиктовать это письмо, пока еще есть силы его подписать».

Мои последние просьбы по искусству:

1. Не забывайте изобразительное искусство. Оно может дать народу не меньше, чем кино или литература. Не бойтесь рисковать в искусстве. Без непрерывных, часто ошибочных поисков нового у нас не вырастет новое советское искусство.

2. Прочистите аппарат управления искусств. Его руководители вместо помощи художникам загоняют их до смерти. Иногда берут и взятки...»

Памятник Чайковскому был установлен и открыт

В. И. МУХИНА
1889—1953.
СИДЯЩАЯ
ФИГУРА.
1913.

МОРЕ. 1938.
(Эскиз скульптуры
для Москворецкого
моста).

КОСТЮМ БЕРТРАНА.
ПЬЕСА А. БЛОКА
«РОЗА И КРЕСТ».
1916.

граде о безвозмездной передаче музею всего этого наследия, с единственным условием, что музей создаст небольшой «мухинский» зал для экспонирования проектов ее неосуществленных работ.

Прошло еще много лет. «Рабочий и Колхозница» продолжают разрушаться. Вопрос об их переносе возникал и безрезультатно рассматривался в Моссовете. Поэтому в связи с приближением столетнего юбилея я обратился в ЦК КПСС с вопросом и предложениями о необходимых мероприятиях и в частности о переносе статуи. По-видимому, в результате моего обращения, а также неоднократных выступлений газеты «Советская культура», решили разработать мероприятия по переносу «Рабочего и Колхозницы».

В марте 1987 года был объявлен открытый конкурс на место и проект установки статуи «Рабочий и Колхозница», а в конце лета келейно, без широкого общественного обсуждения, было решено «считать перенос статуи нецелесообразным». Между тем во многих газетах появились заинтересованные письма читателей, притом не только советских, но и зарубежных. Предлагался и сбор средств на реставрацию и перенос статуи. Однако пока все напрасно. Решение остается в силе.

Итак, каковы же итоги? Никакого музея Мухиной не существует. Нет и «мухинского» зала в Русском музее. За прошедшие 35 лет, повторяю, не издано и к юбилею не запланировано издание какого-либо популярного альбома с ее произведениями. Вопрос о «Рабочем и Колхознице» снова отложен в долгий ящик...

Кто же поможет Мухиной?

через год после смерти Веры Игнатьевны, в 1954 году.

Чем же объяснить, что при всех внешних знаках внимания Мухина не вписывалась в структуру «официального советского искусства»? Я вижу три причины.

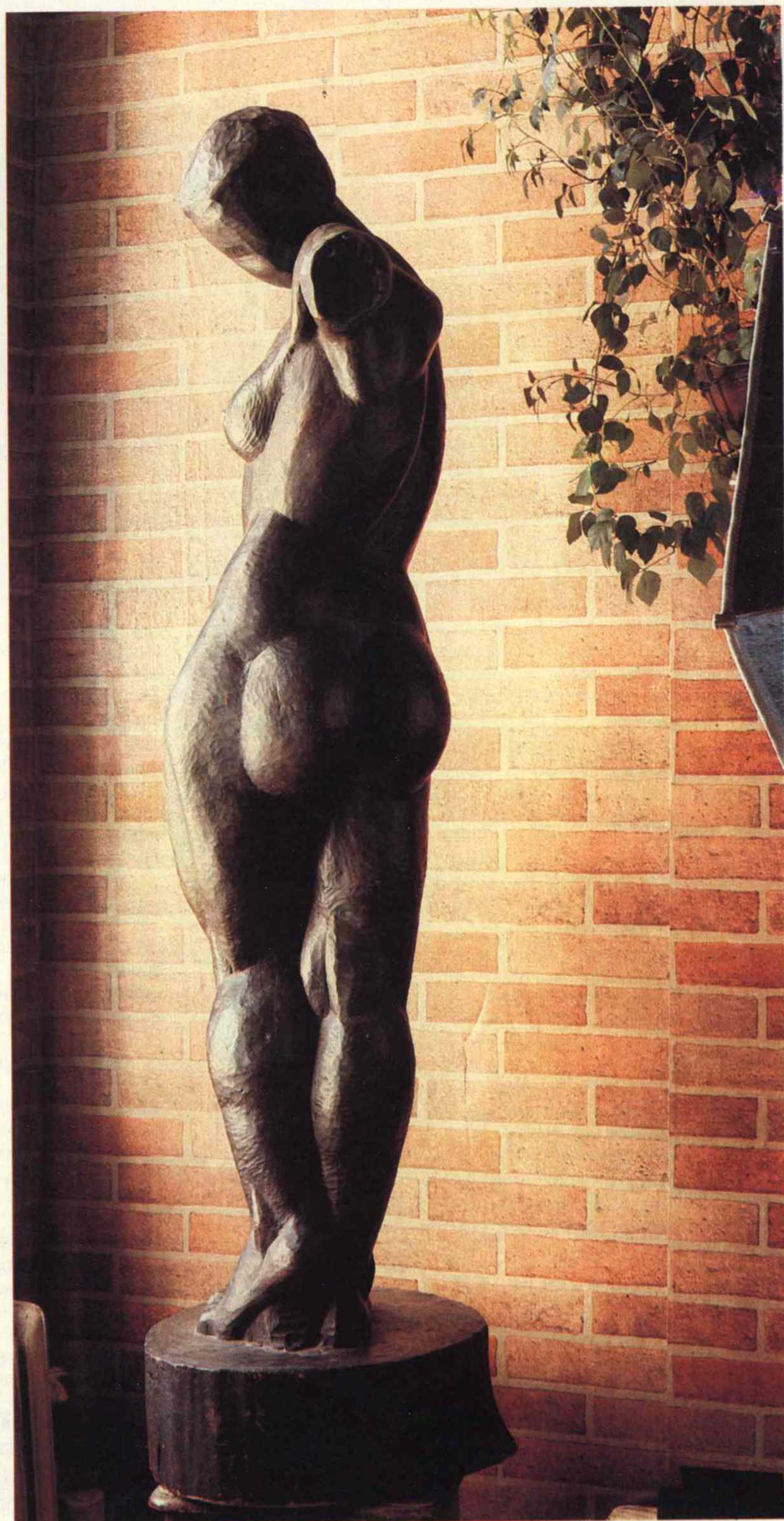
Мухина никогда не делала портретов Сталина и других руководителей правительства и, следовательно, не имела покровителей на том высшем уровне, на котором тогда все решалось. Все ее портреты — это галерея людей, близких ей по духу, галерея русской интеллигенции.

«Мечты на полке» — неосуществленные мечты о величии человеческого духа вели как-то в сторону от официальной линии, нацеленной на человека-исполнителя, человека-винтика.

Мухина не умела «ладить» с аппаратом комитета, а потом и министерства по делам культуры. Ее даже однажды подвергли товарищескому суду за то, что она «сбивает цены», точнее, она соглашалась на любые, даже почти анекдотические предложения, считая: «Мне негоже спорить с моим государством».

После смерти Веры Игнатьевны и ретроспективной выставки 1955 года ряд мастеров культуры обратились в Министерство культуры с открытым письмом о необходимости создания музея-мастерской Мухиной в здании по пер. Островского, 5 а. Сначала все шло хорошо. Было принято соответствующее решение об организации музея как филиала Третьяковской галереи, отпущены средства на ремонт мастерской и на отливку наиболее «аварийной» скульптуры, выделены штаты. В это время ко мне обратился один из работников министерства культуры и посоветовал изыскать 30 тысяч рублей для вознаграждения работников аппарата, помогавших в хлопотах. У меня не было и половины запрошенной суммы, да и сама мысль об этом казалась кощунственной. Последствия были самые катастрофические: без каких-либо объяснений или обоснований министр культуры Н. А. Михайлов отменил все предыдущие приказы и решения по увековечению памяти Мухиной.

Оставшиеся у меня в квартире более ста скульптур и тысячи рисунков требовали соответствующих условий для хранения. Лишь через несколько лет мне удалось договориться с Русским музеем в Ленин-

ЮЛИЯ. 1926.

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Уже после публикации предыдущей подборки поэтов, погибших на войне, раздался звонок из Харькова, сообщивший, что в связи с семидесятилетием со дня рождения Михаила Кульчицкого его именем будет названа набережная в Харькове. Как радостно было это слышать и как страшно подумать, что замечательно талантливый поэт, который многое бы наверняка написал, доживи он до семидесяти, погиб всего-навсего двадцати с немногим лет от роду. Вот такая страшная ведьма-пожирательница — война: она не разбирает, кого проглатывает, она демократична в уничтожительстве. Но, может быть, эта демократичность только кажущаяся? Ведь посредственность побеждает за счет выживаемости, за счет безопасного проскальзывания между струями дождя или пулеметными струями? Обо всем этом судить окончательно я не берусь, но думаю, что автор крошечного стихотворения «Мой товарищ в предсмертной агонии» был гениален. Это стихотворение, если верить легендам, было найдено в офицерском планшете лейтенанта, убитого под Сталинградом. Эти стихи уже неоднократно цитировались в романах, и каждый раз — с разноточениями. Мне его когда-то прочитал Луконин, сказав, что ничего лучшего в поэзии о войне не было написано. Стихотворение страшноватое, и ханжи до сих пор противятся публикации этого стихотворения, как якобы апологии мародерства.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

ВАЛЕНКИ

Мой товарищ, в предсмертной агонии
Не зови ты на помощь людей.
...Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.

И не плачь, не скули, словно
маленький.
Ты не ранен. Ты просто убит.
Дай-ка лучше сниму с тебя валенки.
Мне еще воевать предстоит.

Борис ЛЕБЕДЕВ

(1911—1945)

СЕРДЦЕ

Двадцать дней и двадцать ночей
Он жить продолжал, удивляя
врачей.

Но рядом с ним была его мать,
И смерть не могла его доломать.

Двадцать дней и двадцать ночей
Она не сводила с него очей.
Утром на двадцать первые сутки
Она вздремнула на полминутки,
И, чтобы не разбудить ее,
Он сердце остановил свое...

1940

Иван РОГОВ

(1913—1942)

СЕСТРЕ

Вишни догорают. Над садами зной.
Облака несмело проходят
стороной.

Так ты мне писала.

Мы глядим и ждем:
Брызнут помидоры кровавым
дождем.
Яблоки! Не знали столько яблок —
страх!

Падают и трескаются, тают
на губах.
Пыль и смех на гумнах, песни —
стон стоит.

Все они — ударники, товарищи
твои.

Так ты мне писала.
Листья бьют в окно.
Пашки под окном не видать давно.
Гармонисты! Помнишь? Ничем
не дорожат.

Как рванут вдоль улицы — стекла
задрожат.
И пустеют избы, прочь летит
засов.

Лишь молчат деревья в одиннадцать
часов.
Так ты мне писала.

Приходи скорей,
Приводи тобою прославленных
друзей.

Припасу вам яблок, с лучших
яблонь — вам.

С той, что всех задумчивей
гнется по утрам.

Прежние товарищи соскучились
и ждут.

Верные товарищи, что надо,
припасут.

А Белова Пашка косы заплетет,
По плечам раскинет — черные
вразлет,

И наденет платье в клеточку,
и вот,

Как мы сядем чай пить, под окном
пройдет.

Так ты мне писала.

Сентябрь, 1934

Юрий ИНГЕ

(1905—1941)

Гранитный дом снарядами
пронизан,

Навылет — окна, этажи — насквозь,
Как будто смерть взобралась
по карнизам

И через крышу вколотила гвоздь.

Торчали кверху ребра перекрытий
По вертикали срезанной стены,
И мир житейских маленьких
событий

Стоял открытым с внешней
стороны.

Руины вдруг разрушенного быта,
Судьба людей теперь уже не в них;
Дом был как чей-то в спешке
позабытый

На полуслове прерванный дневник.

И мертвых тел обугленная масса
Еще валялась в разных этажах,
И неизвестной женщины гримаса
Рассказывала, что такое страх.

Она лежала, свесясь головой,
Над черной бездной битого стекла,
Она повисла вдруг над мостовую
И закричать, наверно, не смогла.

Ее лицо, забрызганное кровью,
Уже лишилось линий и примет,
Но, как живой, стоял у изголовья
Ее веселый, радостный портрет.

И всем, кто видел скрюченное
тело,

Казалось вдруг, что женщина
тепла,

Что карточка от ужаса темнела,
А мертвая смеялась и жила.

В. ШУЛЬЧЕВ

(1914—1943)

В ИЮНЕ

Тонко поет, как барышня,
гармонь в тишине ночной.
— Любовь моя, Анна Саввишна,
присядь на крыльце со мной.

Уж коль говорить — так начисто:
иль вместе нам быть, или врозь.

Мои молодые качества
ты знаешь сама насквозь.

Поскольку умом ты дошла,
а я не таюсь ни в чем,

приходится вспомнить прошлое,
как лодырем был, рвачом.

Давно эта песня брошена,
и тошен про это сказ.

И слава теперь хорошая
в народе идет про нас...

В работе я парень характерный
и этим не зря горжусь,

моей бригадой тракторной
любуется весь Союз.

И в горе не гнусь я ивою,
и статен — хоть на парад,

и личность довольно красивую
имею, как говорят.

И лучше признаться начисто:
Что ж, вместе нам быть
иль врозь?

Мои молодые качества
ты знаешь сама насквозь.

Так дышит соловей,
Так звуки льет валторна,
Так бьют ключи,
Так стынет синева.

Его огонь и силу торопитесь
Вложить в дела.

Когда оно уйдет
Почувствуешь, что ты —
ослепший живописец,

Оглохший музыкант,
низвергнутый пилот.

1934

Евгений ПОЛЯКОВ

(? — 1942)

ЕЩЕ О ЗВЕЗДАХ

Меня никто не провожал,
не согревал никто вагонного
стекла,

когда луна, как лезвием ножа,
последний вздох мой
у горла пресекла.

И я остался не дыша —
один.

А может, нет.
Звезда еще одна, —
она заботлива, как мать,

и верить ли?
Кто мог сказать:
«Смотри, родной, не упади».

Я шапку снял
и встал на цыпочки,
чтоб видеть говорящую звезду,

а ветер взял и небо выпачкал,
и я не видел говорящую звезду.

А ветер взвыл
от непосильной тяжести
еще носить беду

в сорок втором году.

Борис КОСТРОВ

(1912—1945)

Когда в атаке отгремит «ура»,
В ночи звезда скользнет
по небосводу: —

Мне кажется, что ты еще вчера
Смотрела с моста каменного
в воду.

О чем, о чем ты думала в тот
миг?

Какие мысли сердце полонили?
Окопы. Ночь. Я ко всему привык,
В разведку мы опять сейчас
ходили.

Но как до счастья далеко! Река
Бежит на запад по долине смело,
А то, что шлем прострелен
у виска,

Так это ведь обыденное дело.

1944

Леонид ВИЛКОМИР

(1912—1942)

ВДОХНОВЕНИЕ

Пришло оно. Свободно и покорно
Ложатся строчки... Так растет
листва,

Читатели требуют списка врагов перестройки с указанием ФИО, профессии, должности, стажа. Не буквально требуют, а мучаются в своих письмах, кто конкретно враг, а кто нет. Помню, еще года четыре назад учителя грезил: «Вот уйдет Прокофьев на пенсию, с поста министра, и школа вздохнет свободно». Ушел, а дышать все равно было нечем. Стали писать: «Кондаков тормозит прогресс, он беспомощный президент академии». Ушел, а прогресс стоит. Два с лишним года на посту министра был Щербаков, которого журналисты между собой называли «не в курсе дела». Дело, естественно, не сдвинулось. Сейчас в письмах не называют имен. Общественность ждет, пока новички у руля сделают неверные повороты этого самого руля. И снова покатаются почта: снимите того-этого...

Что же это были за люди, от перемены мест которых дело не менялось? Они ли виноваты, что не тянули, или система их искала?

Н. ЛОГИНОВА
А. САМОШКИН
(фото)

В гостинице областного города встречаю столичного школьного инспектора: ездит по окрестным селам и городкам. Все роно, горно, облоно застыли в напряжении: от того, как он составит свою «справку», зависит, останутся кадры на местах или слетят через одного. Он ужинает с водкой, его немного развезло. Жалуюсь мне на жену: «Ну можно ведь словами выяснять отношения, а она хватается за бутылку». — «Она у вас пьет?» — «Нет, бьет меня по голове. У нее привычка такая. Она ж деревенская. Я на периферии вырос. Там меня и замесили. Взяли в Москву. А я уже женат. Она ошалела от столицы, одни чернобурки на уме. Крикливая очень, а в доме стены тонкие, а за стеной кто? Из соседнего управления... Один раз на коллегию пришел с фингалом». Потом стал рассказывать, как в прошлой командировке его выкинули из люкса. Приходит вечером, а его вещи стоят в коридоре. Приехал чиновник рангом выше, а люкс всего один. «Представляете, мыло и мочалку завернули в бумаги, которые на столе лежали. А это мой доклад перед активом, мне его завтра читать. Всю ночь сушил и разглаживал». На другой день он попросил отредактировать его доклад. Прочитал и сказал удивленно: «Вот вы пишете, что работники облоно оперируют заниженными данными, откуда такое слово — «оперируют», они что, хирурги, что ли?»

Эта запись сохранилась у меня в блокноте конца 60-х годов. Привожу ее потому, что лет 20 у этого человека были в подчинении многие и многие тысячи школ. Он говорит одно слово, будто толкает длинный ряд фишек домино японского лабиринта, оно падает на чьи-то головы, меняет карьеры и судьбы и еще долго «катится» по головам стоявших поблизости. Мы иногда встречались в коридорах ведомства или на совещаниях, иногда я просила у него комментарий школьных событий для газеты. Но каждый раз он ссылаясь на неладу с русским языком. При этом мимоходом говорил, что пишет учебник... «На каком же языке?» —

спросила я. Он удивился: «А там языка не надо. Там надо знание методики».

Эти мои записные книжки набиты фактами, уже вошедшими в репортажи и очерки. Но перевернешь и читаешь с обратной стороны: штрихи, детали — столько лиц оживает, голоса слышны...

Секретарь горкома партии. Он знал, что я иду из детского дома, и догадывался о моих впечатлениях. Из блокнота: «Его буквально колотило. Ноги бились об пол, костяшки пальцев стучали об стекло. Он все рвался позвонить кому-нибудь, вызвать кого-нибудь, чтобы сбегать меня подчиненному. Не дай бог, вырвется неосторожное слово, а я приведу его в газете. Лицо белое от ужаса. Очевидно, едва я ушла, он сразу обзвонил людей на местах, напугал, что я их «пропишу в газете». Потому что в вестибюле гостиницы уже караулила инспектор горздрава. Увидев меня, тотчас куда-то позвонила, через пять минут подлетела машина еще с двумя дамами из горно и облоно. Втроем они атаковали меня в номере: «Ну, приблизительно, что вы будете писать?» Объясняю, что мои личные впечатления пока улягутся, пока напишу, пока редакция будет читать, это долгая история... Нет, втроем полетели за мной в Москву (оформили командировку!) и сидели в редакции, наблюдали, как я разгребаю стол от писем, накопившихся за неделю. Одна из них, самая непосредственная, все спрашивала: «Ну? Сочинили? Нет? А как же те-

перь — у нас командировка кончается...» Она же сказала напоследок: «Ну, шуму вы устроили! Я-то первая слычу...»

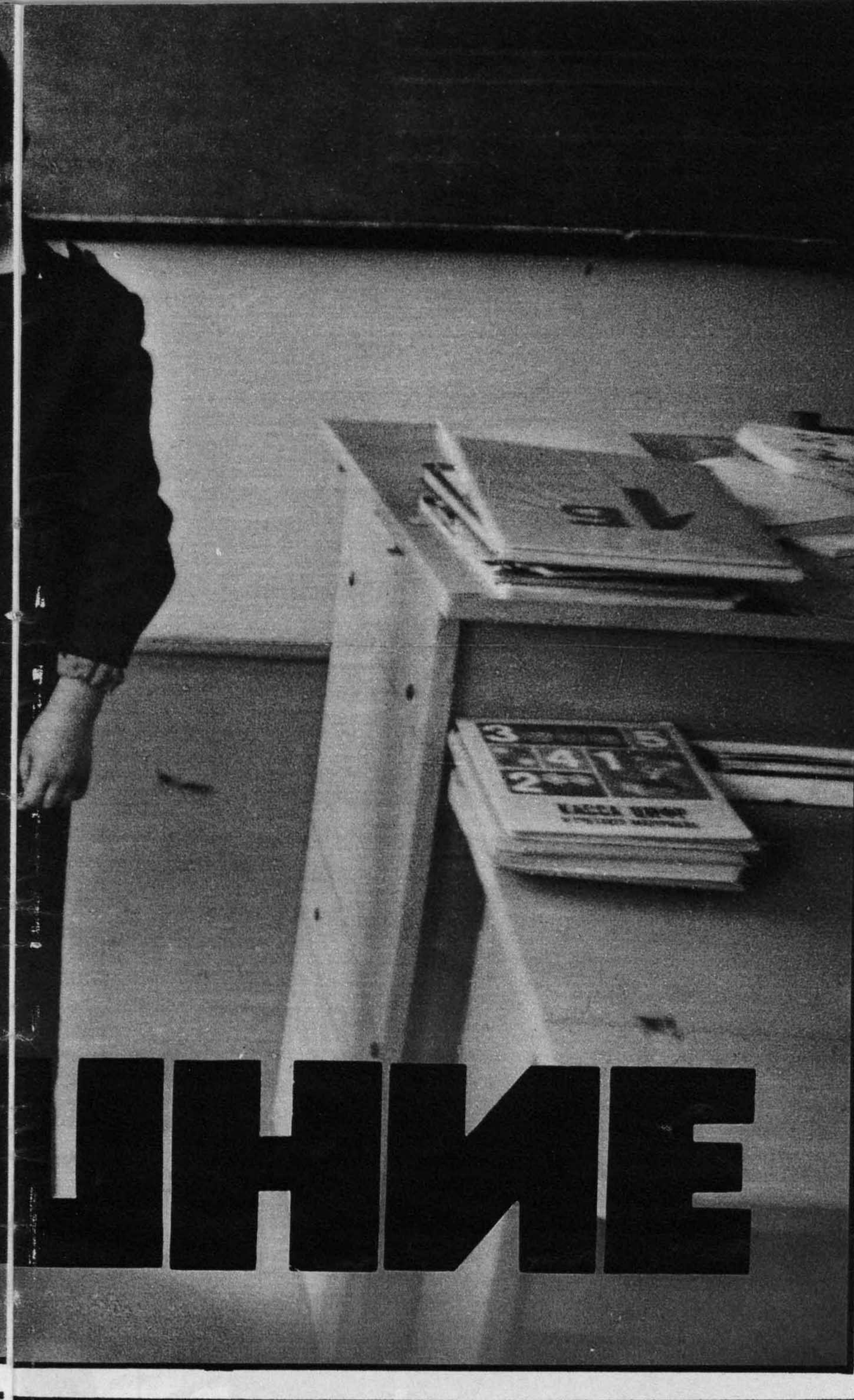
Такой колотун при встрече с журналистами напал только на аппаратных работников. Воспитатели, учителя, заведующие яслями, домами ребенка были всегда такие уставшие, отвечали как на духу, им некуда было «слетать». Провожая меня, говорили что-нибудь вроде: «Скажите там, чтоб врача нам вернули...»

Замминистра (бывший). Перед ним сидят родители, излагают подробности изнурительной войны учительницы с их первоклассником. Подробности убийственных. Вплоть до угрожающих звонков по телефону со стороны преданных учительнице членов родительского комитета: «Убирайтесь из школы! А то сына сделаем калекой». Ни роно, ни горно, ни инспектор министерства не смогли унять хулиганов. «Чего же вы хотите?» — спрашивает замминистра. «Таким людям нельзя доверять детей», — говорят родители. Далее замминистра делает попытку сплавить их обратно по инстанциям, обещает позвонить в горно. Но родители цитируют инспектору: «Мы вас под землей найдем», — и ставят ее имя в тот же список лиц, которым нельзя доверять детей. «Ну хорошо, — на втором часу разговора замминистра раздраженно задает вопросы, — у меня в кабинете чего вы ищете?» «Правды», — отвечают родите-

ли. Я, как сейчас, вижу то, что произошло дальше. И, как никто, могу понять эту сцену. «Ах, правды?! — Замминистра вскочил и стал хлопать себя по карманам: — Где же она? Куда запропастилась? Только что была тут...» Родители выбежали из кабинета. На другой день они были в редакции: их список пополнился новым именем. «Таким людям нельзя доверять детей», — спокойно, но твердо говорили они. Возразить им было нечего. Я не была свидетелем той сцены, но безоговорочно верю каждому слову этой пары, поскольку провела в беседах с ней многие часы. Люди бесконечно наивные, они были абсолютно достоверны в своих показаниях относительно стычек ребенка с учительницей, ни одной детальки не прибавили, хотя пересказывали эти эпизоды при мне в ряде кабинетов. Они были обескуражены, столкнувшись с «системой» просвещения как с непробиваемой стеной. Преступление их сына (откусил бублик у соседа по парте) и наказание (был назван «вором») были настолько несоразмерны, что впервые они переступили порог кабинета директора школы с пустяковой просьбой: чтобы учительнице «объяснили...» и т. д. А когда директор потребовала от них «не травмировать учительницу» и сменить школу, то они решили, что таких случайных людей в педагогике всего двое. Получив такой же совет из роно, они мысленно уже составили тот список. Родительский комитет меж тем не дремал,

ВЧЕРАШ

ШНИИ

защищая учительницу уголовными методами. Мальчика дважды избили во дворе школы — отнюдь не случайно, а по совету мамы-председательницы. И когда родители дошли до горно, они уже были в стадии мании преследования. «Мы уйдем в другую школу, но чтобы вы не знали ее номера», — сказали они инспекторше, чем и вызвали немедленно ту реплику: «Мы вас и под землей найдем». Эта фраза прибавила им страха за жизнь сына. Так они оказались в кабинете замминистра. Итог известен. Я следила за их восхождением по лестнице инстанций и не раз потом объяснялась по телефону с их должностными собеседниками. Мне говорили, что не могут «идти на поводу» у каждого ненормального родителя, что не могут «оголить класс и школу», то есть выгнать учительницу и директора (а потом и зав. роно, и инспектора горно, не говоря уж о замминистра), называли эту упрямую пару «диссидентами» и «параноиками». А они были всего-навсего наивными и озадаченными.

Эту разницу мне не удалось объяснить никому. Спустя год инспектор горно рыдала по телефону: «Повлияйте вы на них, чтобы ушли в любую школу! Меня с работы снимут из-за этих сумасшедших». А я все твердила, что это нормальные и хорошие люди и надо не стесняться извиниться перед ними за все угрозы и запугивания. Но куда там! Извиняться «властьимущие» не умеют.

Слово в кавычках откуда вдруг vyplыло здесь? Не вдруг, а давно оно пришло мне на ум, когда наблюдала за очередью в кабинет секретаря комиссии по делам несовершеннолетних. Напряженная была очередь. В том смысле, что люди молчали или шептались перед очень важной для них встречей. Обдумывали, что и как скажут «там». А потом выходили «оттуда» почти все злые и взвинченные, обиженные и униженные. Там сидела барышня лет под сорок, которая давно отвыкла разговаривать, а умела только орать, рвать, осаживать и грубо выпроваживать из кабинета: «Не торчите тут, мамаша, домой вам пора». Я-то шла по делу к ее шефу и не удосужилась познакомиться с ней: только рассмотрела белые от гнева глаза и услышала эту фразу: «Не торчите тут...» Она готовила материал на депутатскую комиссию по делам несовершеннолетних, и потому в очереди сидели матери с подростками, чью судьбу она в значительной мере решала. Как подготовит материал, так он скорее всего и будет утвержден. Матери пойдут платить штрафы в сберкассах за прогулы, курение и драки своих чад, а кто-то из подростков поедет отсюда в спецзаведение. По репликам в коридоре я слышала, что почти все считают предстоящий разбор заведомо несправедливым, слишком сильным наказанием. «Изодрались осенью, а теперь май», — жаловалась женщина соседке по очереди. «А ты скажи, что у меня

четверки пошли», — просил ее сын. Они оба вышли в слезах из кабинета. Тогда и пришло мне на ум слово «властьимущая». Дорвалась до власти, думала я, и теперь вымещает на людях свои комплексы, что ли. Спросила о ней у председателя исполкома: «Что за шумная особа там сидит?» Он как-то счастливо улыбнулся, даже потянулся за столом и сказал: «Строгая! Она и нам спуска не дает». Потом, уловив мою интонацию в вопросе, сказал: «Кто пойдет на эти деньги?» Этот вопрос мы часто слышим о дурных работниках. И каждый раз я думаю: лучше бы никого не было, лучше бы пустое место, чем хам, садист или вот такая хулиганка при должности.

Ее коллега позвонила мне по поводу того мальчика с бубликом. «Откуда вы взяли фразу учительницы, что для нее «интеллигенция хуже алкоголиков»? — спросила она. Эту фразу я цитировала в статье. «Эти слова сказала мне сама учительница», — отвечаю я. «А свидетели при этом были?» — новый вопрос задан мне. «Зачем мне свидетели?» — как-то не сразу включаюсь я в логику моей собеседницы. «А может, вы придумали?!» — особым каким-то тоном, с яростью в голосе, продолжает допрос дама. Прошу ее прекратить разговор, так как он не имеет смысла. «Вот так вот! — кричит она в трубку. — Да, у нас «простой» район, не такого культурного уровня, с вашей точки зрения! Да, учительница обозлилась на ребятенка. Так зачем ей дальше-то нервы трепать? Пусть берут своего культурного ребятенка и идут куда хотят. Жалко, что их по партийной линии нельзя привлечь! А то бы мы быстро подписи собрали...»

И этот разговор я сейчас списываю с обратной стороны блокнота. Просто так, для себя, записала «портрет» женщины, уже тогда имевшей немалую власть над людьми в районе, а со временем эта власть еще и возросла. Имя ее мне часто попадает в документах...

«Властьимущие». С тех пор этим словом отмечаю про себя всякого, кому должность при детях противопоказана. Точнее сказать, при судьбах. Ведь от одного слова, приказа, окрика такого лица судьбы корежатся, как гайки в механизме сыплются на пол, если пьяный наладчик ткнет не туда. Но целая эпоха была такова, что из всех человеческих качеств от «наладчика» требовались немногие: не выделяться из ряда и уметь «организовать». Не важно, что организовать, — что прикажут. Слово «организатор» и по сей день в активе. А что у него фактически пять-шесть классов образования (независимо на диплом), что один косноязычен, другой аморален — это мелочь, главное — хороший организатор. И даже то, что в итоге в конце концов дело загубит, тоже не важно, потому что выяснится это не скоро, в другую эпоху, когда он будет на заслуженном отдыхе или сядет так высоко, что ему же и выпадет выправлять линию.

Еще два диалога. Звоню инспектору Минпроса РСФСР: «Учителя жалуются, что вы вчера угрожали тем, кто хочет освоить методику Шаталова». «А кто такой Шаталов?» — озадачивает она меня вопросом. — «А вы даже не слышали о нем?» — «Слышала, что это самозванец и шарлатан, математики не знает, а берется учить!» — «А вы его книжку не читали?» — «Мне книжки не нужны. Вот когда дадут команду учить по Шаталову, тогда пожалуйста. А пока он для меня не существует!» После этого диалога идет моя приписка в блокноте: «Совсем серая. Будто из фельетона. Рассказать — не поверят. Но наверняка хороший «организатор» именно в силу серости, она же без комплексов, не ведает сомнений, велено — сделано».

Академик-педагог. Закончили интервью, выходим, стоит машина с шофером. «Куда вас подвезти?» — спрашивает меня академик. «На Колхозную площадь», — отвечаю, — мне к Соловейчику надо зайти, статью обещал». Глаза академика становятся круглыми, он

понижает голос: «К Соловейчику?! Слушайте, расскажите, что он такое». Отвечаю, пока едем по улицам, что бескорыстен до предела, что едва войдешь к нему в дом, можно засекают время, к концу минуты уже будет говорить, что «наконец-то понял», при каких условиях у родителей с детьми получается, а при каких не получается. Одним словом, настоящий, заключила я. Мыслитель, добавила я. Погруженный в одну тему. Чист в помыслах. Никакого расчета. Воевать с такими людьми — грех. Их надо просто слушать. И брать без спросу их открытия себе в работу мысли. Они щедры без оглядки. Академик смотрел в окно задумчиво. «А у нас, — сказал он, — его имя вызывает панику. Понимаете, он что думает, то и пишет». Последние слова произнес осуждающе. «Он писатель», — говорю я. «Да, но разве можно так прямо... Мало ли что мы думаем». — Академик нехорошо рассмеялся. «Ему можно, — повторяю, — у него расчета нет». Тут машина остановилась.

К чему эти портреты и диалоги? Злодеев рисую? Нет. Интриганов, карьеристов? Не знаю, такого материала у меня нет. Людей, дружно приведших нашу школу к кризису? Безусловно. Из тех, кто травил Сухомлинского? Да. Кто клеймил и преследовал новаторов? Разумеется. Тут каждый из них поставлен. Но больше всего озадачивает меня открытие, которое с каждой встречей укрепляется: это заурядные люди. Не рядовые, а именно заурядные. Почти каждый из них в молодости был неплохим (по административным меркам) директором школы или успешно трудился в роно. Может быть, где-то там и был потолок их способностей? А в масштабе страны не тянут, не могут. Помню, тот же замминистра говорил мне с обидой, и глаза его увлажнились: «Люди пишут в ЦК, называют меня вредителем школы. А я ведь хочу, как лучше!» И он действительно хочет, но не может. Даже жаль его, как всякого на чужом месте. Тут другое мышление нужно, не хуже-лучше, а другое. И не обязательно послужной список должен быть стандартный — «от рядового учителя до...». Стратегическое мышление не награда за опыт, оно или есть, или его нет.

Между тем в руках этой обширной группы заурядных людей сосредоточена огромная власть. И почему-то почти бесконтрольная, почти без сдвижки. И до пенсии, и еще десяток лет после сидят и сидят в креслах, уже в сон клонит на работе, а не уходят, чего-то сторожат.

Население страны очнулось от апатии и остро заинтересовалось личностью у власти. Раньше было все равно, а теперь всех за сердце берет: кто у руля педагогики? Кому вверять детей и будущее? Почитайте сегодняшнюю почту — тональность этого вопроса все выше и выше... Выборы от директора до министра и президента — требуют население. Программа действий на три — пять лет, отчет и референдум, непереносимая и непреложная сменяемость.

Уже хотела ставить точку, как пришел номер «Учительской газеты», а в нем — блистательное короткое письмо учителя А. Ибрагимова из Уфы под заголовком «Два года до счастья». Прошу особого внимания читателя.

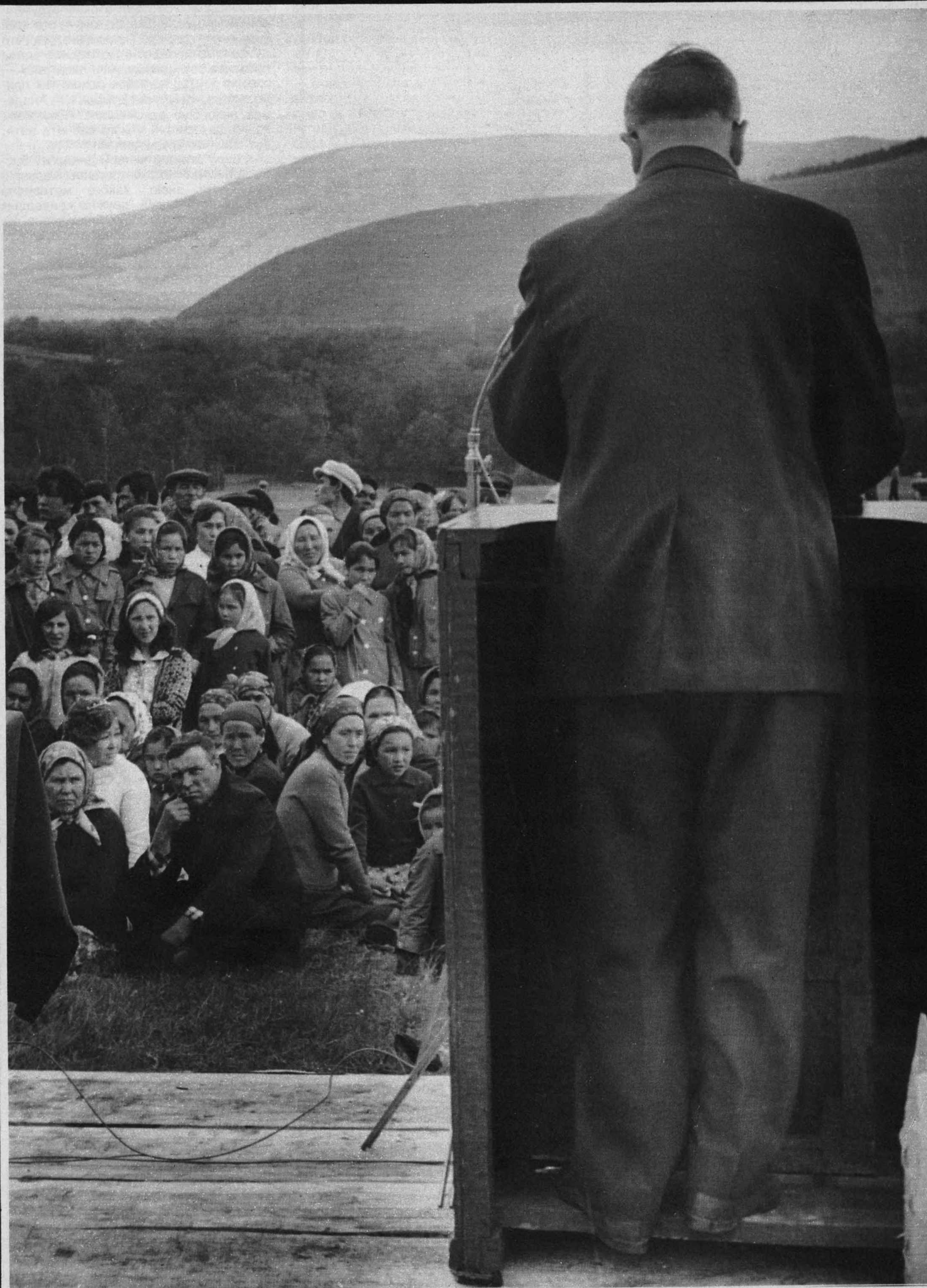
«18 марта 1988 года коллегия Минпроса РСФСР в своем плане мероприятий записывает: «Добиться, чтобы каждый ученик строго соблюдал нравственные нормы поведения человека в обществе. Срок: 1988—1990 годы. Ответственные: Савватеева О. М., Гурова Н. Н.»...

Вот оно! Свершилось! Всего два года отделяют нас от того долгожданного мига, когда все ученики Российской Федерации будут наконец поголовно нравственными. Остается только удивляться: о чем вышеупомянутый Минпрос думал раньше? Почему это решение не было принято 5, 10, 30 лет назад?

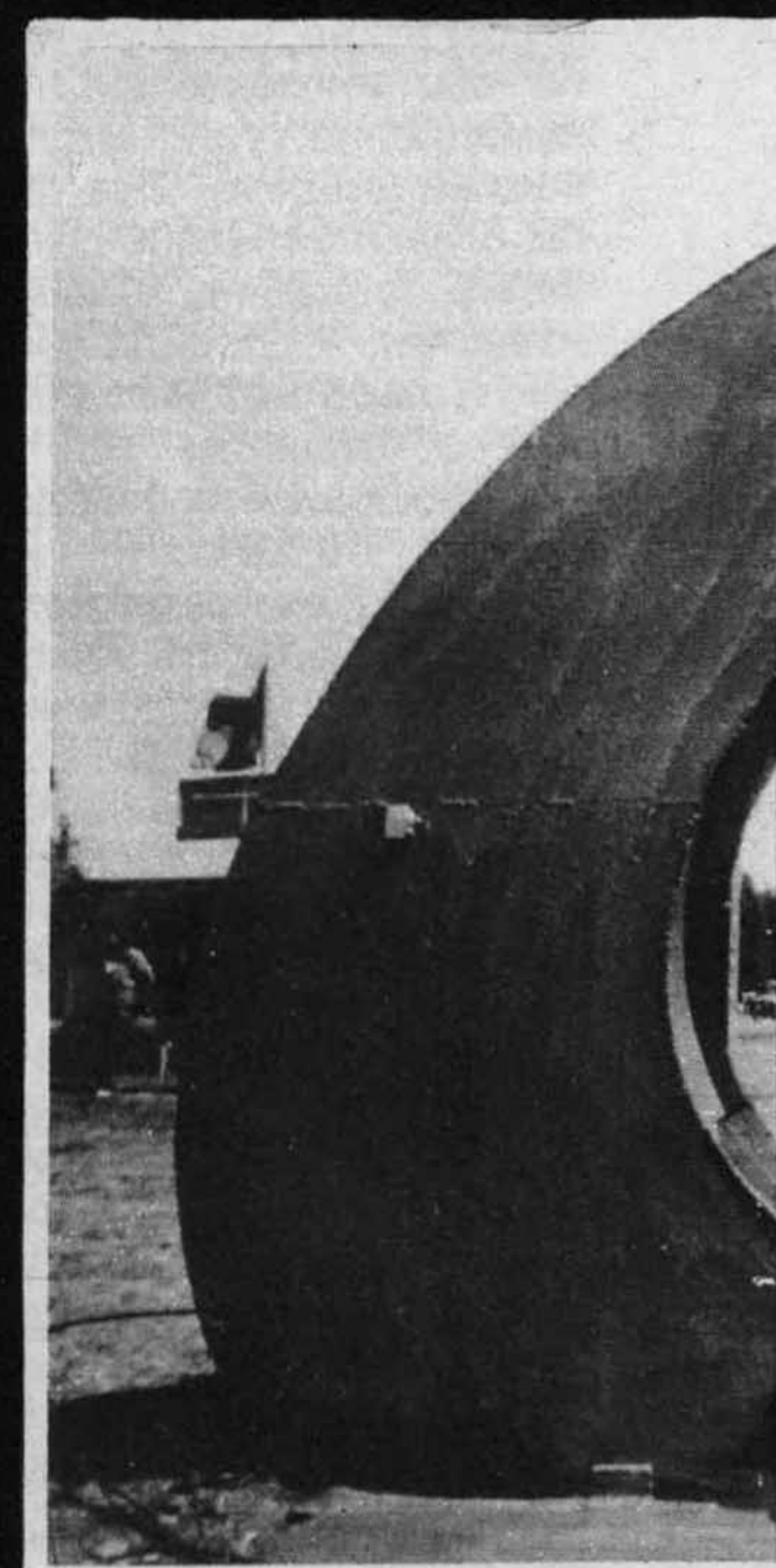
ФОТОКОНКУРС

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ...

Фото
Валерия
НАМЯТОВА.
Магнитогорск.

**Земля
У нас
Одна**

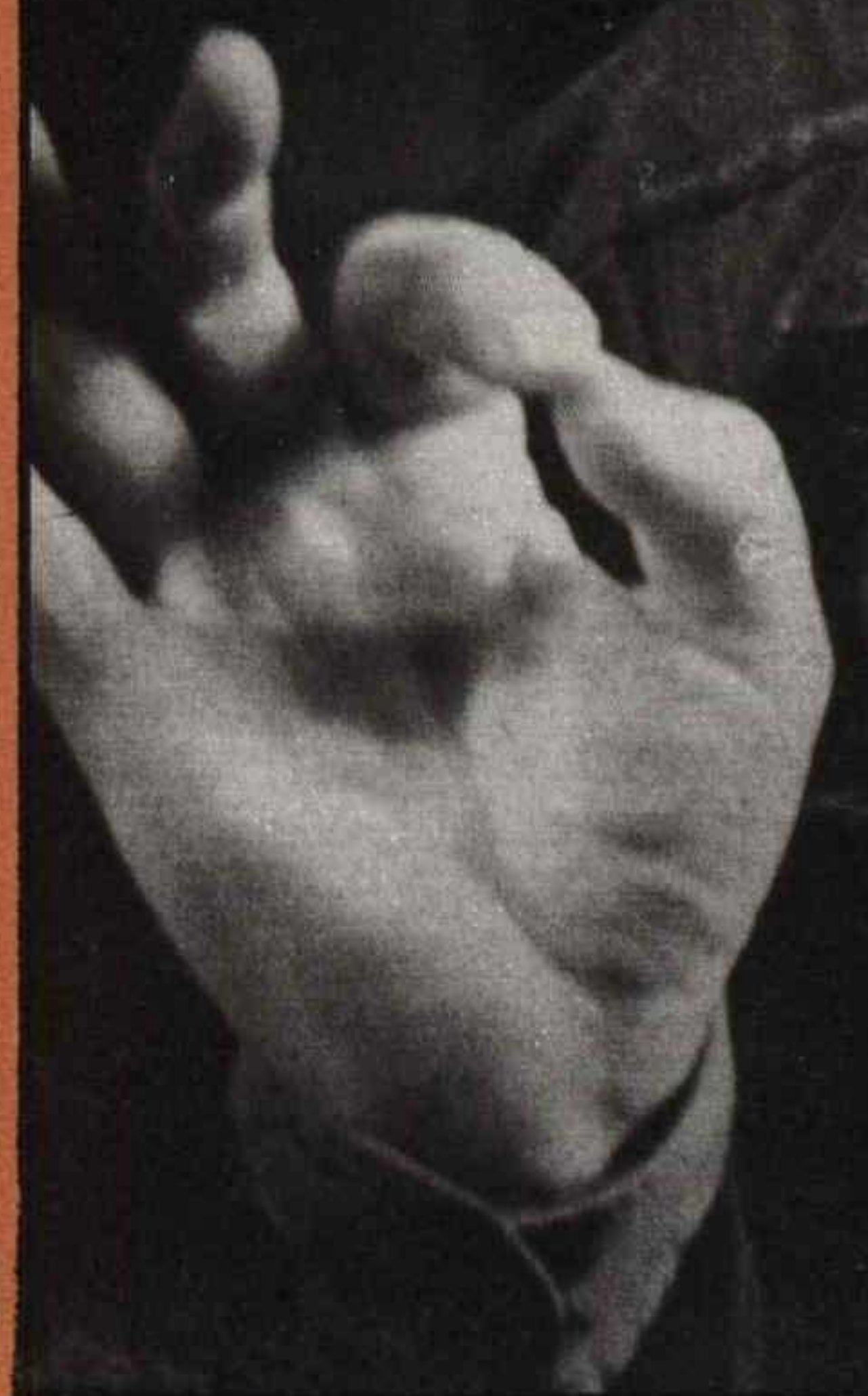

Что мы знаем о нем?
Общедоступна только затертая
в библиотеках до дыр книга
«Пустое пространство»,
написанная 20 лет назад
и ставшая в театральной среде
бестселлером.

Всю остальную информацию, с тех
пор как Питер Брук приезжал к нам
четверть века назад, мы получали
из вторых рук. Из статей критиков
или рассказов очевидцев. Ничего
из того, что Брук поставил за
последние два десятилетия, наш
зритель собственными глазами не
видел. Почти ничего из того, что
написал, не читал. Его имя
у актеров на устах, у зрителей на
слуху, но что мы знаем о нем?
...Три дня в Москве, три дня
в Тбилиси провел Брук в конце
мая, приехав во второй раз в нашу
страну. Будем надеяться, что
после четвертьвекового перерыва
это только начало нашего
непосредственного знакомства
с его творчеством и взглядами.
В наступившем театральном сезоне
быть может, мы наконец сможем
увидеть один из его последних
спектаклей — «Вишневый сад». И,
быть может, в обозримом будущем
издадут его новую книгу
«Смещение точки».

Мы предлагаем вниманию
читателей интервью с П. Бруком,
которое он дал специально для
нашего журнала в последний день
своего пребывания, а также
фрагменты из его новой книги.

«Нет ценности большей, чем свобода»

Игорь ЯКИМЕНКО

— В день приезда вы сказали, что
ваша основная цель — встреча с не-
большой группой начинающих режис-
серов и обмен с ними мыслями о чем
угодно, в том числе и о театре. Но на
этот обмен мыслями собралось
столько людей, сколько смог уме-
стить зрительный зал МХАТа. Люди
самого разного возраста хотят ви-
деть вас и учиться у вас. У кого
учились вы сами?

— Когда я пришел в театр, я был
настолько молод, что категорически не
хотел учиться у кого бы то ни было.
Особенно у тех, кто был старше меня.
В узкопрофессиональном плане у меня
не было учителей.

Но сколько себя помню, я все время
нахожусь под чьим-либо влиянием.
И в этом смысле выступаю в роли уче-
ника постоянно. И чем больше путеше-
ствовал по свету и становился старше,
тем более ясно видел, что одна из са-
мых прекрасных и чистых вещей в чело-
веческом обществе — это взаимоотно-
шения между учителем и учеником.
Убежден, что только устная традиция
и живая преемственность способны
обеспечить обществу полноценное ду-
ховное развитие.

Естественно, я имею в виду слово
«учитель» в высоком значении и ту ду-
ховную связь, которая не прерывается
со смертью Учителя.

— Вы — верующий?

— Перед тем, как ответить на этот
вопрос, нужно сначала точно догово-
риться, что мы будем подразумевать
под словом «вера».

Любая религия, на мой взгляд, воз-
никнув в результате очень сильных
и чистых побуждений, быстро дегради-
рует.

Есть история о человеке, который од-
нажды настолько глубоко испытал чув-
ство сострадания ко всему человече-
ству, что у него потекли слезы. То, что
творилось внутри него, вдруг вырва-
лось наружу. И когда он плакал, его
чувство было очень глубоким и чистым.
Но слезы стекали по лицу на землю
и превращались в драгоценные камни.
Восхищенный их красотой, человек на-
чал собирать их, и из застывших слез
у него получилась коллекция. Невероя-
тной красоты. Но она уже не имела
непосредственного отношения к той ре-
альности, которую он пережил.

Нечто подобное в конечном итоге
происходит и с возникшей религией.

Для меня вера — это переживание
некой реальности, а не застывшая
слеза.

В этом мире человек — крошечное
создание, знания которого о самом себе
и о мире вокруг очень ограничены. Нам
даны два измерения — пространство
и время. Но не так давно ученые заве-
рили нас, что реальность не уместится
в данные нам измерения. Они матема-
тически доказали то, что благодаря ин-
туиции человек чувствовал в течение
тысячелетий: мир не таков, каким он
предстает нам. Именно этот опыт, опыт
переживания реальности, которая не
умещается в данные нам измерения —
пространство и время, — лежит, по-мое-

му, в основе всех видов искусств и ре-
лигий.

В ортодоксальной религии есть моли-
тва, которая совершается без слов
и без образов, в полной внутренней
тишине. Она — живой опыт пережива-
ния того, что невидимо и находится вне
нашего понимания.

Одно из самых сильных чувств, пере-
житых мной и заставивших меня пре-
клоняться перед жизнью, это чувство,
что реальность намного превосходит
формы, в которых мы понимаем ее. По-
иск «окна», поиск пути к нему, иначе
говоря, стремление быть открытыми
для познания этой реальности и проз-
реть, принято называть религиозным
стремлением. В этом смысле я — чело-
век верующий.

Но если под словом «вера» подразу-
мевают прежде всего формы религии:
церемонии, догмы, метод рассужде-
ния, — то в этом смысле она для
меня — слезы, ставшие драгоценными
камнями. А я не коллекционер.

У меня есть тоже вопрос к вам. В ка-
ком возрасте люди умирают в Москве?

— **Насколько я знаю, женщины
живут дольше мужчин. Средняя
продолжительность жизни мужчины
около 66 лет, женщины живут на не-
сколько лет дольше.**

— Я спросил вас об этом, потому что
был поражен тем, что не застал в жи-
вых ни одного из своих знакомых. Поч-
ти все, с кем я познакомился 25 лет
назад, умерли. У меня впечатление, что
это связано в некоторой степени с ус-
ловиями духовной жизни.

— **Что-то укорачивает нам жизнь?**

— Наоборот, нечто отсутствует, что
эту жизнь продлевает. У меня впечат-
ление, что начиная с определенного

возраста у людей здесь, по крайней
мере в театральной среде, исчезает им-
пульс к продолжению жизни.

Ваше государство первым в истории
человечества попыталось полностью
отказаться от религии. Я убежден, что
за всю историю человечества ничто не
принесло людям так много несчастья,
как церковь. Но в то же время именно
храм был тем местом, где человек мог
познать основы жизни, именно в храме
он получал импульс, который позволял
ему выйти за границы своих представ-
лений о мире, именно в храме повыша-
лась его энергетика. И разрушение хра-
мов очень опасно для здоровья народа.

— **Если вам приходилось задумы-
ваться о судьбе нашей революции
и у вас есть идеи на этот счет, я про-
шу вас, поделитесь ими.**

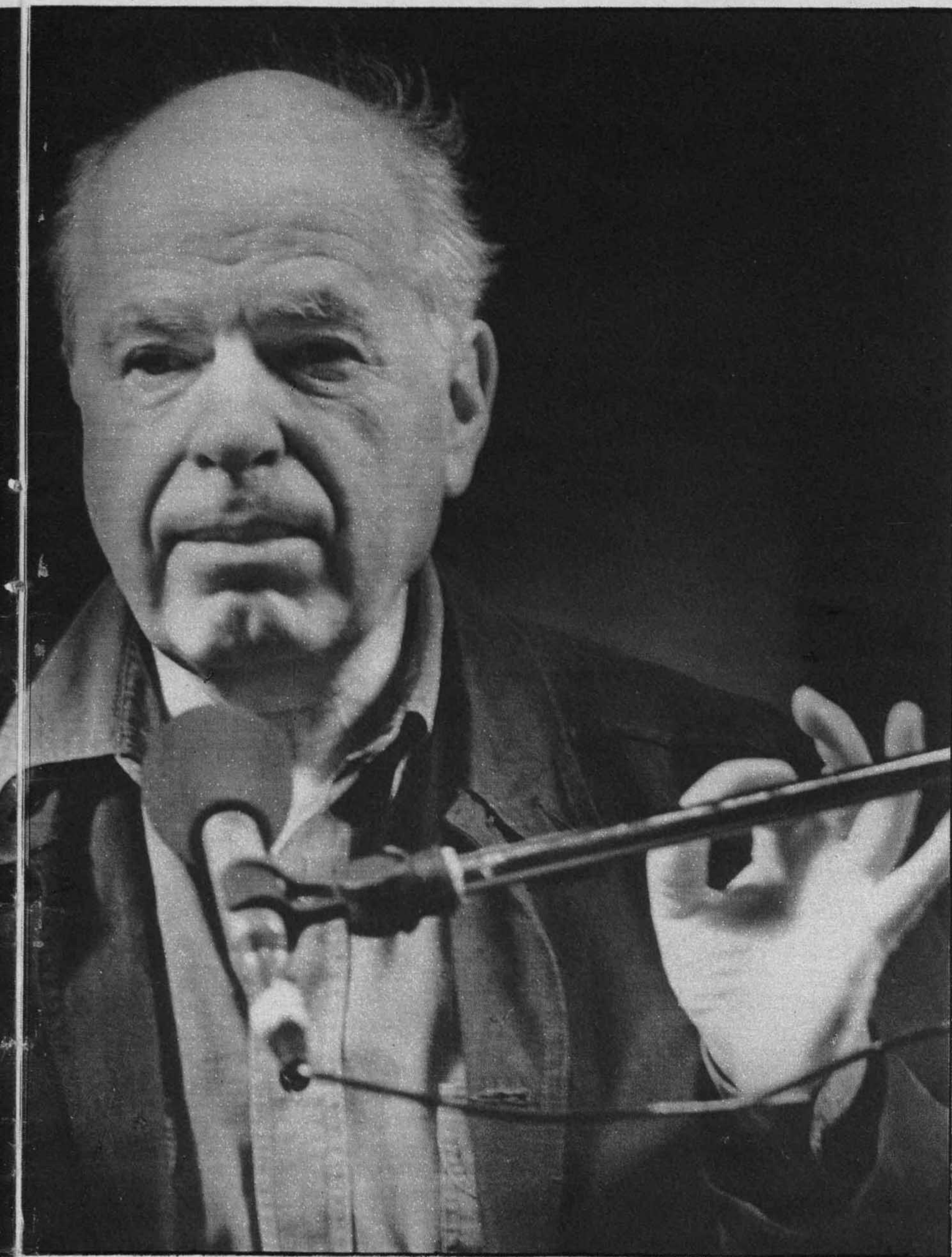
— Все, что я знаю, я знаю по книгам
и только. За всю жизнь я был в вашей
стране в общей сложности меньше ме-
сяца, и мой личный опыт слишком мал,
чтобы выносить суждения. Но то, что
увидел и тогда и сейчас, очень взволно-
вало меня, и я много думал об этом...

В определенном смысле русская ре-
волюция — это великий эксперимент
человечества. Здесь были испытаны
многие самые опасные вещи, и для все-
го человечества это было совершенно
новым опытом. Именно Россия оплати-
ла этот эксперимент своей кровью.

Совершенно очевидно, что нет боль-
шей ценности, чем свобода.

Совершенно очевидно, что свобо-
да — это не та вещь, которую можно
достичь раз и навсегда.

Если посмотреть на историю любой
революции, не только в вашей стране,
можно прийти к отчаянной мысли, что
любая революция — это переход от ве-

ликой идеи освобождения человека к ее предательству. Но отчаяние — плохой советчик.

Действительно, человек не становится свободным от того, что на его знамени начертаны свободолюбивые идеи. Это нужно ясно осознать сегодня. Свободу, точно так же, как и застывшие слезы, можно поместить в музей. Какой из этого можно извлечь урок?

Свободу теряешь тут же, как только считаешь, что достиг ее.

Мне кажется, что перестройка не должна быть способом сменить одну структуру другой. Поиск должен вестись постоянно. Точно так же и гласность не должна быть временным явлением. То, что не находится в движении и не развивается, деградирует.

Всю прошедшую неделю я разговаривал о гласности и перестройке. И я почувствовал, что есть люди, которые с удовольствием поместили бы их в коллекцию застывших вещей. Говорят все примерно одно и то же. Весь вопрос в том, как и с какой целью говорят.

Еще один урок истории: результат любого действия зависит не от провозглашенных идей, а от людей.

Мы совершенно напрасно принимаем то, что считается областью духа и называется внутренним миром, за нечто неопределенное и беспредметное. За величину, которая вторична. Именно она определяет результат наших стремлений. И в этом отношении для меня нет разницы между повседневной жизнью, политикой или театром.

Самый простой пример — рукопожатие. Один пожмет вам руку с угрозой, другой — с подбодрастанием, третий — с радостью. И хотя внешне действие

совершается все время одно и то же, суть и результат его каждый раз разные.

Или пример из политики. Возьмем призыв к гласности. В устах одного человека это слово — «гласность» — пролетит мимо ушей и прозвучит как совершенно бессмысленное и мертвое, в устах другого оно способно переворнуть чью-то личность. Каждый раз суть не в самом слове, а во взаимоотношениях между словом и человеком.

Когда анализируют, из-за чего тот или иной революционный процесс потерпел крах, ищут, на каком этапе были допущены идеологические ошибки, и без труда находят и этап, и ошибки. Но, по моему глубокому убеждению, дальнейший ход событий зависел не от уровня провозглашенных идей, а от уровня личностей, которые в них участвовали. От их качества. От того, что они вкладывали в свои идеи и свои поступки. Именно это определяло и результат.

Свобода — понятие духовное. Нельзя достичь свободы — ни экономической, ни правовой — без духовного раскрепощения. Наш внутренний мир, точнее, качество нашей личности, является определяющим началом всех наших действий.

— Остается только понять: что такое качество?

— Я не могу дать определение... Любимый ребенок очень остро чувствует эту величину. Любимый малыш чувствует разницу между фальшивой любовью и настоящей. Любимый ребенок реагирует на внутренний мир взрослого и интуитивно способен различать, каково качество его личности. Но объяснить, что это такое?..

Это слово — «качество» — употребляют и в быденном смысле. Но если рассматривать его как фундаментальное, всеобъемлющее понятие... Вы же наты?

— Да.

— По-моему, когда любишь женщину, сколько бы лет ни жил с ней и какими бы долгими ни были ваши взаимоотношения, все время встает этот вопрос: каково их качество?

Если работаешь в искусстве, то этот вопрос также встает для тебя каждый день.

Поиск качества — это вечный поиск того, что никогда не удавалось понять. Но чем глубже уходишь в этот поиск, тем все более он становится конкретным.

Для меня очень важно опускать все свои размышления на землю, подводить их к конкретной работе. Потому что поиск можно вести только на своем собственном поле.

Сейчас я объяснюсь...

К счастью, у меня, как у крестьянина, есть свое собственное поле. По сути, оно должно быть у каждого. Мое поле — это кинематограф и особенно театр.

Можно критиковать все вокруг, но единственное место, где от тебя что-то по-настоящему зависит, — это собственное поле. Я не верю, что кухарка в гостиной, где я остановился, может повлиять на политику страны. И если она скверно готовит, вряд ли ей служит оправданием знание политической обстановки. Совсем не нужно отделять ее от интересов державы, но для нее, кухарки международного отеля, отношения с перестройкой — это прежде всего отношения с 10 людьми на кухне. Именно это ее поле. Она может каждый день слушать революционные рассуждения о кухне как таковой, но если на ее кухне ничего не изменилось, перестройка для нее так и не началась.

И каждый из нас находится точно в таком же положении. Нужно отдавать себе ясный отчет в этом.

Когда я работал над пьесой о войне во Вьетнаме, меня постоянно спрашивали: «Ты хочешь остановить эту войну?» Я отвечал: «Считаете меня идиотом? Нельзя за 20 вечеров при помощи игры 15 актеров перед одной тысячей зрителей остановить энергию войны. Энергию миллионов людей, которые втянуты в нее». Я ясно понимал это. Но единственное, что было в моей власти, это противостоять этой войне на своем поле. Я стремился создать на нем такое напряжение, которое позволило бы перекрыть эту энергию хотя бы в этой точке. В моих силах было только одно: довести поиск качества до некоей реальной отметки.

— Что же это за отметка?

— Около 9 лет я обдумывал произведение, которое в 15 раз длиннее Библии и которым индусы зачитываются в течение трех тысячелетий. Это Махабхарата. Не так давно я поставил ее в своем театре. Один из ее текстов, Бхагават-гита, начинается с того, что великий воин, увидев в рядах противника родных и близких и придя в ужас от готовой пролиться крови, отказывается вступить в сражение, которое вот-вот должно начаться. И бог Кришна, его друг, заставляет его осознать, что, отказавшись вступить в сражение, он своим поступком все равно примет участие в нем. Через всю Бхагават-гиту проходит утверждение, что для человека открыт один-единственный путь, один-единственный способ существования — действие.

Каким оно должно быть?

Что составляет суть и смысл наших действий? Вот в чем вопрос. Театр для меня — это поле деятельности, которое заставляет задавать вечные вопросы.

— По-моему, вы вообще более склонны задавать вопросы, чем давать ответы.

— Во время встречи с театральной общественностью я говорил уже, что, на мой взгляд, каждый из нас должен

исходить из того, что большую часть времени он заблуждается. Тому, кто знает истину, не нужен ни театр, ни какое-либо другое искусство. Он достиг совершенства.

Ни Запад, ни Восток, ни Юг, ни Север не является обладателем истины. Мы все находимся в стадии становления. Каким бы ни было наше образование, оно не является законченным. И если мы внимательно посмотрим друг на друга, мы убедимся, что имеем дело с миром несформировавшихся людей. Именно поэтому существует комедия. Достаточно показать нас со сцены, чтобы вызвать смех.

В действии находится тысячи сил, которые мы не понимаем. Мы только подступаем ко многим тайнам жизни. И, быть может, именно в России сейчас подступили к тому, чтобы на новом витке поставить главный вопрос: что такое человек?

Я вспоминаю начало нашего разговора. Когда я был очень молод, я рассматривал стариков в метро, и меня очень волновала одна вещь. Почему в нашем обществе стареть — значит терять все силы молодости? Я замечал, что люди в старости теряли даже свой рост.

Позже, побывав в очень древних странах, я увидел такие человеческие сообщества, где чем больше человеку лет, тем он более просветлен. Старость в них — не падение. Чем старше человек, тем тоньше его организация, тем он более развит. И видно, что стареть — это наилучший путь, созданный природой.

В обществе, где я вырос, — это падение. Почему?

ИЗ КНИГИ П. БРУКА «СМЕЩЕНИЕ ТОЧКИ»

...Режиссерский замысел рождается не столько из опыта профессиональной работы, сколько из жизненного. И при его рождении постоянно оказываешься перед необходимостью ответить на вопрос: что такое театр по отношению к окружающему миру? Очевидно, что благодаря интеллектуальным построениям ни к какому ответу не придешь. Многие театральные работы, обещавшие стать значительными, не состоялись из-за того, что их авторы утонули в омуте теорий. Ответ на этот вопрос режиссер ищет всю жизнь. С одной стороны, жизненный опыт впитывает в себя искусство, а с другой — сам питает его. Главное же состоит в том, что театр — это всегда поступок, в основе которого лежит действие, и способом осуществления этого действия является спектакль.

* * *

На французском языке существует четыре версии «Вишневого сада». Англоязычных версий еще больше. И все же мы предприняли попытку сделать собственный перевод. Ибо каждая из существующих версий окрашена в цвета своего времени. Перевод в данном случае сравним со сценической интерпретацией, которая не может сохраняться вечно в неизменном виде.

Взяв в качестве основного принципа перевода точность, мы стремились максимально приблизить французский вариант к русскому тексту, наделить его силой и подлинностью оригинала. Жан-Клод Каррьер использовал достаточно простой лексикон, стремясь через каждую новую фразу ввести актера в движение чеховской мысли, но сохраняя при этом ритмическое построение, обусловленное пунктуацией. Шекспир не пользовался знаками препинания, они были расставлены в его текстах позднее. Пьесы Шекспира были написаны как телеграммы, актеры должны были сами расставить акценты.

Окончание на стр. 22.

ВЫСТАВКА

Тырса, на солнце разогретый,
Сюда принес свои букеты,
Вот известковый Головин
Выносит флоксы в белой вазе,
И Фальк, соскучившись в запасе,
Несет герань и апельсин.

Машков, скульптурный и громоздкий,
Фонвизин пестрый, Татлин жесткий,
Чуть не царапающий глаз,
А если вы иной эпитет
К ним подобрали, — как хотите! —
Я не хочу неволивать вас.

А живописцу, слава богу,
Не привыкать к любому слогу,
Чего не вспомнит он с тоской:
Небезызвестный, безыдейный,
Оранжевый и келейный,
Махровый весь, такой-сякой!

Ну кто еще так груб, как музыка дурная,
Подл и навязчив, как она?
Еще бы, вся страна, такое напевая,
Унижена, оскорблена.

Слух, бедный слух с душой всех крепче связан,
острый,
Он мучает и жжет ее, продолговат.
Чудовищны наросты
Тех сладких песен в нас, их подлый тон и лад.

Великий музыкант то в кепочке, то в шляпе,
Как загнанный, ходил с опаской меж людей.
Как выжил, вынес он ту музыку, не запил
На фоне тех статей?

И вспомню поезда, где надобно терпенье,
Чтоб радио снести.
Как страстно любит зло заливиное пенье,
Особенно в садах, особенно в пути!

Как нравится ему за рюмкою коньячной
Поглядывать на тех, кто вместе с ним поет,
Боясь забыть слова... Мы помним ус табачный
И усмевающийся рот.

У нынешних, при всей их бедности и дури,
По крайней мере слов не слышно: съел их ритм,
А те все в фетре мне, все в драпе,
все в велюре
Мерещатся: прочь, стул! И ящик перерыт.

Вот счастье: петь не то, что все поют...
Всех песней
Хотели повязать порукой круговой.
Жизнь, как после болезни,
Шатается, бубнит и дышит вразнобой.

Художник всех нас превзошел:
Он, взяв подружку или соседку,
Ей ставит на голову стол
Или садовую беседку.

А впрочем, взгляда не отвесить!
Я полагаю, эту прихоть
Сочла натурщица за честь.
А критик, где он? Может хмыкать.

За праздник этот золотой,
За сходство женщины с растением,
За все заплачено бедой,
Хулой, безденежьем, забвеньем.

Ах, Тышлер, ставь цветы на стол,
Вздымай его над слабым полом!
Какой высокий ореол!
Как произвол над произволом.

Александр
КУШНЕР

ПРЕРЫВИСТАЯ РЕЧЬ

Что такое любовь — не расскажешь.
И стихи — только слабый намек.
Не трудись: без любви не развяжешь
Узел тот на груди, узелок.

Если б только речная излука
И прощанье на ветхом мосту...
Нет, еще вечный страх друг за друга,
Пробуждение в холодном поту.

И совместное чтение книги
Вслух: закладкой заложено в ней
Место лучшее (в рай этот дикий
Я не сунусь один, хоть убей).

А газета с угрюмым подвалом!
А зимы городской желтизна
С грибоедовским узким каналом!
А на вырицкой даче — сосна!

Это — время, которое только
Вместе было возможно, вдвоем
Пережить, и двойная иглолка,
Нас коловшая в царстве ночном.

Двадцатый век, выдавший виды,
Вздремнул, глаза полуоткрыты,
Смотрите: он уже старик,
Бледневший в газовых атаках
Сидевший в лагерных бараках,
Кричавший в камерах на крик.

Он бредит смертью восьмизначной.
Рукав порвать ему пиджачный
Готов товарищ печенег,
Товарищ половец, татарин,
Еще дружок ему подарен —
Чумной четырнадцатый век.

Что-то вроде музея при храме... тленье
И сиянье: тиары и ризы, туфли
Златотканые; видишь, и здесь движенье
Было, в этом застое: костры потухли,
Мук христовых предметность на тканом платье
Замещает орнамент: цветы и стебли,
Их сплетенье, похожее на распятие...
Так ли все еще груб этот мир, свиреп ли?

И свиреп и груб, но свою свирепость
Осознав, он становится мягче, что ли...
И в поэзии тоже сюжет — нелепость,
Ах, не то чтобы меньше любви и боли,
Но прямому рассказу о них стыдливость
Предпочла чуть заметных два-три намека
Да прерывистость речи, да прихотливость
Ивы в сумерках, плачущей одиноко.

О том, что жалок человек,
Сказал еще Мельхиседек,
Кто он такой, не помню точно.
Библейский царь, скорей всего.
Он был, как не было его.
Лишь изречение наше прочно.

Но если б мог Мельхиседек
Увидеть этот белый снег
И эту комнату с диваном
И, в наше вслушавшись вранье,
Вдруг имя различить свое, —
Он не назвал бы жизнь обманом.

Кобыла сивая с ее тяжелым бредом
Пасется в нашем языке.
Происхождения ее секрет неведом.
Пришла понурая, стоит невдалеке.

Она бы Гоголю понравилась такая:
Упрямство жуткое и дикое вранье,
Копытом здравый смысл лягая...
У Даля нет еще ни слова про нее.

И вспомню мальчика на пригородной даче.
Как он смеялся, сколько раз.
Он повторял потом за нами, чуть не плача,
Ему казавшуюся лучшей из фраз.

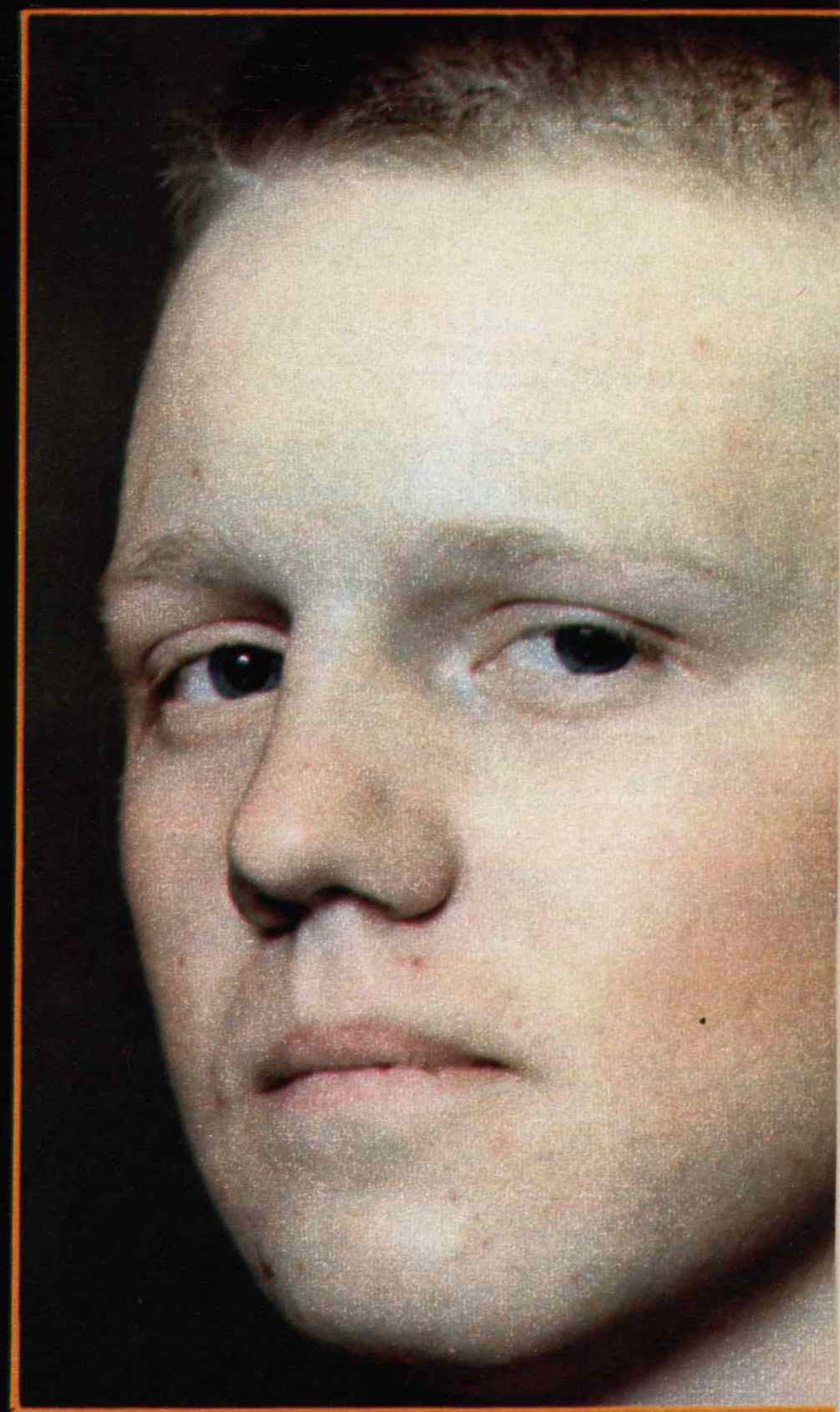
Он вырос, помнит ли те удочки и блесны,
Как было весело, а в полдень — горячо?
Как с бредом он теперь справляется несносным,
Вокруг несущимся, смеется ли еще?

Это шведы, наверное, шведы, французы
в двадцатом
Жили благоустроенном веке, чуть-чуть
горьковатом,
Романтических роз аромат, променяв на бензин.
На ученый доклад, на безумье абстрактных
картин,
Ничего, ничего не имеющих общего с домом
Сумасшедшим, ни с деревом, к доктору в гости
влекомым,
Это финны, наверное, финны, швейцарцы
в таком
Жили веке домашнем, и кофе у них с молоком.

Это венгры, наверное, венгры, голландцы,
датчане...
А у нас царь Иван, царь Борис в темноте
за плечами,
Словно хищники, в мягких гуляют сапожках,
не спят.
Завтра, тушинский вор, состоится воздушный
парад!
Полетит громозвучное, многомоторное имя
Над трибуной с боярами, краешком глаза
за ними
Он следит, как им нравится этот фигурный
полет...
Я родился в шестнадцатом веке, и дрожь меня
бьет.

КАК Я БЫЛ СОЛДАТОМ АРМИИ США

Артем БОРОВИК

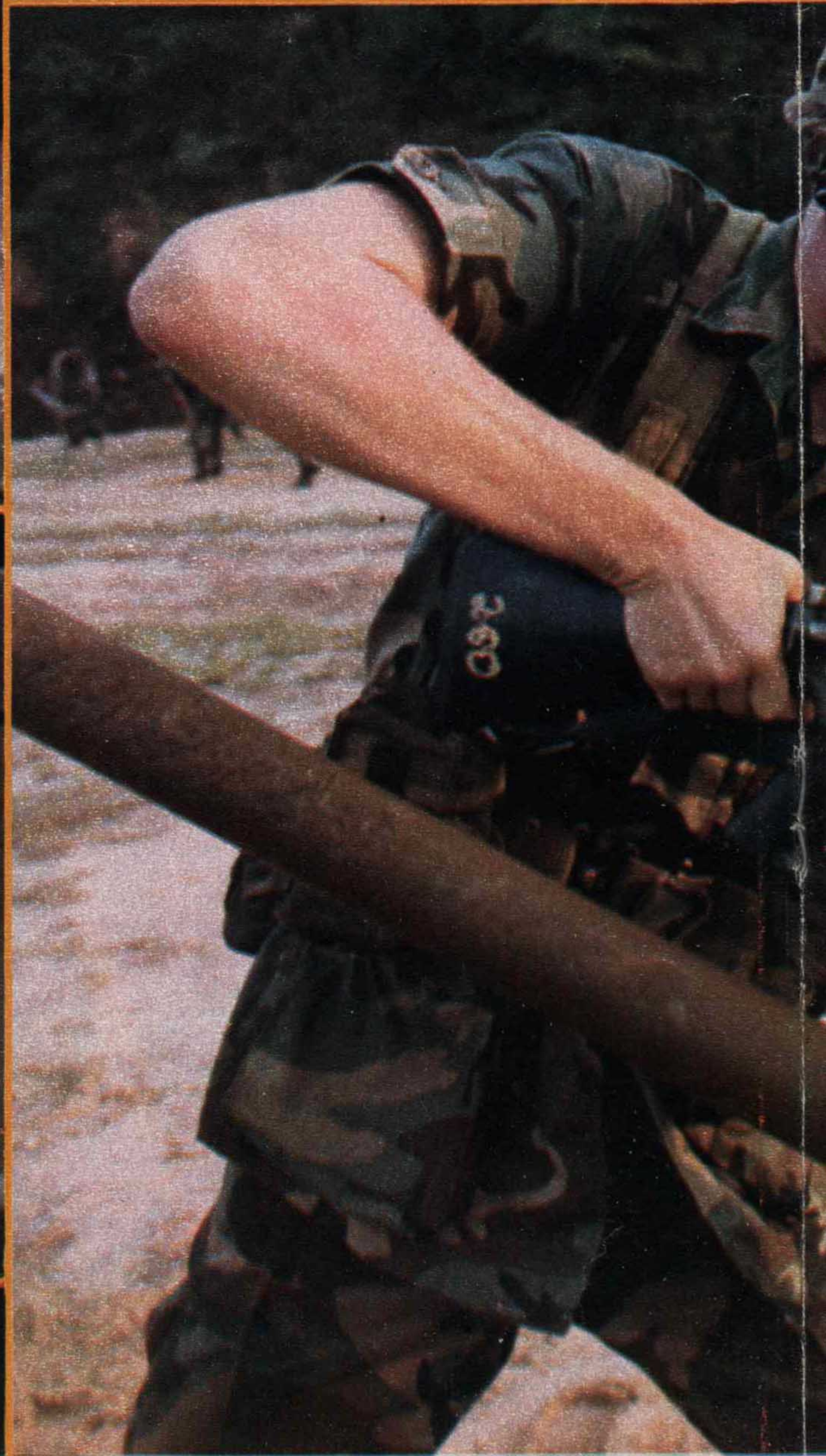
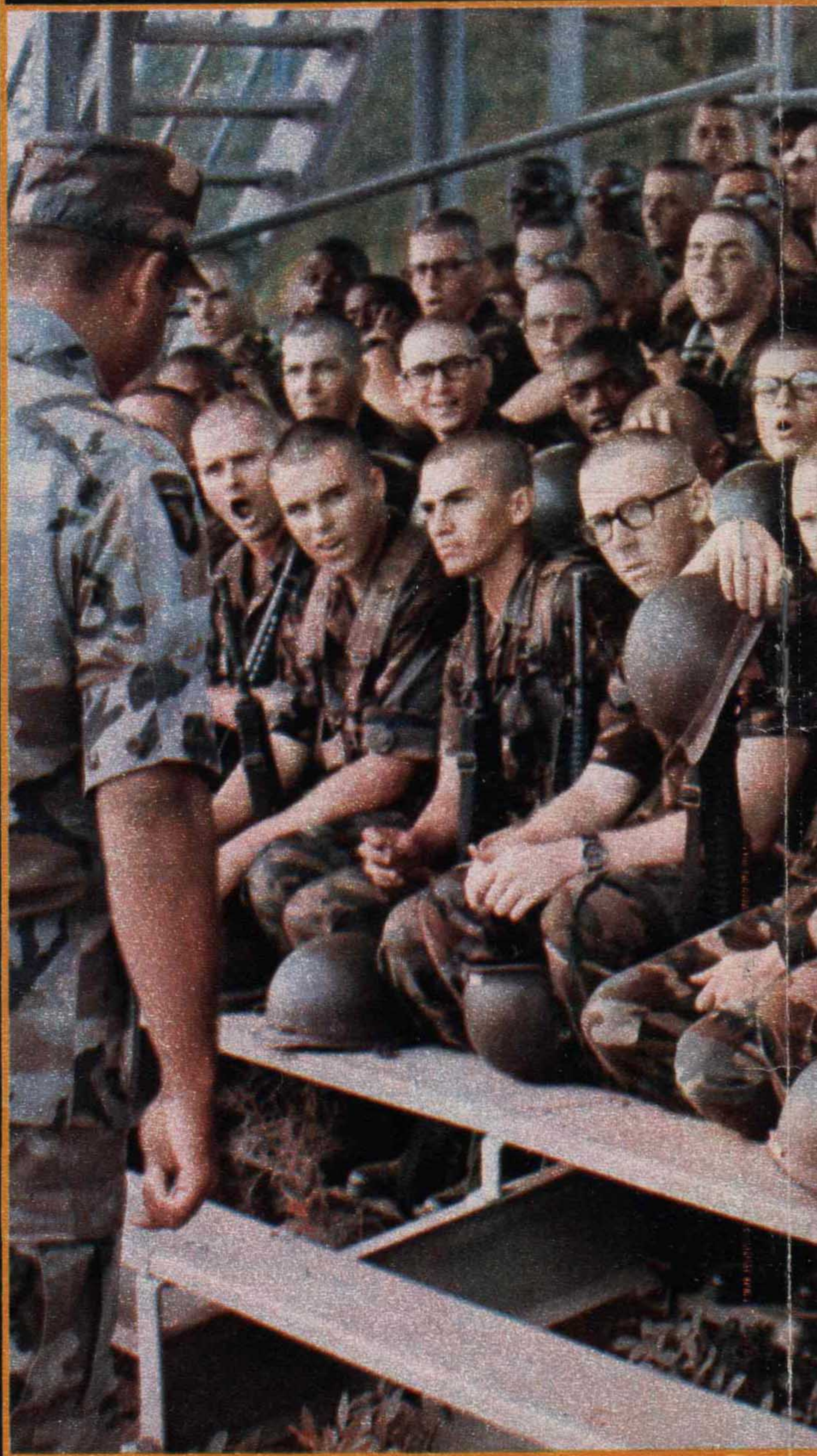
Часть II

Рюкзак мой трепыхается промеж лопаток. Весит он со всем своим содержимым, включая спальник, около пятидесяти фунтов. На груди позвякивают «собачьи жетоны».

— Слушай, — спрашиваю я Вилли, — и сколько ты собираешься шагать?

Продолжение. Начало см. в № 46

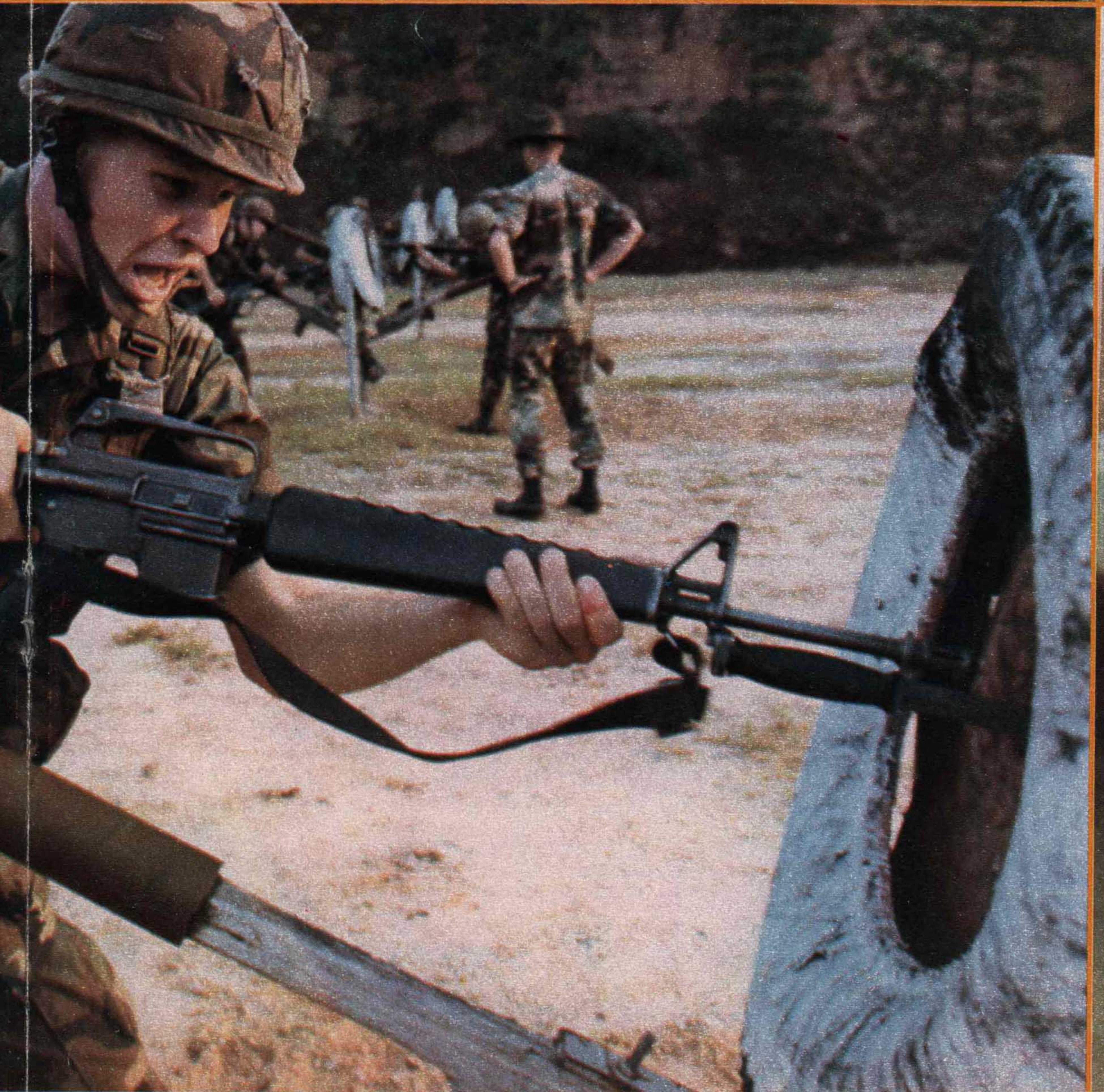

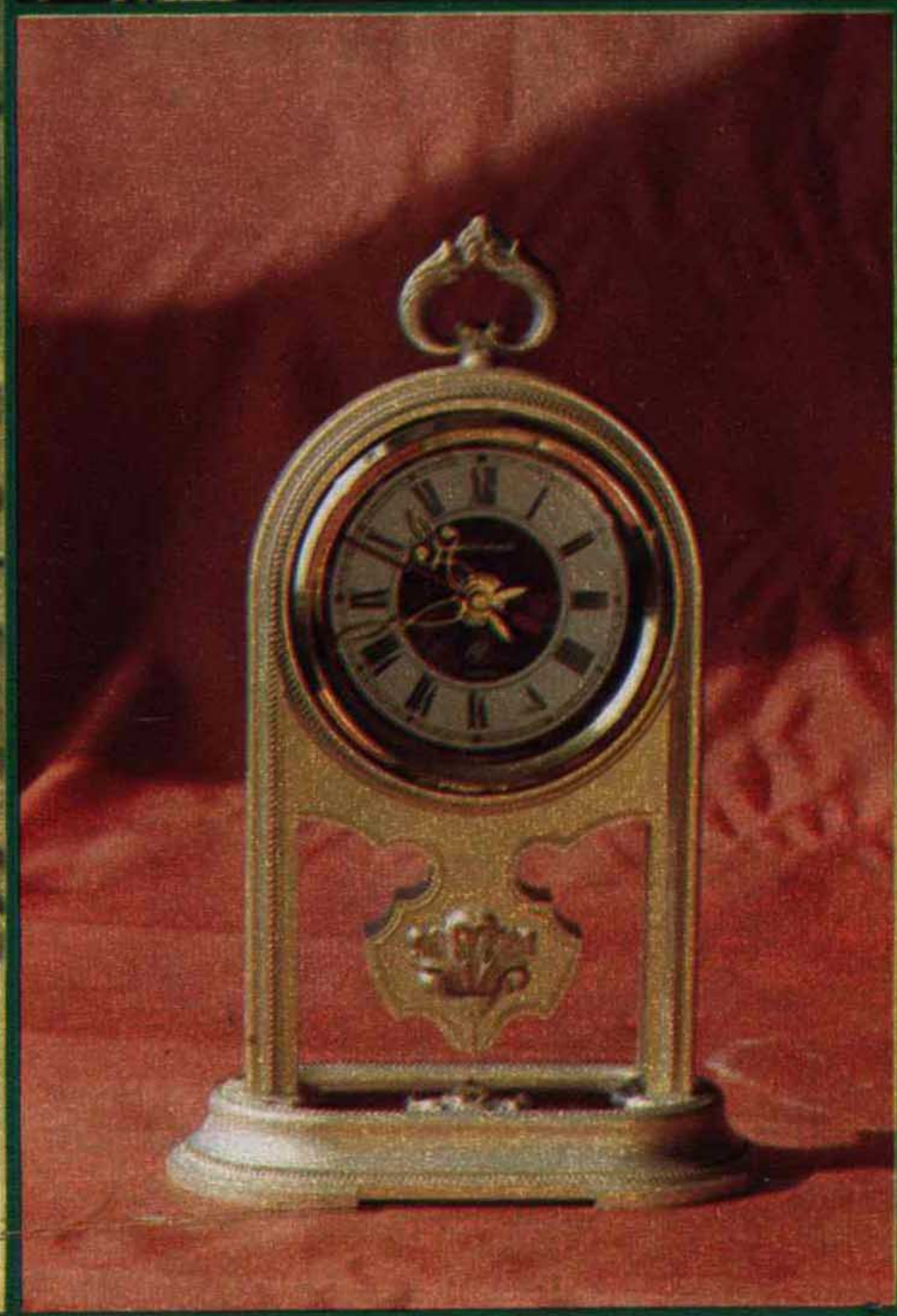
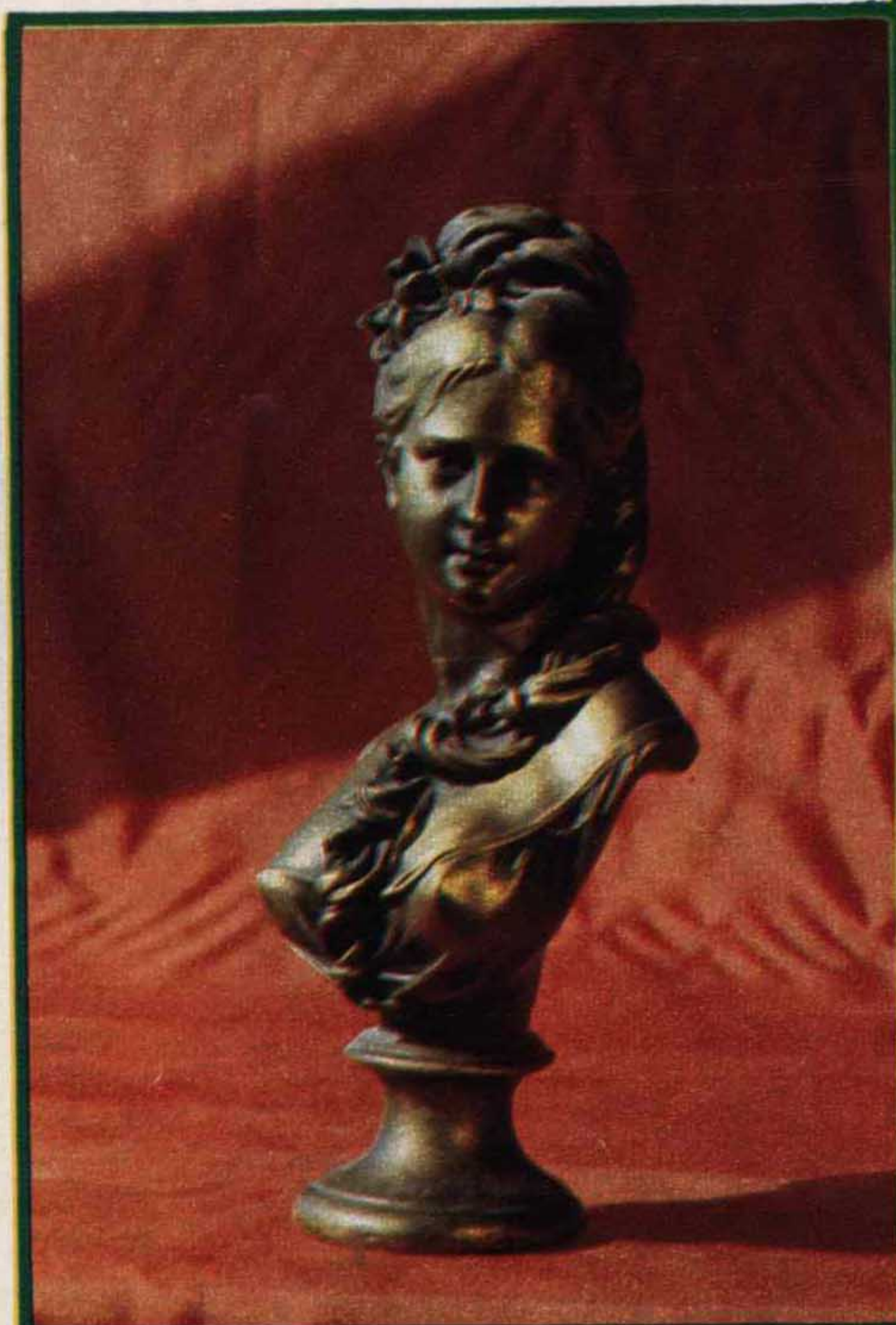

— Еще минут тридцать.
— Я не про сегодня.
Я про жизнь. Пять лет? Де-
сять?

— Не решил. Зависит от
того, какое настроение будет
под конец контракта. Я за-
вербовался на три года. Мо-
жет, продлю. Может, в кол-
ледж пойду. Понимаешь, по-
сле двадцати лет службы
в армии ты получаешь пен-
сию в размере 50 процентов
твоего последнего оклада.
После тридцати лет — в раз-
мере 75 процентов. Погля-
дим...

Продолжение на стр. 17

Ташкентский
«Совпластитал» —
одно
из совместных
предприятий,
зарегистрированных
Министерством
финансов
СССР.
Три
понятия
слиты
в названии:
СОВетский,
ПЛАСТмассовый,
ИТАЛЬянский.

Все начиналось с полуподвала «Узбытхимпласта» — конструкторско-технологического бюро бытовой химии. Однажды сюда пришли выпускники Ташкентского политехнического — Александр Мелкумов и Эдуард Арутюнов. Пришли, чтобы взорвать сонное царство своей энергией, изобретениями.

— Мелкумову удалось собрать на небольшом, в сущности, предприятии четырнадцать кандидатов наук! — так объясняет успех ташкентских химиков начальник управления внешних сношений Минхимпрома А. М. Хлебников.

Еще в 1975—1977 годах ташкентцы закупили оборудование у итальянской фирмы «Альма Розе». Со временем бизнесмен Клементе Мартинелли по-

ставил 2500 единиц оснастки. Итальянец почувствовал в Мелкумове, с которым встретился на международной выставке «Химия-77» в Москве, такого же, как он сам, фантазера в мире здравомыслящих хозяйственников.

Современных западных бизнесменов влекут в СССР огромный рынок сбыта, творческий потенциал советских инженеров, интерес к гигантской стране, охваченной перестройкой. «Альма Розе» внесла в уставный фонд 22 процента суммы, советская сторона — 78. «Вот и разделим прибыль, как хорошие компаньоны», — говорит тридцатипятилетний Паоло Мартинелли-сын. Они с отцом решили сделать «Совпластитал» головным предприятием фирмы. Перевезли все оборудование в Ташкент, а производство в городке Роббио, под Миланом, ликвидировали, оставив там только механический цех для изготовления пресс-форм.

Если верить Паоло, через восемь лет объем продукции «Совпластитала» вырастет вчетверо и достигнет 210 миллиардов лир в год, что выведет его на первое место среди заводов пластмассовых изделий в Советском Союзе; рост в двадцать три раза по сравнению с бывшей «Альма Розе». Желанный для обеих сторон договор заключен на 99 лет, и Паоло Мартинелли, единственный наследник фирмы, уверен, что никакие случайности договора не поколеблют.

Уважительно именуя СССР «обществом социальной защищенности», итальянцы не понимают, однако, почему на совместном предприятии советский генеральный директор получает 500 рублей в месяц, а итальянский техник, ему подчиняющийся, — 40 миллионов лир в год (больше полутора тысяч рублей в месяц по официальному курсу)...

Разумеется, есть у нас и преимущества. «Альма Розе» не строила в Роббио домов для рабочих, а на «Совпластитале» жилищную проблему уже решили. Поначалу это решение показало мне сказочным: была очередь из 57 семей — и нет ее! В жилмассиве «Алгоритм-2» очередники заселяли только что отстроенную девятиэтажку. Тем не менее восемь квартир остались в резерве для приглашаемых специалистов. Дом построен целиком на средства предприятия.

...Техник Франко Карнеро сказал: «Совместное предприятие — это встреча двух видов мышления». Итальянец прав: такая встреча может высечь искру нового. Такой важнейший вопрос, как выход на мировой рынок, тоже легче решается в рамках совместных предприятий. Фирма есть фирма! В Лейпциге на ярмарке «Совпластитал» завязал контакты с Кубой, Венгрией, другими странами — они будут закупать нашу продукцию. Вслед за «Альма Розе» в совместное предприятие влилась итальянская фирма «Бераги» по производству одноразовых пластмассовых шприцев (размеры — от одного до 20 кубических сантиметров, цена — от 50 до 80 копеек штука, объем производства — 120 миллионов штук в год).

Я зашел перед отъездом из Ташкента в фирменный магазин «Совпластитала» на проспекте 50-летия Узбекской ССР. Филигранные пластмассовые узоры для стен, полочки, зеркала в рамках — все нарасхват. Кухонные коробки для продуктов, литые бельевые прищепки, детские горшки в виде автомобилей... Есть и «антиквариат» — имитации под бронзу и дерево, статуэтки и вазы, скопированные с редких европейских и восточных образцов.

Обычная пластмасса — и цены, естественно, вполне доступные.

Эдмунд ИОДКОВСКИЙ,
специальный корреспондент
«Огонька»

Фото Николая КОЗЛОВСКОГО

КАК Я БЫЛ СОЛДАТОМ АРМИИ США

Продолжение.

Начало см. на цветной вкладке.

Вдруг, словно долго и мучительно выходявший осколок времен «холодной войны», прорезалась мысль: случись настоящая, всамделишная война, — что если судьба сведет нас во второй раз, точно так, как, не спросясь, свела нас сейчас, но при иных обстоятельствах, когда мы будем, выражаясь его же словами, «по разные стороны баррикады», — неужели он, этот славный малый Вилли, с которым мы так быстро закоренились, поперет на меня, а я — на него, вштыковую? Неужели мы будем калечить друг друга, кромсать, колоть и убивать?

Я гляжу на него, он — на меня. И, кажется, думаем мы об одном и ужасаемся одной и той же мысли. Ледяная стена вырастает между нами. Мы оба молчим, набычась. Тяжелая, настоящая на зле, дурманящая голову кровь пульсирует в висках.

Страшно, нелепо и безумно!

Или это солнце виновато? С его кровавым восходом все предстало вдруг в ином свете. Южная, всепроникающая радиация? Ее воздействие на воспаленный от жары, небывалых впечатлений и недосыпа мозг?

Ведь три минуты назад, перед рассветом, все виделось иначе. А сейчас — кругом одни враги. А ты — в их логове. Один-единешенек. Холодно становится от мысли этой.

Надев ботинки американского солдата, кем ты стал? Врагом самому себе? Даже материя их пятнистой зеленой формы действует теперь, как сильный аллерген: волосы на руках дыбом встали, кожа от соприкосновения с ней больно, ее точно «ломит».

А память, соревнуясь с воображением, продолжает услужливо подбрасывать во все еще охваченный пожаром мозг новые поленья. Вспомнился плакат в столовой.

Но еще столетия назад сказано: враг не вне, а внутри каждого из нас. И потому — воюй с собой.

Враг — осколок, цепко сидящий во мне? Он прорезался. Но не вышел. Застрял в кости черепа.

Как все-таки легко живется, когда есть «внешний враг». Все свои грехи, проблемы, провалы, недочеты, диктатуру, репрессии, дефицит сахара, ложь, дефицит добра, маккартизм, застой, черствый хлеб в булочной, Сталина, инфляцию, скисшее молоко в магазине, падение жизненного уровня, «уотергейт», «рашидовгейт», обозленность людей в автобусе, зажим «гласности», дело Чурбанова, баснословные прибыли военно-промышленного комплекса, бриллианты Гали, «ирангейт», дело полковника Норта, засекречивание, прослушивание телефонных разговоров, Сумгаит, расовые волнения, невыполнение плана, ввод войск в Афганистан, порушенные карьеры наиболее талантливых людей, рождественские бомбардировки Ханоя, провалы ЦРУ,

антисемитизм, импотенцию, «двойку» по арифметике, убийство Бухарина, Кирова, Кеннеди, покрывшуюся мохом колбасу на прилавке, очереди, неудачи в космосе, скандал на кухне, анонимки, проблемы ветеранов, блат, пьянство, национальные проблемы в Прибалтике, тараканов в квартире, «Солидарность», цинковые гробы, доставленные «черным тюльпаном», шовинизм, преждевременную смерть, общественный пессимизм, проституцию, аварию на атомной электростанции, Пиночета, массовое убийство детей, женщин и стариков в деревне Сонгми, взяточников на партконференции, третью мировую войну, забор, карточки на продукты, поражение на президентских выборах, фригидность любимой, проколотую шину, эпидемии, рок-концерт, ливень, убийство в подворотне, вонь из мусоропровода, кладбище нереализованных идей, аборт, травлю Пастернака, ведьм, уничтожение Якира и Тухачевского, наркоманию, бездарный роман, полет Руста, извержение вулкана, успех коллеги, грязные рубашки после химчистки, «дело врачей», неурожай, привод в милицию, избрание К. У. Черненко Генеральным секретарем, появление этой статьи, «прославляющей» американскую армию, в «Огоньке», распятие Христа, «правый уклон», падение курса доллара, предательство — словом, как легко объяснить всю эту какофоническую порнографию нашего мира наличием «внутреннего» или «внешнего врага», происками зарубежных разведок, масонов, международной напряженностью и заговорами реакции.

Во время суда над уотергейтскими взломщиками их спросили:

— Кто вы по профессии?

Ответ последовал незамедлительно:

— Мы — антикоммунисты!

Во время суда над одним высокопоставленным московским жуликом ему, как мне рассказывали, был задан аналогичный вопрос. Он поднялся со скамьи и, подтянув штаны, истовым голосом праведника-правдолюбца-патриота-интернационалиста выкрикнул:

— Я — борец за освобождение мирового рабочего класса от ига эксплуататоров. Я человек. Я совершал ошибки. Но помыслы мои были чисты!

Два разных эпизода, но суть одна: виноват «внешний враг»! В его роли может выступать что угодно и кто угодно: иной образ мышления, чужой стиль жизни, другая социально-экономическая система, целый народ — русские, американцы, евреи, арабы, негры и, конечно же, коллекционеры минералов.

— Но почему коблекционеры минералов?! — застучит кулаками по столу какой-нибудь специалист по обнаружению «врагов». — Почему они?!

— А почему американцы? Почему русские?

Мир меняется. К концу XX столетия проблемы и кризисы все чаще возникают не из-за провокаций «внешних врагов», а из-за того, что элементарная ссылка на их наличие позволяет иным правителям и окружающей их бюрократии засекречивать свою деятельность, выводить ее из-под контроля прессы, парламента и народа. Скотский прием. Старый, как Земля. Бесконтрольность ведет к вседозволенности. Вседозволенность — к «уотергейту», «ирангейту». Или застою. А «уотергейтчики» и «застойщики» спешат объяснить все грехи свои «происками врага». «Внешний враг» нужен им как воздух, как защита от народного гнева, как гарант собственной безопасности. «Внешний враг» — их лучший друг. Народ, журналисты, гласность — их злейшие враги. Демократия противопоставлена коррумпированным королевичам. Но не королевствам. Если Никсон был вынужден уйти в отставку, а Чурбанов — сесть на скамью подсудимых, это значит, что демократия в этих случаях работала.

Нет, не Вилли — причина наших бед, не он противник Советского Союза. Как, впрочем, и не «Иван» — угроза благополучию американцев.

...Устав от контрапункта мыслей и резкого перепада чувств, я сдвигаю каску на затылок и украдкой гляжу на Вилли. Он что-то мурлыкает себе под нос. Не удержавшись, я улыбаюсь. И улыбка моя, точно в зеркале, миготом отражается на его потном лице. Пять минут назад оно казалось зеленым от ненависти, но теперь-то ясно — от армейской косметики-камуфляжа.

На плацу установлены штук двадцать минометов. Разинув пасти, они тупо пляшут в небо. Солдаты группами выстраиваются напротив. Сержанты разбирают минометы. Каждой «тройке» предстоит сдать «зачет» — собрать и навести оружие, уложившись в 90 секунд.

Глядя на секундомеры, сержанты начинают яростно выкрикивать команды, а солдаты, хором повторяя их, — складывать минометы. Все это напоминает муравьиную суматоху. На плацу поднимается горячая пыль, сквозь которую едва пробивается солнце.

Спрашиваю сержанта, стоящего поблизости:

— Сколько лет вы в армии?
— 13 лет, сэр! — орет в ответ он. У него сильный акцент.
— Вы из Мексики?
— Так точно, сэр!
— Почему вы так официальны? Я же не ваш начальник.

(Тут же искрой вспыхивает мысль: иной солдат начальства боится пуще смерти.)

— Я всегда так разговариваю, сэр! — выкрикивает он.

— Даже с женой?
— Нет, сэр! Не с женой!
— Когда вы попали в Америку?
— В 1971 году, сэр! Мой отец эмигрировал. Сам я был натурализован три года назад.

— Почему вы пошли в армию США? Вы же мексиканец.

— Я хотел послужить стране, которая оказала мне и моей семье гостеприимство... Сэр!

— Вы часто вспоминаете Мексику?
— Да, то есть нет, сэр! То есть иногда, сэр!

Замечаю рядом улыбчивого офицера. Его лицо уже примелькалось. Куда бы я ни приехал, в какое подразделение ни направился бы, он уже там. Отзываю Билла Уолтона в сторону:

— Билл, я знаю, что в каждой армии свои правила, что даже американских журналистов вы не оставляете наедине с солдатами, но, как бы вам объяснить... Словом, этот сержант чувствует себя малость неловко, когда вон тот малый, — указываю на улыбчивого офицера, — фиксирует все мои вопросы и его ответы.

— Он здесь с совершенно другой целью. Он здесь... Так сказать... Ну, а во вторых, — Билл оглядывается по сторонам, словно в поисках ответа, — ему поручено следить, чтобы солдаты не позволяли себе в разговорах с тобой никаких антисоветских заявлений.

— Билл, даже если это произойдет, я не буду просить Москву нанести ядерный удар по Форту Беннинг. А разговаривать с солдатами его присутствие мешает.

— Нет, нет, есть строгие правила, а правилам надо подчиняться.

Разговор этот, понятно, ничего не изменил. Разве что улыбчивый офицер стал еще более улыбчив.

Поскольку сегодня на нас каски старого образца, изобретенные когда-то беннинговским поваром, то сержанты разрешают их снять и остаться лишь в пластиковых подшлемниках. Современные каски монолитны, и в жару они больше напоминают сковородки.

Постоянно раздаются приказ пить воду из фляг. Это профилактика против перегрева и солнечного удара. Воду в солдат буквально вливают. Если в период Вьетнама ее мешали с соевыми растворами, то теперь от этого армия США отказалась. Считается, что соли оказывают вредное воздействие на организм, особенно сердце, желудок и по-

чки. Это противоречит точке зрения наших военных медиков. В Афганистане я глотал таблетки, которые, как предполагалось, компенсировали потерю важных солей, вымываемых из организма в условиях жаркого климата и сильных физических перегрузок.

У сержанта Коуэлла редкая нашивка — «Си-ай-би», свидетельствующая о том, что ее владелец принимал участие в боевых действиях. Иногда ее дают людям, находившимся в зоне боев не менее шестидесяти дней.

Сержант Коуэлл участвовал во вторжении США на Гренаду. Он называет это именно так — вторжение:

— Я служил в Форте Брегг в 82-й дивизии*. У нас были учения. Вдруг объявили тревогу. Не придал ей значения. Тревоги — дело частое. Поднялись на самолетах в воздух. Для тренировочного десантирования мы обычно летали во Флориду: там нас и сбрасывали. Я еще обрадовался... Водички хотите?

Коуэлл показывает мне зубы. Оказы-

Солдаты на плацу орут так, что хоть затычки запихивай в уши. Этим криком они доводят себя до состояния экзальтации. Но сержантские голосовые связки все равно мощней, дубленей. Они запросто перекрывают хриплое солдатское многоголосье.

Сержант Тэнли бросается в глаза своей медвежьковой фигурой, энергичным лицом и узкими индейскими глазами, в которых кошачьи зрачки движутся, как пулеметы в щелях для стрельбы.

— Чего я в армию пошел? — переспрашивает он. — Воспитан так. Отец тоже был военным. Сражался во Вьетнаме. Убит в 69-м. Дед служил на флоте.

— Вы в Штатах безвыездно?

— Нет, я был в Европе. В Западной Германии. Честно говоря, мне там очень нравилось.

— Больше, чем в Форте Беннинг?

— Больше. Люди там общительнее. Тренировались мы вместе с немцами: у каждой американской части есть «се-

он, барабана пальцами по трем магазинам для М-16 на груди. — Пригодится вещь эта в жизни. Да и денюжат поднакоплю. Получаю 620 в месяц: это стабильняк. Трачусь лишь на гуталин да зубную пасту. Отмарширую свое, отстреляю, а под конец куплю себе что-нибудь «горяченькое» — «корвет». Или «торнадо»: цилиндры у ней — р-р-р-р... Заслушаешься. — Чуть прикрыв белобрысые, редкие ресницы, он крутит намозоленными руками воображаемую баранку. Жмет правой ногой на «газ».

— Карелл, — я возвращаю его из автомобильных грез в Форт Беннинг, — убежден, что мечта твоя сбудется. Я уже сейчас слышу, как визжат девки, когда садишься ты за руль. Но ответь мне на такой вопрос. Вот представь, что мы попали в 68-й год. В Форт Беннинг. Тебе светит прямая дорога во Вьетнам. Твой ближайший друг отказался от службы в армии по политическим мотивам. Нарастает антивоенное движение. Возвращающихся из Вьетнама солдат демонстранты называют не

вается, это улыбка: она горбатит нос, оттягивая его кончик вниз. Сержанту, должно быть, очень больно улыбаться: багровое от солнца лицо шелушится, кожа натянута, словно резина надутого до предела воздушного шарика. Он поворачивается на секунду ко мне боком, что-то кричит солдатам. На рукаве под шевронами желтеет горизонтальная планка: запутаешься от обилия знаков различия. Штудировал их перед поездкой. И все равно — чуть ли не каждый час открываю для себя новые.

— О том, что будем прыгать на Гренаду, — продолжает он, — узнал за десять минут до начала десантирования. Пока торчали на острове, получали «боевой оклад» — на сто долларов больше обычной ежемесячной зарплаты.

— Как вы относитесь к тому, что вам пришлось принимать участие в боях на чужой территории? — Мне важно услышать его ответ, потому что через четырнадцать лет после вьетнамской войны большинство американцев, с которыми доводилось беседовать, воспринимает как нечто естественное участие своей страны в военных конфликтах за рубежом. Кажется, они вынесли из Вьетнама лишь один урок: война должна быть победоносной и молниеносной.

— Это наш долг, — сержант мнет пальцами переносицу, — защищать США и другие страны.

— Вы уверены, что Гренада хотела вашей защиты?

— Нас так информировали, сэр! Опять «сэ-эр»! Чуть что — сразу «сэ-эр»! Или это подвид словесного камуфляжа, разновидность маскировки?

стра-немка». Наше командование там очень печется о поддержании «дружеских отношений с местным населением».

— Западные немцы — хорошие солдаты?

— Высший класс! — Ответ следует моментально.

— Что особенно запомнилось из службы, из жизни там?

— Немецкие женщины. Да... Конечно, они. Я женился на одной из них. И вам советую.

— Немки отличаются от американок?

— Среди американок не осталось хороших домохозяек. Их всех тянет на работу. Они слишком приучены к social life*. А моя немочка сидит дома. Я прихожу: ужин готов, квартира чистая, блок пива стынет в холодильнике. Словом, я свободен, как джинсы без молнии. Это и есть «немецкое чудо». Холостяки любят служить за рубежом. Охота бесплатно помотаться по свету, пока молод и доуки не одолели. Семейные... — этот народ предпочитает Америку. Муторно всей отарой сниматься с обжитого места, седлать новое. Дело понятное. Но я легок на подъем.

Рядовой Карелл Кристофер сегодня победитель: он собрал миномет за 62 секунды. Всем своим видом напоминает Триумфальную арку: не подойдешь. Ему 21 год. Из поляков: прадед перебрался в Штаты, здесь женился, осел. С тех пор и пошла в его роду польская кровь смешиваться с американской.

— Я завербовался в армию: нужна мне была самодисциплина, — сообщает

иначе, как «детоубийцами». Общество не хочет этой войны, потому что считает: Америка там расстреливает и бомбит те самые идеалы, которые провозглашает и ради защиты которых вроде бы и ринулась во Вьетнам. Что делаешь в этой обстановке ты — едешь во Вьетнам?

— Солдат не должен выбирать. Когда солдат размышляет, выполнять или не выполнять приказ, начинаются проблемы, начинается разруха в армии. Ответ мой таков: я был бы во Вьетнаме. — Он говорит убежденно. Чувствуется, не раз обсасывал в голове этот вопрос. Слова брызгами летят сквозь сжатые зубы, Карелл точно сплевывает их.

Солнце стоит в зените, не двигается. Словно его к небу приколотили. Жарит солдатские мозги. Тушит их в раскаленных касках-сковородах. Солдаты потом поливают сухую землю. Их вытупленные глаза полыхают немим бешенством. Асфальт прогрет до белого каления, как позабытая на огне сковорода. Он ступни жжет адски — даже сквозь подошвы.

Над горизонтом появляется эскадрилья облаков-безд. Она замирает в нерешительности. Потом долго кружит на одном месте, обходит минометчиков стороной и безмолвно, боясь выдать себя, на цыпочках семенит вдоль опушки леса. Там — намек на прохладу. Пробиваясь сквозь кроны, солнце обесиливает, из последней мочи бросает на землю дряблую тень, вроде маскировочной сетки.

Просторная поляна. Человек тридцать лежат на спинах, разбросав в стороны руки. Это «раненые». Другие же сидят на корточках или стоят на коленях: оказывают первую медицин-

* 82-я воздушно-десантная дивизия.

* social life — общественная жизнь (англ).

скую помощь «в боевых условиях». Сержант-инструктор Моусли демонстрирует свое врачебное искусство, приобретенное на полях сражений еще в годы вьетнамской войны.

— Каждый из вас, — кричит он, и ветер срывает искрящиеся капли пота с его пухлогубого, негритянского рта, — обязан уметь помочь попавшему в беду другу. Если у кого-то эта простая истина не вызывает энтузиазма и он не желает овладеть элементарными навыками первой помощи, я без промедления дам такому человеку рекомендацию и он устроится работать в «Макдональдс»*. Армии он не нужен. Я, кажется, сказал «НЕ НУЖЕН»! Я прав, солдаты?

— Так точно! Не нужен! У-а! У-а-а-а! — отвечают львиным ревом «раненые».

— Хорошо! Но у меня, видно, что-то случилось со слухом. Я видел, вы открывали рты, но ничего не слышал! Ничего!

— Не ну-у-у-уже-е-ен! У-у-а-а-а-а! — дерут глотки солдаты.

Над головой дрожат листья. Словно парусники в шестибалльный шторм, раскачиваются облака.

Если бы злость в солдатских глазах можно было бы измерять, как температуру, ртуть взрывалась бы в градусниках. Сержант доводит учебный взвод до состояния кипения и лишь тогда начинает свой рассказ о приемах, методах и принципах первой медицинской помощи, перемежая его компактными, но драматичными историями из своей вьетнамской эпопеи.

— «Чарли»** были лучше нас готовы к войне. Для них жара и джунгли, как для нас, — он щелкает смуглыми тонкими пальцами, словно подзывая нужное сравнение, — комфортабельный «форд» с кондиционерами. Перегрев и солнечные удары — вот что в первую очередь «чарли» обратили против нас. Если с кем-то это случилось, ташите срочно парня в тень и старайтесь сбить температуру, вливайте ему в рот флягу за флягой воды. Противник берет себе в союзники жару, вы — воду. Он — солнечные удары, вы — тень и прохладу. Но никогда не пейте из непроверенных водоемов. Глоток оттуда может оказаться последним глотком воды в вашей жизни. Вместо живительной влаги вы получите что?

— Смерть!

— Что?

— Сме-е-е-е-ерть!!!

— Смерть кому?

— Смерть врагу-у-у-у!!!

— Хорошо. Сержант позволяет себе слабую улыбку. — А теперь всем выпить по пять глотков из фляги! По пять о-чень больших глотков!

Солдаты выполняют приказ.

Моусли перечисляет пять способов транспортировки тех, кто ранен, — быстрых и безопасных, позволяющих избежать дальнейших повреждений и осложнений. Говорит о двух основных типах поломки. Как накладывать фиксаторы и чем их закреплять.

— Ожоги. Во время боевых действий они преследуют солдата, как пули. Ожог может привести к заражению крови, попаданию инфекции внутрь организма, к шоку. — Сержант умело, словно фокусник-иллюзионист, орудует куском зеленой материи, которую здешний солдат использует вместо бинтов и резиновых жгутов, останавливающих кровотечение.

Инструктаж длится всю вторую половину дня. Приблизительно через неделю — экзамен по владению навыками первой экстренной медицинской помощи в боевых условиях. Он проводится раз в год во всех без исключения учебных и регулярных частях и подразделе-

ниях армии США. Солдат или офицер, не сдавший его, отправляется на переэкзаменовку. В случае повторной неудачи военнослужащий увольняется из рядов вооруженных сил.

Утром следующего дня настроение было под стать погоде. Часов с трех ночи зарядил мелкий, привередливый дождик. Быстрыми пальчиками он барабанил по крыше казармы; выйдешь на улицу, он непременно залезет за шиворот; стоило глянуть с надеждой на небо, он принимался иголочками колоть лицо.

На душе было слякотно, я бы даже сказал — погано. И как это часто бывает при подобном расположении духа, все вещи и события, точно прохудившиеся воздушные шарик, на следующий день после праздника, с катастрофической быстротой теряли смысл, казались пародией на самих себя. База Форт Беннинг, как и вообще все армии без войны, в мирных условиях, вдруг представила забавой для седовласых генералов, игрой взрослых в солдатики. Не оловянные, а живые. Заветная мечта детства сбылась: игрушечные танки начали лязгать гусеницами, вертолеты — летать, пушки — стрелять.

Я поднялся еще перед побудкой, часа в четыре, и направился в здание, где расположился кабинет подполковника Фриззо. Он пригласил меня днем раньше на утреннюю пробежку — восемь миль. Я опаздывал и загодя начал готовить десяток-другой оправданий: дождь, знаете ли, вчера измучился с минометами — голову от подушки утром отодрать не мог и т. д. Опоздал и думал: этот безумный бег посреди ночи, в дождь, когда все нормальные люди спят и сны приятные видят... Кой черт!

Но не тут-то было.

— Помчались? — Подполковник Фриззо улыбнулся и глянул на хронометр. — Ну, вперед.

Когда мы выбежали на основную магистраль, машин там не было, но вдоль разграничительных линий и обочин трусили десятки и десятки людей в спортивной одежде и кроссовках. Обилие седых голов, прыгавших впереди, точно пинг-понговые шарик, говорило о том, что и старшие офицеры не делают себе поблажек даже в дождь. Своими сухопарыми, в отличной спортивной форме фигурами они резали густой туман. Со всех сторон доносилось ритмичное дыхание, напоминавшее работу поршней и клапанов в умело отлаженном, без надрыва работающем двигателе.

Уже к концу второй мили разогревшаяся кровь лучше всякого сержанта разбудила все еще дремавший мозг и, хотя «снаружи» все еще лил дождь, «внутри» меня стрелка барометра указала бы на отметку «ясная солнечная погода, без осадков».

Контрастный душ подействовал сильнее допинга. Волосы на голове шевелились от возбуждения. Хотелось покорять иные миры и галактики. Или гаркнуть что-нибудь на весь Беннинг порусски. Но непременно — такое, что они поняли бы моментально. И без перевода.

— Эта карточка сделана в Форте Чэптер. — Фриззо кивнул на фотографию в своем кабинете. — Там, на Гавайях, находится штаб и командование наших войск тихоокеанской зоны. Я там служил в штабе, когда туда прибыл новый командующий — трехзвездный генерал Бегнел.

— Послушайте, подполковник, сколько у вас всего генералов с тремя звездами на погонах?

— С тремя, — ответил он по памяти, — 128, с четырьмя, кажется, — 36, с двумя — 363 и с одной звездой — 530. Но это данные на март 1987 года. Сегодня генералов в нашей армии еще меньше. Мы что, — улыбнулся он, — без них своего дела не знаем? Шутка. Прошу почтенных судей учесть, что это была шутка.

— Знаете, солдаты в разговорах со

мной за редким исключением обычно очень откровенны. Многие им в армии нравятся, но многое нет. Иной раз так раскритикуют начальство — обычно сержантов — за чрезмерную строгость, что просто-напросто чувствую себя провокатором. Но я ни одного раза не слышал от них истории или какого-нибудь фактика, который можно было бы трактовать как нарушение уставных отношений в армии. Этого явления у вас, получается, нет?

Подполковник размял пальцами шею, помассировал затылок:

— Когда-то было. Но сейчас мы от него избавились. И я считаю это одной из наших самых больших побед. Самые больших, — повторил он, сделав ударение.

— Что же сыграло решающую роль? Что помогло вам?

— Был принят целый комплекс мер, законов, правил, созданы учреждения в рамках армии, следящие за их соблюдением. В любой части есть Отдел Генеральной инспекции. Он возглавляется офицером, назначаемым из Вашингтона Генеральным инспектором. Иногда в отделах сотрудничают гражданские люди. Если рядовой оказался свидетелем противоправного поведения кого бы то ни было из военнослужащих (от солдата до генерала) или нарушения старослужащими, сержантами или офицерами прав того или иного поступившего на службу, он обязан сообщить в Отдел. Такая система информирования не только дозволяется, но всячески приветствуется. Речь идет не о стимулировании системы доносов, а о поддержании порядка в частях, о соблюдении устава. Если в Отдел поступило сообщение о каком-то инциденте, инспектор займется самостоятельным расследованием и доложит свое мнение командиру части или кому сочтет нужным, выскажет рекомендации. Параллельно солдат имеет право сообщить о нарушении уставных правил командир своего подразделения, скажем, роты. Если он не удовлетворен принятыми мерами, рядовой может доложить о случившемся выше — командиру батальона. Таким образом, он имеет право встретиться и с командиром дивизии, записавшись предварительно на прием. Командир обязан принять солдата.

— А если солдат дойдет до генерала с той лишь целью, чтобы сообщить о пропаже мочалки и своих на сей счет подозрениях?

— Такая возможность существует, но мы стремимся решать «мочалочные вопросы» на уровне чуть ниже. — Подполковник бросил в рот горсть оранжевых витаминов и предложил мне: — Хотите?

Я запил таблетку глотком ледяной газировки, взрывавшейся в горле миллионами пузырьков.

— Спасибо. Это единственные преграды на пути разрастания неуставных отношений?

— Нет. Честно говоря, я полагаю, — Фриззо включил кондиционер и закрыл форточку, — что главной преградой является воспитание в семье и армии, уважение к правам другого человека, к человеческому достоинству. Но если говорить чуть более конкретно, то могу вам перечислить и другие принятые в армии меры. Как насчет кофе?

Он дал мне пластиковый стакан горячего кофе и высыпал туда пакетик сухого молока.

— Обожаю, — Фриззо чуть зажмурил глаза, — запивать его ледяной водой. Это как контрастный душ, только «внутри»... У нас категорически запрещено употреблять нецензурные слова, проклинать кого-либо или что-либо. За нарушение этого правила на сержантов, офицеров или солдат накладывают серьезные денежные штрафы...

Фриззо на пару минут вышел.

Я вспомнил несколько нашумевших в армии случаев, связанных с употреблением нецензурных выражений. Сержант, в порыве гнева крикнувший рядовому, что из него солдат, «как из дерь-

ма — снаряд», был оштрафован на 200 долларов. В 1036 взводе морских пехотинцев сержант нажил себе целую кучу неприятностей и нагоняев от начальства за то, что назвал одного паренька «скользким типом», другого — «клоуном», третьего — «маменькиным сыночком» и «разгильдяем». Сержант, пригрозивший рядовому автоматической винтовкой, был оштрафован на 500 долларов. Инструктору, выведенному из себя медлительностью морского пехотинца, было отказано в продвижении по службе за то, что он, однажды сорвавшись, выпалил: «Да вытащи ты свою башку из задницы!» Более того, он был снят с должности инструктора. Здорово нагорело сержантам, позволившим себе «дотронуться пальцем до лица» поступившего на службу, «толкнуть локтем» рядового, «прицелить палец» морского пехотинца крышкой люка. Рассматривалось дело сержанта-инструктора, который «нанес моральный ущерб» морскому пехотинцу, подозревавшемуся в употреблении наркотиков, тем, что он спросил подчиненного: «Ну, что, все наркоманишь втихаря?!» По ходу расследования выяснилось, что пехотинец действительно употреблял наркотики, однако это не спасло сержанта-инструктора от наказания.

Когда подполковник вернулся, я напомнил ему об этих эпизодах.

— Важно подробно информировать только что поступивших на службу ребят, — Фриззо скомкал пластмассовый стаканчик из-под кофе и, прицелившись, кинул его через всю комнату в мусорное ведро, — о том, какие приказы они выполнять обязаны, а какие — нет. Мы этим занимаемся, и есть мнение, что подобная профилактика помогает. Очень строго мы наказываем за любые проявления расизма и национальной нетерпимости. В годы Вьетнама предрассудки на этой почве сильно ослабляли нашу боеспособность. Статистика свидетельствует, что число таких инцидентов в армии упало за последнее время до минимальной отметки. Погоди минуту — телефон...

Он взял трубку и, оттолкнувшись ногами от стола, отъехал на кресле к окну.

...Нет, его последняя фраза не голые слова. В сегодняшней армии США 27 процентов военнослужащих — представители национальных меньшинств. Шесть с половиной процентов американского офицерского корпуса составляют представители чернокожего населения страны. Около 30 процентов сержантского состава вооруженных сил — черные. Тридцать девять представителей нацменьшинств Америки имеют звания генералов и адмиралов. Статистика эта не секретная. И она постоянно используется Пентагоном в пропагандистских целях. Есть у нее, правда, и обратная сторона: в случае войны национальные меньшинства и черное население Америки в пропорциональном отношении к общей численности населения понесут значительно большие потери, нежели белые.

Фриззо бросил трубку на рычаг: она точняком вошла в паз:

— Жена! — улыбнулся он. — Спрашивает, что я желаю сегодня вечером на ужин?

— Что же?

— Я ей сказал: если ты мне дашь кусочек, ну хоть самый маленький, счастья, я буду доволен.

— А она?

— Пообещала... — Он неожиданно посерьезнел. — Мы воспитываем армию как монолитный организм. Вы видели: полковники едят за одним столом с солдатами. Форма тех и других одинакового качества. Армия — это большая спортивная команда. Мы много труда вложили в нее. Сейчас собираем первые плоды. Наш сегодняшний солдат «стоит» трех солдат конца шестидесятых годов.

Фриззо на мгновение отвлекся: вошел помощник.

Сравнивая сегодняшних и вчерашних солдат американской армии, Фриззо не

* «Макдональдс» — система закусочных, разбросанных по всей Америке.

** «Чарли» — так американские солдаты называли южновьетнамских партизан (от кодового обозначения «Вьетконг» — «вьетнамский коммунист» — по первым буквам «Виктор Чарли»).

сообщил ничего нового. Это общепринятая оценка. Один из представителей беннинговского командования сказал мне на днях, что, по мнению Пентагона, в случае возникновения военного конфликта с СССР численное превосходство советской армии будет таково, что в среднем на одного американского солдата будет приходиться три советских. Это соотношение, заметил он, определяет интенсивность и качество боевой, а также физической подготовки солдат армии Соединенных Штатов.

Помощник вышел, закрыв за собою дверь, и Фриззо спросил:

— Так о чем мы?

— О том, что армия — это большая спортивная команда.

— Да, верно. Сейчас мы получаем не только физически более крепких, выносливых ребят, но и во много раз более сообразительных. А это важно: уровень техники растет. Мы не ослабляем контроля, смотрим за каждым. Ежемесячно подвергаем выборочной наркологической проверке двадцать процентов личного состава каждого подразделения. Скажем, на этот раз я объявляю, что тесту будут подвергнуты все солдаты, чьи фамилии начинаются с буквы «П». Таким образом удастся держать личный состав в постоянном напряжении, не давая людям расслабляться. А весь шлак, который к нам неизбежно проскакивает, позже отсеиваем, избавляемся от него. Теперь мы можем позволить себе такую роскошь.

— Американского солдата и офицера, — заметил я, — отличает сегодня отменная физподготовка. Ни в Пентагоне, ни в Форте Беннинг я не встретил ни одного военного — я имею в виду и высшее командование — с лишним весом. Даже ваш министр — атлет. Я знаю о нашумевших случаях увольнения крупных военачальников лишь за их несоответствие установленным весовым и спортивным нормативам. На вопрос о том, не является ли это слишком уж дорогим удовольствием и расхищением кадров, в Пентагоне мне неизменно отвечали: лучше пожертвовать двумя-тремя полковниками, генералами или адмиралами, но сохранить всю армию в хорошем спортивном состоянии. А сегодня сам видел: весь Форт Беннинг по утрам бегают от трех до восьми миль. Что случилось? Ведь такого, говорят, не было даже пятнадцать лет назад, я прав?

Он улыбнулся:

— У американцев это стало модным, даже престижным — быть в идеальной спортивной форме. А поскольку армия — составная часть Америки, то «спортмания» затронула и ее. Мы подсчитали: чем лучше физподготовка солдат, тем меньше денег мы тратим на их лечение. Поступающая к нам молодежь сегодня быстрее бегают, выше прыгает, чем призывники двадцать лет назад. По этой причине мы смогли значительно «поднять планку» спортивных нормативов. Кроме того, просто-напросто последовал жестокий приказ сверху. Теперь дважды в год каждый из нас — включая высокопоставленных работников Пентагона — проходит спортивный и весовой тесты. Раньше тоже существовало такое правило, но, честно говоря, его никто не выполнял. Плевали мы. Ныне в армии США существует единая карта весовых и спортивных нормативов с одновременным учетом роста и возраста. Она жестко определяет стандарт веса и число тех или иных упражнений (приседание, качание пресса, отжим на руках), которые необходимо сделать в единицу времени. Да, и, конечно, бег на время. Он — важнейшая составная часть спортивного теста. Офицеры поняли: карьера поставлена в жесткую зависимость от их физической подготовки. В тот самый момент, когда они это осознали, спортивный лик армии начал меняться со скоростью сверхзвукового истребителя.

Фриззо достал из ящика стола кипу спортивных журналов и брошюр. Кинул мне на колени. Бросились в глаза названия: «Механика» бега, «Бег всей

семьей», «Бегом от инфаркта», «Искусство бега», «Бегом к счастью», «Ответы на все вопросы, которые возникают у вас во время бега», «Бег зимой», «Бег в дождливую погоду»...

— Помимо всего прочего, — Фриззо записал всю эту литературу туда, откуда достал, — спорт нужен для того, чтобы у солдата не осталось сил даже подумывать о наркотиках. У нас есть такая статистика: три года назад из ста полковников лишь трое могли пробежать пять миль. Сегодня — все сто без исключения. Это касается и полковников-резервистов.

Со спортом мы покончили, и подполковник пошел проводить меня до казармы: минут через пятьдесят нашей роте предстояло сдавать спортивный тест. И я хотел перед тем чутко вздремнуть.

Мы шагали и чувствовали слабое детское дыхание утреннего тепла. Исходило оно не от неба, а от земли. Мы осторожно, словно боясь спугнуть, пили его легкими, будто дегустировали. Делая маленькие глотки, я чувствовал вкус дурманящих голову, неведомых мне трав окрестных степей.

— Утром у вас здесь хорошо, — сказал я. — Какая-то терапия души. Травы, что ли, так действуют, не пойму. А днем тяжело. День в обним жмет жарой, душой, криками, танками. Как вы выдерживаете — загадка.

— После Вьетнама это все мишура. Вот сколько лет прошло, а толком не отойду. Случаи, истории вдруг из прошлого выскакивают, торчком встают в памяти, как мишени на стрельбах. Но там стреляешь, и они падают, уходят, а тут что — самому себе в башку стрелять? Рано вроде еще. Половину жизни только отшагал. Рано...

— Вы участвуете в работе ветеранских организаций?

— Я не принадлежу ни к «Американскому легиону», ни к «Ветеранам иностранных войн», но сердце — принадлежит. Время малость залечило рану, сняло боль, люди нынче по-другому к той войне относятся. А в 60-е все в этой стране передрались. Окопы из Вьетнама перекинулись в Штаты. Казалось, Америка отправилась в свой последний путь. Но приблизительно после 1968-го мы поняли, что просто-напросто разрываем страну на части, и полюсы решили начать постепенное сближение. Сейчас иногда кажется, пойдй мы тогда хоть на дюйм дальше в сторону от центра и согласия, Америка не выдержала бы. Нация испугалась пропасти, на краю которой оказалась. Никсон пообещал вывести войска и сдержал слово: вывод войск оказался решающим фактором стабилизации положения внутри Соединенных Штатов. При Форде единство в обществе еще больше окрепло. Рейган очень популярен среди военных. Он вернул Америке веру в себя. Экономика встала на ноги, инфляция снизилась, безработных поубавилось. При нем мы опять поверили, что дорога наша идет далеко в будущее и что дорогу эту надо охранять. А для этого надо поддерживать военных, заниматься армией. Престиж военной профессии взлетел на небывалую высоту именно при Рейгане.

По выражению лица его было видно, что он получает удовольствие от своих слов. Пружинистые ноги легко несли крепкий, сухой торс, а голова подполковника, казалось, летит в облаках, высоко над землей.

— Что вы улыбаетесь? — Он глянул на меня, вздрюнув брови.

— Просто рад за вас. Кстати, почему, на ваш взгляд, пресса столь негативно писала об американских солдатах во Вьетнаме? «Героических» репортажей и очерков ведь практически не было...

— Да, — Фриззо смотрел себе под ноги, засунув руки глубоко в карманы, — не было. Я не могу понять изначальные мотивы поведения прессы в период войны во Вьетнаме. Иногда журналисты играют деструктивную роль в обществе. Какой смысл было утрировать «зверства»?!

Губы его сделались бледными, а в бороздках глубоких морщин лба заискрились на утреннем солнце пот.

— Начиная приблизительно с конца 1972 года, — продолжал Фриззо, — американские солдаты уже почти не воевали, хотя продолжали оставаться во Вьетнаме. Дела не было. Люди скучали по родным, оставшимся в Америке, не понимали, в чем их задача и чего от них хотят. Словом, настроения в частях начали меняться. Всем хотелось домой. А дома их «поливали» в газетах и по телевидению. Возвращение было тяжелым, грустным. Солдаты сделали, что от них потребовало правительство, а потом страна плюнула им в лицо. Иные антивоенные активисты заходили, на мой взгляд, слишком далеко.

И тут Фриззо упомянул имя Джейн Фонды. Он заговорил о ней с таким клокочущим раздражением, переходившим в ненависть, какому этот железной выдержки и воли человек никогда, казалось, не позволит в такой мере собою завладеть. Он обвинял ее в недопустимой, преступной «антивоенной пропаганде», вылившейся, на его взгляд, в предательство Америки.

— Ведь она, — Фриззо рубил ребром правой ладони, точно топором, воздух, — поехала в Северный Вьетнам, с которым мы находились в состоянии войны, а на войне той гibli наши ребята. Она поливала грязью нас, но расточала похвалы нашему врагу!

— Я знаю, как бывает ненавистен иностранец, когда он дотрагивается руками, лезет ими в национальную травму, — сказал я. — Именно так сам я реагирую на неосторожные слова американцев, рассуждающих об Афганистане. Даже если слова эти справедливы. Я не сравниваю эти две войны: Вьетнам не Афганистан, СССР не США, сравнима разве что национальная боль — ваша и наша, Вьетнама и Афганистана. Точно так же мне кажется бессмысленным сопоставлять действия американского солдата в Южном Вьетнаме и действия Фонды в Северном Вьетнаме. Вы находились в различных системах координат. Я имею в виду не географию, а, скорее, область этики и общественного сознания. И хотя вы, как и она, защищали Америку, но Фонда — американские национальные идеалы, а вы — американские интересы, точнее, то, что вы под ними привыкли понимать. К сожалению, они не всегда совпадают.

— Да, — Фриззо глубоко, мне даже показалось, с дрожью в легких вздохнул. — В этом вся трагедия.

— Но, быть может, высший национальный интерес — в его соответствии высшему идеалу народа?

— К сожалению, — Фриззо почесал седой висок, — в реальной жизни все не так.

— По-моему, — сказал я, — история достаточно убедительно свидетельствует: если на протяжении слишком длительного времени в жертву интересам приносятся идеалы, это оказывается гибельным для страны.

— И наоборот, — ответил подполковник.

— Да, если в качестве агнца на заклание оказываются интересы безопасности, такая ситуация может стать не менее роковой. Кстати, в умении сочетать эти два полюса, Инь и Ян, — искусство политика.

— Знаете, — Фриззо открыл дверь и пропустил меня первым в казарму, — я за последние лет четырнадцать — вы не поверите — ни разу вот так не говорил про Вьетнам. Да и впредь не буду. Просто ради вас сделал исключение.

— Очень мило с вашей стороны, — сказал я.

— Не стоит. Мы распрощались. Почему-то чуть холоднее, чем встретились.

Я сел на койку перешнуровать бутсы. Взвод только что воротился с пяти-мильной пробежки. Вилли стоял рядом, широко расставив ноги. Он яростно растирал взмыленное, порозовевшее тело мокрым полотенцем.

— Привет, — я кивнул ему, — как дела, лайнер?

— Паршиво, — ответил он и продемонстрировал мозоль на ступне, — но и другие не лучше! Это хоть утешает.

Я прилег на койку: ноги после бега ныли, но когда я вытянул их, стало легче.

Вспомнился разговор с Фриззо о журналистах во Вьетнаме. Как он на них злился! Выражаясь его же словами, подполковник, кажется, даже «чарли» не ненавидел так, как бедных репортеров.

Я вспомнил тех из них, с кем знаком лично, — Питер Арнетт, Тэд Коппель, Дэвид Каннерли... Странно было увидеть неделю назад их фотопортреты на отдельном стенде в Пентагоне. Конфликт Министерства обороны с прессой, разразившийся в годы войны, похоже, все-таки помог пентагоновцам понять простую истину — нельзя к журналистам относиться как к врагам, предателям Америки, «антипатриотам». И военные, и корреспонденты старались на благо Соединенным Штатам. Просто они по-разному понимали, что есть «благо»...

Питер прославился мужеством, он оставался в Сайгоне и после падения города весной 75-го. Сотни раз перепечатывали журналы и газеты США ставшую знаменитой фразу, которую бросил Арнетту американский офицер: «Чтобы спасти эту деревню от коммунистов, мы были вынуждены ее уничтожить!» Известность Тэду принесли его телерепортажи с линии огня. Дэвид прогремел своими фотоочерками, потом он работал при Белом доме личным фотокорреспондентом президента Форда.

Ежедневно информируя американцев о войне — до семидесяти процентов вечерних теленовостей были из Вьетнама, — американские журналисты нанесли серию нокаутирующих ударов по создававшемуся литературой на протяжении столетий образу ГЕРОЯ-ВОИНА. Ведь если бросить даже беглый ретровзгляд, мы легко заметим, что литература двигалась от гомеровского к средневеково-рыцарскому пониманию того, что такое «героизм», «мужество» и «воинская доблесть». Никто из писателей и поэтов не ставил под сомнение ценность этих категорий. Даже Хемингуэй и Ремарк, отрицая всем своим творчеством войну, как злейшее из зол, каким-то невероятным образом придали ей ореол печальной романтики.

Американец Джо Макгиннис в своей книге про Вьетнам «Герои» задался вопросом: если была война, значит, были и герои? Но пришел к убийственному для певцов «оборонного сознания» и «соловьев генеральных штабов» выводу: героев не было. Трагедия солдат во Вьетнаме состояла и в том, что человеческие поступки и качества, которые в условиях мира мы привычно измеряем категориями добра (подвиг, отвага, храбрость, сила воли, неустрашимость, доблесть), там, на войне, неизбежно наполнялись противоположным смыслом.

Константин Симонов в статье «Думая о Хемингуэе» писал: «Первая мировая война была для него чужой, не его войной. (...) Однако среди всей грязи и позора этой войны (...) храбрость оставалась храбростью, а трусость — трусостью, и при всей нелепости обстоятельств, в которых они проявлялись, где-то в самой первооснове они не утрачивали своей первоначальной цены...»

Но, говорят, праведный путь праведен во всем. И, видимо, наоборот.

На несправедливой войне подвиг оказывается преступлением, а мужество — зверством. Но на скамье подсудимых должны сидеть не солдаты (что понимает в политике 17—18-летний пацан?!), но те «старцы», которые такую войну развязали. «Старцам» в мудрости не откажешь: своих детей и внуков они на смерть не посылают...

— Кончай дрыхнуть, — услышал я голос Вилли, — опоздаешь на построение!

(Продолжение следует.)

В магазине облпотребсоюза «Сыбага» мне дали полистать рукописную книгу. Она читалась, как фантастика, хотя меня уверяли, что все написанное в ней — чистая правда. Ее создали и продолжают дополнять домохозяйки, рабочие, служащие славного города

Кокчетава, целый коллектив авторов, вовсе не знакомых друг с другом. Стиль и содержание книги, впрочем, кому-то могут показаться однообразными. Но нужно ли требовать особых художественных достоинств от «Книги спроса и предложений» мясного магазина?

Юрий ЛУШИН,
фото автора

«Я очень доволен магазином. Тут есть все для приготовления национальных казахских блюд, начиная с головы черного барашка... От души благодарю Сабитова Шавката за хорошее обслуживание. Б. Тажибаев».

«17 августа мы заказали мясо — «Набор для дорогих гостей на 12 персон». Заказ был выполнен в срок. Выбор мяса в магазине «Сыбага» большой. Мы довольны культурой обслуживания. Желаем счастья Шавкату Сабитову. Семья Жакеновых».

Можно цитировать и дальше, книга толстая, хотя, повторяю, несколько однообразная. Но, боже мой, я точно знаю, что тысячи, десятки тысяч людей из многих городов Казахстана просто мечтают создать такую же однообразную книгу в своих мясных магазинах, но, увы, вода для этого пока что нет. Для такого «литературного» однообразия не хватает, извините за невольный каламбур, многообразия мясных продуктов на прилавках. Почему же хватает в Кокчетаве, Целинограде или Кустанае, а, например, жителям Гурьева, Уральска или Караганды магазин «Сыбага» может только в фантастическом сне приниться?

Помню знойное лето в Гурьеве, унылые полки гастронома, украшенные консервными банками с килькой, минтаем и ставридой. Командированному на таком харче долго не протянуть, подумал я, как же тут живут аборигены? И вдруг мой взгляд уперся в витрину с полукопченой колбасой. Она, та витрина, показалась в тот момент оазисом в пустыне. И очередь небольшая — каких-то десять человек. Разве это очередь? Конечно, в каком-нибудь Копенгагене она, возможно, стала бы сенсацией, но только не в Гурьеве. Короче говоря, выбил я чек в кассе за полкило колбасы и благополучно добрался с ним до продавщицы. Та с изумлением осмотрела мой чек (даже с обратной стороны), помахала им в воздухе и тоном прокурора спросила:

— У вас есть талон?
— О каком талоне вы говорите?
— Ах, вот оно что, — сказала она

и гаркнула на весь магазин, обращаясь к кассирше: — Гуля, этому верни деньги, он без талона.

Вот и все, оазис мигом превратился в мираж, поскольку в Гурьеве человек без талона — это как бы призрак. А зачем призрак колбаса? Я не ведаю, кто там распределяет талоны на мясо, масло, колбасу, но точно знаю, что получают их далеко не все. Лишены их, например, многодетные матери, вынужденные оставить работу (как будто воспитание полдюжины, а то и больше детишек не работа), служащие разных мелких контор...

Вспомнилась мне недостижимая гурьевская колбаса в тот момент, когда продавец магазина «Сыбага» (тот самый Шавкат Сабитов, которому письменно выражали благодарность все покупатели) извиняющимся тоном посетовал, что выбор колбас у него сегодня невелик, но попозже подвезут еще. Тогда я внимательно осмотрел витрину и насчитал восемь сортов колбас. Бедноватый ассортимент — шутит он, что ли? Но он не шутил, нет. Перейдя улицу, я обнаружил в большом гастрономе около двадцати сортов колбас, в том числе шесть или семь из давно забытого ливера. (И совсем доконал меня фирменный магазин потребсоюза «Синегорье», где в тот день продавались колбасы свыше тридцати сортов.) Но кроме этого — говяжьи и свиные ножки для холодца, печенка, почки, куры, гуси, утки и — неслыханное дело! — копченая индейка. Очередей не было — хотите верьте, хотите нет...

Мы торгуем в основном по предварительным заказам, — объяснял Шавкат Сабитов, — потому что традиционная казахская кухня требует сочетания различных сортов мяса: баранина, конина, говядина... Но для случайных покупателей магазин всегда имеет определенный резерв, причем мороженым мясом мы не торгуем, только свежим, парным...

Слушая Сабитова, я поймал себя на мысли, что удивляюсь в общем-то обычным вещам: мясу на мясном прилавке. А ведь, в сущности, именно так и должно быть... Понятно, что изобилие кокчетавского прилавка не от продавца Сабитова зависит, что начинается оно вдалеке от городских магазинов. Где? Они, эти магазины, лишь конечный пункт конвейера, а мне хотелось увидеть его истоки. Помог в этом председатель облпотребсоюза Анатолий Михайлович Шкодин.

Под Кокчетавом, в десятке километров от города, — рассказывал он, — расположено одно из наших подсобных хозяйств. Там мы постоянно содержим на откорме полторы тысячи бычков, да полтысячи овец пасем, да лошадей голов триста. Там же оборудован небольшой убойный цех. По мере надобности в зависимости от заявок магазинов определенное количество скота забивается, а стадо так же постоянно пополняется новыми животными. Поэтому мясо на прилавках всегда свежее, вот и весь секрет...

— Но, видимо, все-таки не весь? Ведь бычки — это еще не колбаса тридцати сортов? Кстати, откуда сами бычки-то берутся?

— Мы их закупаем у населения и затем откармливаем до четырехсот килограммов и более. Вы их увидите, как и некоторые из колбасных цехов, — всего их в области пока одиннадцать.

И я действительно все это и даже много больше обещанного увидел. Еще не доехав до подхоза, Анатолий Михайлович вдруг остановил машину в чистом поле. Мы вышли. Справа тянулась свежая пахота, слева блестело в зарослях камыша озеро.

— В нем, между прочим, глубина до двенадцати метров — карасям и карпам раздолье, — сказал он, — а не так давно просто на лужу было похоже, летом постоянно пересыхало. Но мы хитрые. Пробурили три скважины и пополняем озеро из-под земли с помощью насосов. Никакая жара теперь не страшна. Вот скоро путина начнется,

живую рыбу будем продавать на нашем новом рынке. Видели его?

— Видел, очень понравился, — ответил я, к удовольствию Шкодина, и просто к слову, по инерции поинтересовался насчет вспаханного участка.

— Так это же под хрен мы вспахали, пятьдесят гектаров. Надоело, понимае-те, завозить эту штуку из Прибалтики. Будем сами выращивать, консервировать и продавать населению. Чего тут хитрого? Мясо есть, теперь и приправа к нему будет...

И поехали мы дальше. Посмотрели бычков, а заодно и звероферму (норок, песцов), существующую на отходах убойного цеха (хитрости никакой, не пропадать же добру, прокомментировал Шкодин), а заодно и место под 150-гектарный сад (для кондитерских цехов сырье приходится закупать в других областях, но выгоднее иметь свое), а заодно проверили, как пасутся лошади (оказалось, хорошо, корма вдосталь, когда же табунчик напомнил Шкодину об обещании помочь в приобретении машины, тот коротко ответил: «У меня память хорошая, ты, главное, паси»). Так и ехали. То на свиноферму зайдем, где я узнавал, что к тысяче хрюшек скоро добавятся еще три тысячи, поскольку рядом строится новая ферма. То на копильню, где коптились окорока (будут и населению коптить из их личного запаса). То в сельский кулинарный магазин заглянем (где выбор продукции не уступал городскому, где можно не только что-то купить, но и чашку чая выпить, перекусить), и мне сообщат, что подобные кулинарии есть в каждом крупном селе и сеть их постоянно расширяется. То завернем смотреть гусей, и Шкодин скажет: «Вы их так снимите, чтобы все десять тысяч в кадр попали». То вдруг остановимся у какой-то стройки, и окажется, что тут возникает цех по обработке овечьих и других шкур, из которых тут же будут шить дубленки, шапки и т. п. (Нашли одну итальянскую фирму: она нам оборудовала, мы ей за это определенное количество шкур. Выгода обоюдная...)

Все виденное возникало вроде бы само собой, но я понимал, какой колоссальный труд должен был вызвать к жизни все эти фермы, колбасные цеха, магазины. Может быть, впервые я видел в реальности, каких масштабов может достигать хорошо развитая, организованная и предприимчивая кооперация. Еще раз увидела меня в этом воскресная ярмарка в Кокчетаве, куда съехались торговые обозы из всех районов области. Чего только на ней не было: корабейники-индивидуалы конкурировали с государственной торговлей, продавались живые поросята и ошквенцы малины-вислухи, готовые дачные домики (кстати, недорого) и кирпич, строевой лес, линолеум, паркет... Продавались живые гуси, овцы и мясо разных сортов, а рядом аукционеры старались сбыть залежалый хрусталь, что-то еще, и, увы, почти не было товаров повышенного спроса... Уже возвращаясь из командировки, по дороге в аэропорт услышал от шофера скептическое:

— Суеты много на этой ярмарке, а вот купить нечего.

— Как это нечего? — удивился я, — и мяса полно было, и колбас, и сладостей, и даже фруктов, овощей.

— Ну, это для нас уже не в диковинку. Но попробуйте купить, например, модные туфли, куртку, плащ, хорошую шапку — не найдете.

Честно говоря, я искал, но действительно не нашел. Впрочем, в скептицизме моего собеседника я вижу здоровое зерно. Он, этот скептицизм, должен предпринятия, производящие товары широкого потребления, побудить к творчеству, к выпуску действительно необходимых людям вещей. А иначе ведь (при всеобщем переходе на хозрасчет и самофинансирование) и прогореть недолго. Пример в этом показывают кооператоры, которые уже в следующем году обещают кокчетавскому прилавку свои первые дубленки. Уверяют — по последней моде.

Является ли выставка «1000-летие русской художественной культуры» уникальной или стоит в ряду многих подобных, прошедших в этом году в Москве и Ленинграде? Какое представление дает о русской художественной многовековой культуре? С этих вопросов и началась наша беседа с вице-президентом Академии художеств СССР Д. С. БИСТИ.

Думаю, что не следует сравнивать эту выставку ни с какими другими, ибо сравнение — вещь опасная, как в науке, так и в искусстве, — сказал Дмитрий Спиридонович. — Нам приходилось видеть выставки древнерусской живописи, прекрасные иконы Третьяковской галереи, но никогда еще они не были представлены с такой широтой начиная с XIII века все вместе. Дело даже не в том, что мы видим уникальные вещи, которые нигде никогда не выставлялись, уже названием подчеркнуто, что перед зрителями предметы не культа, а искусства, помогающие составить целостное представление о художествен-

с современной жизнью, многие задаются вопросом: имеем ли мы право называть себя наследниками тех подвижников духа, в том числе и иконописцев, для которых слово и деяние были нераздельны, не умер ли в нас навсегда некий идеальный предок, почитавший главным законом бытия жизнь по совести?

— Нет, нельзя говорить о забвении основ нравственности. Думаю, что

ся за человека, но делать это следует прежде всего в сфере духовной, а не только экономической.

И тут, мне кажется, важен разговор о том, что такое интеллигентный человек. Мне кажется, считать себя таковым может только тот, кто думает прежде всего о других, об обществе, а уж потом о себе. Необходимо искать ниточки, связывающие времена воедино, и эта выставка — один из тех мостиков, поднявшись на который можно разбудить в себе уснувшие чувства.

— Но, наверное, это удастся не каждому? Еще в двадцатых годах выдающийся русский мыслитель П. А. Флоренский писал об «оплотнившихся современных очах и ушах», которым не доступен духовный мир. Он замечал, что вот и иконами прикрывают горшки, очевидно, не усматривая в них ничего, кроме доски, в то время как эта доска «есть запечатленное явление духовного мира». Как вы думаете, что же может спасти наши «очи и уши» сегодня?

— В фильме «Храм», показанном по телевидению, церковный художник Зенон утверждал, что место иконы в храме, а не на выставке, тем самым как бы ставя ее художественные достоинства на второй план. С моей же точки зрения, не существует произведения изобразительного искусства, если оно не наполнено духовным содержанием. С одной стороны, важны эмоции, темперамент, мастерство автора, а с другой — произведение не состоится, если

был, он не пройдет равнодушно мимо изображения богоматери, и, как знать, может быть, именно этот лик разбудит «сон его души». Было время — уничтожались церкви независимо от года их возведения, иконы — независимо от их качества, мы активно боролись против предметов культа в нашей жизни, а сейчас начинаем ценить каждый камешек, оставшийся от древнего храма.

Как же иначе — вся старая культура замешена на религиозных идеях, многое в мировом искусстве — на осмыслении сюжетов из Библии и Евангелия, которые стоят над прагматикой жизни! Художник не просто изображает явление, он возносится над бытом; создавая образы, исполненные высокой нравственности, он как бы заново открывает наше духовное богатство — вот в чем значение выставки.

— Рассматривая эти иконы сегодня, с особой заинтересованностью размышляем, конечно, о том, в каком соотношении находились византийская и русская культура. О чем все же, по-вашему, следует говорить: о влиянии или взаимодействии? Что будет ближе к истине?

— На острове Кипр мне довелось увидеть собрание византийских икон архиепископа Макариоса. Да, мы традиционно воспринимаем византийское искусство, но различие с русскими иконами разительно. Форма — та же самая, похожи сюжеты — богоматерь, святые, Голгофа, но все — другое!

Лик богоматери у русского художника всегда исполнен нежности, высокой духовности, нравственной чистоты. Все изображения святых, и даже монастырские пейзажи, наполнены совсем другим содержанием. Русский художник считал невозможным изобразить льющуюся кровь, это в определенной степени говорит о высоком гуманизме, который закладывал он в произведение, в то время как в старой западноевропейской живописи запросто показывали казнь, рисовали куски разрубленного тела.

Древнерусский человек очень отличался от нас своим восприятием мирового пространства. Мир для него не раздроблен на отдельные части, а представляет цельную картину. Вот это ощущение мировой души хорошо передано еще автором «Слова о полку Игореве». Слово из космоса, смотрит он на все события, происходящие на родной земле. Даже клейма на иконах художник пишет как цельную картину, а не как эпизоды из жизни святых. Взгляд, охватывающий сразу всю картину мира, — этого, на мой взгляд, в Византии не было.

И еще мне кажется, что древнерусский художник, рисуя икону, непременно вкладывал конкретные образы в традиционные изображения, одухотворял их, приподнимал над землей.

ПРОБУЖДЕНИЕ

ном начале русской культуры. Поэтому иконы расположены не по школам, а тематически. И в этом смысле выставка носит универсальный характер. Не случайно подготовка к ней, работа над памятным знаком Сергию Радонежскому, ряд реставрационных работ совпали. Наконец-то мы вспомнили о великих носителях культуры, благодаря которым так сильна была нравственная основа в жизни народа. Это были очень образованные люди, настоящие духовные пастыри, олицетворявшие для людей честь и совесть своего времени, именно потому церковь имела такое влияние.

— Дмитрий Спиридонович, мы немало размышляем об историческом опыте, все чаще звучало слово «нравственность», и это естественно. Но, пытаясь соотнести это понятие

нравственное чувство не умерло, а кое в ком уснуло. В основе нравственности лежит чувство долга перед обществом. У нас же добрые чувства годами загонялись в угол — в связи с перегибами, сталинскими репрессиями, хрущевской непоследовательностью, брежневским культом. Но в русской интеллигенции в самые страшные времена, пусть подспудно, уверен, жило нравственное чувство, духовная связь времен никогда не прерывалась. Казалось бы, современная жизнь преподносит нам столько свидетельств полного разрыва человеческих связей, исчезновения всех представлений о порядочности, что, окажись среди нас наивный древнерусский человек, он просто ужаснулся бы разорванности мира, в котором мы существуем, и все же я с оптимизмом смотрю в будущее. Можно и нужно бороться

не будет наполнено мыслями, философией. Наверное, и я могу изобразить богоматерь, но толку от этого не будет, если не будет веры. Художники свято верили в то, что изображали, и их творение становилось произведением искусства вне зависимости от своих функций. Так что я не согласен, что икону нельзя вынуть из киота.

Мы знаем, что во всех русских музеях есть разделы иконописи: разве только за достижения пластической культуры так бережно храним работы старых мастеров? Я не хочу сказать, что одним созерцанием шедевров можно возродить утраченную духовность, но, понимаете, уважительное отношение к откровению иконописца для меня знак, подающий надежду. Не будут иконами горшки прикрывать — это уже много.

Вот и эта выставка обогатит любого, кто посмотрит ее. Каким бы человек ни

«НЕТ ЦЕННОСТИ БОЛЬШЕЙ, ЧЕМ СВОБОДА»

Окончание.
Начало см. на стр. 14.

Напротив, у Чехова точки, запятые, многоточия имеют принципиальное значение. Они так же важны, как четко обозначенные паузы в пьесах Беккета. Если не соблюдать их, то будут потеряны и ритм, и драматическое напряжение. В запятой у Чехова заложена информация о взаимоотношениях персонажей и об их эмоциональном состоянии. Знаки препинания позволяют понять то, что не высказано словами.

У каждого из чеховских персонажей течет своя жизнь. Они совер-

шенно не схожи друг с другом. Особенно это относится к «Вишневому саду», в котором представлен миниатюрный отпечаток социальной жизни того времени. Одни его герои верят в социальные преобразования, другие — держатся за уходящее прошлое. Но среди них нет ни одного, кто был бы полностью удовлетворен. Их существование может показаться стороннему наблюдателю пустым и бессмысленным. Но внутри каждого из них полыхают страсти. Среди них нет человека, который расстался бы с иллюзиями. Наоборот, каждый из них стремится к иной жизни, более высокой, как в плане общественном, так и в личном. Драма этих людей заключается в том, что их энергии нет выхода. Важно понять, что пьесы Чехова вовсе не о тех людях, которые забылись в летаргическом сне. Наоборот, эти люди пере-

полнены жизненной силой. Но они вынуждены жить в обществе, погруженном в глубокую летаргию, и в силу этого, повинувшись страстному желанию жить, они вынуждены драматизировать каждое мельчайшее жизненное событие. Это пьеса о тех, кто не сдался.

Мой опыт работы в театре, особенно в последние годы, многое прояснил для меня. Наш Международный центр театральные исследования поставил перед собой задачу объединить актеров, которые являются представителями разных культур и соответственно разных профессиональных школ. На основе этого мы все вместе должны попытаться создать театр, которому есть с чем обраться к людям.

Прежде всего мы обнаружили, что человек находится под сильным воздействием расхожих представлений о той культуре, в которой он вырос. Актер приходил к нам уверенный, что он часть чего-то совершенно особого. И лишь в процессе работы выяснялось, что он принимал за культуру лишь определенного рода манерность. Нечто совсем иное требовалось как для выражения его собственных культурных корней, так и его личности. Чтобы быть честным по отношению к самому себе, актеру приходилось отбрасывать все поверхностное, отказываться от тех самых «культурных особенностей», которые пропагандируются и культивируются всевозможными ансамблями народного танца. Всякий раз мы обнаруживали, что новые истины приоткрываются только когда ломается стереотип.

— Дмитрий Спиридонович, скажите, у древнерусского искусства и ... авангарда существует где-то точка пересечения?..

— Искусство меняется во все времена, как меняется и сам темп жизни. Можем ли мы представить сегодня искусство в той же статике, что и в Древней Руси? Нет. Новые пластические задачи владеют умами, связь искусств — в развитии, а не в прямолинейном заимствовании. «Черный квадрат» Малевича, наверное, можно назвать иконой XX века, а для язычника, вероятно, христианская икона была авангардом. Искусствовед, думаю, найдет какие-то связи между этими двумя направлениями в живописи, но сработает в данном случае формальная логика. Я не пошел бы по этому пути.

В работах современных художников авангарда не вижу новых форм, так, скорее социальная журналистика при помощи линий и красок.

После Репина в русском искусстве, знаем, был мощный рывок в реализм, но рядом прекрасно сосуществовали Малевич, Татлин, представители истинно авангардных течений. И сегодня всех нас спасет только сосуществование, взаимопроникновение, взаимообогащение, как в политике, так и в искусстве. Кто может предсказать, каким будет искусство XXI века? А кто знал тридцать лет назад, что рок-музыка так захлестнет именно нашу страну? При всем доброжелательном отношении к этим переменам на музыкальном небосклоне нас не может не волновать засилье «массовой культуры».

— Как вы думаете, может ли повлиять выставка на творчество современных художников?

— Не так давно довелось прогуляться по Арбату, и я заметил, как много «обнаженки», как говорят наши студенты, появилось у «арбатских» художников. Во все времена изображение обнаженной натуры считалось символом красоты, а на Арбате я не уловил стремления воплотить гармонию, не увидел попытки запечатлеть совершенство форм. Искусства не было — была игра на низменных чувствах человека. Нет, не в традициях настоящего художника кричать о страшном, порочном.

Проведу параллель. Один молодой художник пригласил как-то меня в свою мастерскую, где устроил изостудию для детей. Дал им тему: изобразите доброе и злое животное. На бумаге вскоре появились кабаны, чудовищные монстры, лисички, зайчики. Но, знаете, ни один зверь не был злым!.. Не могут дети нарисовать зло, потому что не знают они, что это такое. Поразительно! Так и высоко нравственное искусство не может пугать зрителей. Выставка подтверждает эту истину.

Беседу вела Нина КАТАЕВА.

Главное направление в нашей работе — попытка отказаться от тех элементов театра, которые во всех странах являлись оковами, удерживающими театр в жестких рамках языка, стиля, общественного класса, театрального здания, определенного типа публики. В основе этой попытки обнаружение тех связей, которые не лежат на поверхности, оказались утраченными. Это связи между человеком и обществом, между разными расами, между микромиром и макромиром, между человеком и миром машин, между видимым и невидимым, между категориями, языками, жанрами.

Что представляют из себя эти связи?

Ответ на этот вопрос можно искать, лишь действуя.

Перевод с английского С. ВОЛЫНЕЦ.

В. ВИТАЛЬЕВ

ПРАХ В ПОЛИЭТИЛЕНЕ

Горестные заметки

Об этом страшно писать. Но не писать об этом еще страшнее...

...Есть две ипостаси, которых не миновать ни одному человеку: рождение и смерть. Два состояния человеческой жизни — исходное и конечное... Радость и горе...

Мы научились измерять экономический потенциал общества. Для этого существуют цифры, проценты, статистические сверки. Но как измерить уровень его нравственного развития?

Мне представляется, что вернейшим критерием для измерения нравственного потенциала того или иного общества может служить отношение к мертвым.

**«В СВЯЗИ С ОТСУТСТВИЕМ УРН
ПРАХ БУДЕТ ВЫДАВАТЬСЯ
В ПОЛИЭТИЛЕНОВЫХ ПАКЕТАХ»**

Что это? Чудовищная шутка? Нет! Такое объявление было вывешено недавно на дверях крематория в одном из украинских городов...

В этом ужасном месте несколько лет назад я прощался с близким, родным человеком. Сквозь черную, свинцовую пелену горя я разглядел юркого молодого человека — сотрудника крематория. Во время церемонии прощания он, запинаясь, стал читать по бумажке (!!!) дежурные слова, то и дело сверяясь с другой бумажкой, на которой фигурировали «данные» очередного «клиента».

«Что делает здесь этот чужой, не симпатичный человек? — думал я. — Что он говорит? И зачем?»

Правую руку юркого молодого человека украшала красно-черная повязка, на которой был нарисован... огонь. Металлический значок опять-таки с изображением огня красовался у него на груди...

Эта вопиющая пошлость называлась почему-то ритуалом...

Когда через несколько дней мы пришли в крематорий за прахом, с нас бессовестно вымогали деньги и, лишь получив в лапу, нехотя выдали урну (тогда они, как видно, еще имелись в наличии).

Помню контору кладбища, куда я пришел за разрешением захоронить урну. За дверью кабинета с табличкой «Директор» восседала крашеная общепитовская блондинка с многократно окольцованными толстыми пальцами. Прямо над ее креслом был прикреплен алый треугольный вымпел с надписью:

«ПОБЕДИТЕЛЮ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ СОРЕВНОВАНИИ».

Можно ли вообразить большую степень обюрочивания духа?

...Недавно в другом южном городе хоронили хорошего человека — ветерана труда, инвалида войны. Он умер в праздник — смерть не признает красных чисел. Это было ужасно. И не только потому, что горе обрушилось на его домочадцев в дни всеобщего веселья. Ужас ситуации заключался еще и в том, что в эти праздничные дни во всем Донецке невозможно было достать... гроб. Пришлось сыновьям покойного в по-

исках гроба исколесить всю область. Гроб нашли, но на этом мытарства не кончились. Когда процессия прибыла на кладбище, выяснилось, что могильная яма завалена огромным камнем, которого еще вчера не было и в помине. За то, чтобы убрать этот камень, который явно не упал с неба, землекопы запросили сто рублей. На кладбище не принято торговаться. На то и рассчитывали... Уверен, что в тот же день «переходящий» камень благополучно перекочевал в другую могильную яму. Грязный, примитивный шантаж!.. И некому убрать камень, тяжело придавивший сердца, души, совесть...

Мой друг хоронил отца — известного киноактера. Душным июльским днем пришли мы в патологоанатомическое отделение (а попросту морг) первой Градской больницы города Москвы. В вестибюле этого печального учреждения висела выполненная позолоченными буквами табличка:

**«ВЫДАЧА УМЕРШИХ
ПРОИЗВОДИТСЯ ПРИ НАЛИЧИИ
СВИДЕТЕЛЬСТВА О СМЕРТИ
И ПАСПОРТА С ОТМЕТКОЙ
О ПРОПИСКЕ»**

Мне почему-то вспомнилась табличка, висевшая некогда в здании оргкомитета Московской Олимпиады:

**«ВЫДАЧА «ФАНТЫ»
ПРОИЗВОДИТСЯ
с 14.00 до 16.00».**

Что происходит? Или забыли о том, что в морг приходят ЖИВЫЕ люди? Неужто никто не замечает дикой бестактности этой таблички, составить и вывесить которую мог только ПОКОЙНИК ДУХА?

...Из морга автобус, выкрашенный веселой желтенькой краской (как, впрочем, и все катафалки Москвы), со строгой табличкой «НЕ КУРИТЬ» в салоне, отвез нас в крематорий Николо-Архангельского кладбища, что в окрестностях подмосковного города Реутова.

Очередь из автобусов-катафалков. И черный дым, непрерывно валяющийся из высокой, отовсюду заметной трубы. При виде этого дыма некоторые женщины из числа ожидающих «своей» очереди падали в обморок...

Когда подошел черед, нас провели в зал.

«Ровно десять минут для прощания», — строго предупредила женщина-распорядитель в платье серого, мышиного цвета.

Желающих выступить на траурном митинге было много: ученики покойного, коллеги, поклонники его таланта... Неожиданно под сводами зала зазвучал орган. Под потолком, «на хорах», сидел мрачный человек. Не глядя вниз, он нажимал на клавиши...

Когда музыка стихла, половина времени, отпущенного распорядительницей, истекла.

Ровно через пять минут она, неведь откуда вынырнув перед гробом, потребовала закончить прощание. От профессионального кукольно-скорбного выражения на ее лице не осталось и следа. На нем теперь читалось лишь одно чувство — нена-

висть: «Заканчивайте! Ишь, разболтались...»

Мы вышли из крематория, уступив место другой скорбной процессии. Вокруг под палящим июльским солнцем дожидались «своей» очереди десятки и сотни безутешных ЖИВЫХ людей. Им негде было укрыться от солнца, некуда было даже присесть. Попить они могли лишь из змеившегося по земле шланга. Вода из него шла теплая, сладковато-ржавая... Где-то поблизости играли похоронный марш. В ворота въезжали все новые и новые автобусы. Внезапно в застывшем от жары воздухе оглушительно захлопали выстрелы. В одном из залов крематория прощались с каким-то высокопоставленным военным. Почетный караул производил салют снаружи. Заслышав выстрелы, одуревшие от зноя люди конвульсивно вздрагивали.

Что и говорить, элементарные удобства для ЖИВЫХ были здесь явно не предусмотрены. Зато на заборе — надо всем этим средоточием человеческого горя — висел плакат, рекламирующий УДОБСТВА (именно это слово фигурировало на нем!) захоронения урны в закрытом колумбарии.

И черный дым, уходящий в небо...

Я не стану призывать кару на головы нерадивых кладбищенских работников — этих призывов и до меня было вдоволь.

Не последует и предложений по реорганизации «ритуальной службы» (у нас почему-то упорно стыдятся назвать эту службу своим именем — «похоронная») — такие предложения тоже не в новинку: хозрасчет, кооперативы и т. д.

Я даже не намерен гневно клеймить мерзавцев, делающих бизнес на горе ближнего, — тех, кто спекулирует на смерти, все равно ничем не прошибешь...

Я просто прошу слова. Нет, не слова, а крика:

«РАВНОДУШИЕ К МЕРТВЫМ — СТРАШНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ БОЛЕЗНЬ. НЕ ВЫЛЕЧИВ ЕЕ, НЕ ИСКОРЕНИВ БЕЗЖАЛОСТНО, НАМ НИКОГДА НЕ ПОСТРОИТЬ ИСТИННО ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА. ВЕДЬ ДЕМОКРАТИЯ — ЭТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО ГУМАННОСТЬ. А ГУМАННОСТЬ — ЭТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО УВАЖЕНИЕ К УМЕРШИМ».

ДОЛОЙ ПОЛИЭТИЛЕНА НАПЛЕВАТЕЛЬСТВА С ПРАХА НАШИХ СОГРАЖДАН! СНИМИТЕ ИДИОТСКИЕ, КОЩУНСТВЕННЫЕ ТАБЛИЧКИ! УБЕРИТЕ КАМНИ ИЗ МОГИЛЬНЫХ ЯМ! СПРЯЧЬТЕ ПОДАЛЬШЕ ОТ ГЛАЗ ДЫМЯЩИЕСЯ ТРУБЫ КРЕМАТОРИЕВ! БУДЬТЕ ЛЮДЬМИ, ЛЮДИ! ЕСТЬ КТО ЖИВОЙ?

ИЛИ ВСЕ МЫ ДАВНО УМЕРЛИ?..»

Когда этот материал уже был готов к печати, в редакцию прислали выписку из преискуранта, вывешенного в московском крематории. Вот она: «...сжигание детских трупов — 1 штука — 0.67 коп. ...»

Духовное кощунство продолжается:

ХУДОЖНИК И ЕГО ПРОСТРАНСТВО

Ленинградский художник Вадим Рохлин при жизни был известен лишь узкому кругу друзей и почитателей. Полное равнодушие к популярности и признанию отнюдь не способствовало знакомству с ним широкой публики и своевременной оценке его выдающегося таланта. К художнику не раз обращались частные коллекционеры и музеи, хотевшие приобрести его картины и рисунки. Но он отвергал их предложения. Архитектор по образованию, он долго работал в градостроительной мастерской и занимался живописью только в свободное время. Лишь несколько последних лет он целиком посвятил делу, для которого был создан. При жизни В. Рохлин участвовал лишь в двух выставках молодых художников Ленинграда, официальная оценка которых была резко отрицательной. Посмертно — тоже в двух выставках, тоже в Ленинграде. Одна из них персональная, но там были только рисунки. Его архитектурная графика хранится в Государственном музее истории Ленинграда. В 1989 году планируется персональная выставка В. Рохлина в Москве.

Григорий КАГАНОВ

Попадая в комнату, которая служит художнику и жильем, и мастерской, всегда чувствуешь себя как-то странно. Видишь не только то, что и как делает художник, но и то, как он живет среди своих персонажей. Они на правах домашних животных участвуют в его житье-бытье. Говорить это о работах Вадима Рохлина есть тем больше оснований, что многие его персонажи ведут себя по отношению к зрителю необыкновенно активно. Они тянутся к нему руками, что-то кричат, бормочут, на что-то показывают. Они не просто живут в своем пространстве своей жизнью, на которую мы можем взглянуть со стороны, нет, они требуют нашего участия в их жизни и сами готовы вмешаться в нашу. В первую очередь это относится к многофигурным композициям, большая часть которых осталась в эскизах (рано умерший художник успел полностью закончить лишь одну из них). И сами композиции, скажем, «Срывание одежд», «Бичевание в Претории», «Несение креста», и этюды фигур к ним наполняют небольшую мастерскую таким количеством рук, ног, туловищ, налетающих на зрителя и отлетающих от него, что иногда начинает казаться, будто само пространство комнаты сотрясается и пульсирует от их яростных рывков. Особую роль здесь играют руки. До отказа растопыренные пальцы, вытянутые прямо на зрителя, это выкрик, обращенный к нему и требующий его вмешательства

в то, что там, на картине, происходит. Хочу заметить, что изобразить руку в таком ракурсе — труднейшая для рисования задача, и художники берутся за нее очень редко. У Рохлина она всегда разрешена блестяще.

Резкие провалы изобразительного пространства в глубину переживаются как своего рода компенсация буквальной нехватки места в тесной мастерской. Сильнее всего это чувствуется в «Срывании одежд» и эскизах к нему. Сквозные перспективы арок и дворов по краям картины, в которых легко узнаются старые ленинградские кварталы, позволяют взгляду уйти далеко в глубь окружающего пространства, отвлекшись от плотного клубка громил, раздирающих одежду поваленного навзничь человека. Ничего удивительного, что здесь, на периферии картины, попадают к сам художник, то кто-то из его семьи, из глубины разглядывающие все, что творится в центре композиции. Но так обстоит дело не только в крупных работах с множеством фигур. В небольшом «Натюрморте с геранью» кусочек бесконечно далекого безмятежного пейзажа, открывающегося сбоку в окне, тоже отрешает зрителя от центральных событий первого плана картины. И тоже вдали встречаешь девочку, Сонечку, покойную дочь покойного художника.

Хочу заметить, что появление окружающего мира лишь на узкой периферии холстов вполне соответствует жизненной позиции самого художника. Работавший с необыкновенным упорством и прямо-таки разрушительной самоотдачей, вкладывавший неимоверный труд в каждый квадратный сантиметр изобразительной поверхности, он почему-то не любил выставляться, не очень-то охотно принимал у себя любопытствующих (а их становилось все больше) и так же терпеливо сопротивлялся своей известности, как терпеливо обрабатывал свои полотна и ватманы. Он одинаково иронически мог отнестись и к визиту нашего или иностранного почитателя, приходившего иногда прямо в восторг и просившего хоть что-нибудь продать (на это художник отвечал неизменным отказом), и к погромной статье в «Ленинградской правде», где ему доставалось после одной из двух выставок, в которых он согласился участвовать.

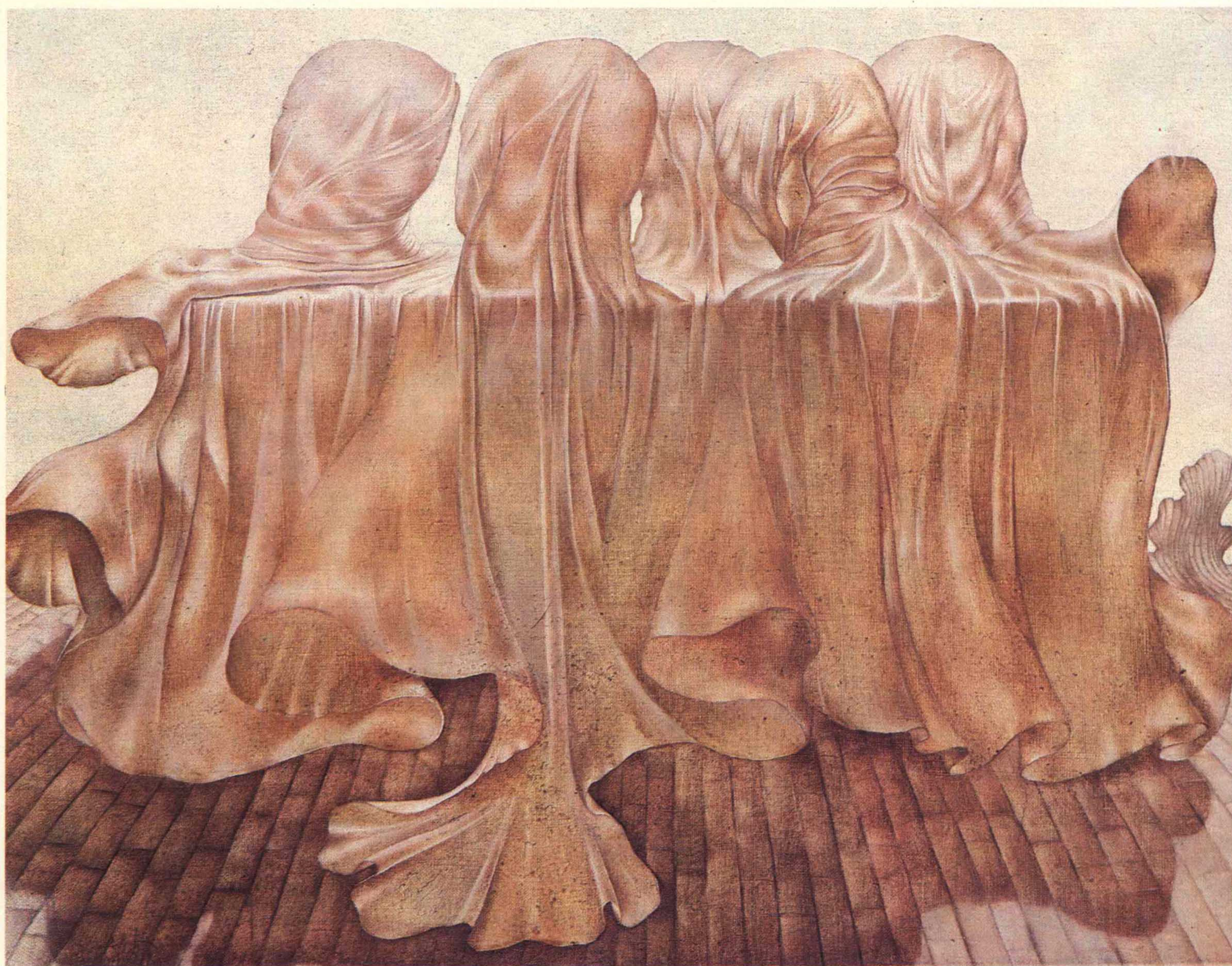
Городская теснота, в которой рос, жил и работал Вадим Рохлин, теснота не только комнат, но и традиционных ленинградских дворов, вообще всяческая стесненность как обычное состояние жизненной среды, по-моему, определила очень многое в его художественном воображении. Создается впечатление, что действительность, которую он воображал, с таким трудом втискивалась в житейские и даже чисто пространственные рамки «сега» мира с его повседневным существованием, что сам собою возникал образ сдавленности, скомканности, даже исковерканности. Наверное, отсюда излюбленная компоновка «враспор», когда колени, спины, головы персонажей упираются в самые края формата. Поэтому в превосходно написанном фронтальном «Портрете жены»

она головой как бы выдавливает наружу верхний обрез картины, отчего он принимает вид арки. В этом отношении очень характерен «Левий Матфей». Лишь до отказа скорчившись, свернувшись в комок, он может втиснуться в пространство листа. Взгляд художника, уловившего «смятость» пространства, видит предметы как бы сквозь неровное стекло, все словно пульсирует, что-то выглядит неестественно растянутым, что-то сжатым, а движения кажутся судорожными и направленными непонятно куда. В некоторых работах Рохлина происходят не просто провалы, но и полные разрывы картинного пространства. Например, в «Двери», когда картина физически представляет собою не единую плоскость, а несколько последовательно уменьшающихся плоскостей, ступеньками выдвинутых на зрителя. Или тогда, когда в живописную поверхность вмонтируется настоящее зеркало...

...Откуда в картине идет свет? Вопрос как будто нехитрый, но ответ на него не так прост. Если предметы освещены с одной стороны, а тени падают в другую, то можно представить себе источник света где-то за пределами картины. Но когда предметы освещаются не с одной стороны, а сразу отовсюду, как в большинстве работ Рохлина, где тогда источник света? И куда будут падать тени? Тут уж ничего не приходится искать за пределами картины. Свет не приходит извне, а появляется и исчезает здесь, внутри изображенного пространства, которое самое источает свет, самое и поглощает. Светоносность является его свойством. Но свет не стоит в нем ровно, он не налит туда, как вода в аквариум. Он пульсирует, сгущается и разрежается примерно так же, как пульсирует само пространство. Но пронизывает все, что здесь есть, и конденсируется на поверхностях, как атмосферное электричество. Он пробегает по всем изгибам и накапливается в складках. Сколько его в темной тафте платья на «Портрете жены»! По зеленоватой ауре, окружающей фигуру, видно, как заряжены светом эти на первый взгляд темные поверхности. Еще сильнее заряжены им таинственные потемки «Деревенского двора» — вот поразительный образ тьмы, исполненной света.

То же самое можно сказать о фонах, которые кажутся черными. Они не черные. В них как бы до предела сгущены все цвета, но никогда не бывает глухой черноты. Чтобы добиться такого впечатления, художник применял старинную, чрезвычайно трудоемкую лессировочную технику: краска наносилась тонкими, почти прозрачными слоями много-много раз (после каждого раза работа просушивалась) до тех пор, пока не получался тон нужной интенсивности. Работа двигалась очень медленно, но зато каждый, даже самый темный цвет получал необыкновенную глубину и ту скрытую насыщенность светом, которая есть у старых мастеров и которая сразу отличает темные фоны Рохлина от холста, просто покрытого черной краской.

В «Натюрморте с геранью» свет отчетливо падает извне. Но все так переполнено им, что нет ни одного темного места, ни одной густой тени. Листья, лепестки, помидоры, вишни налиты светом, как соком. На столе свет замер тканым узором скатерти. Но где свет буквально материализовался, так это в картине

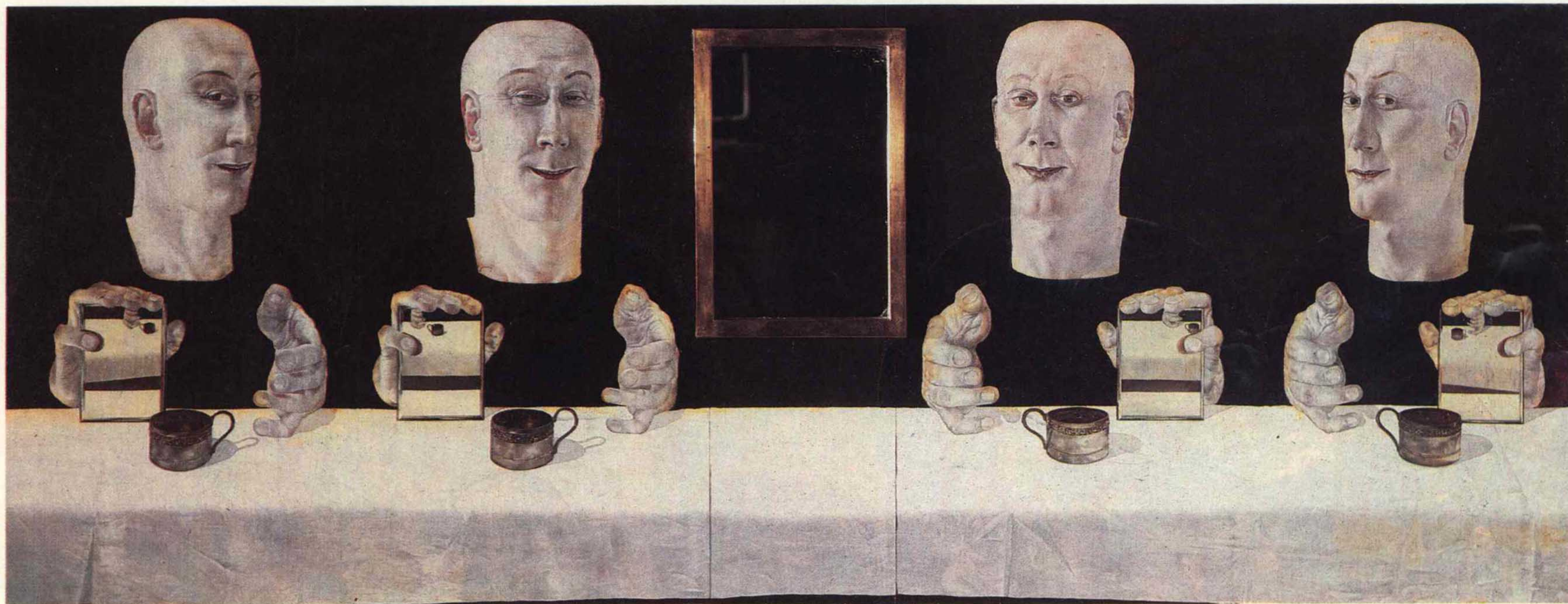

«Скатерть». Густой и золотой, как мед, он обтекает чьи-то головы, свивается вокруг них, массой струй ниспадает со стола и мягко разлетается в пространстве, приняв вид краев фантастической ткани.

Самое полное выражение всепроникающего света — это белизна бумаги. Все рисунки Рохлаина насквозь светятся ею. Хотя они выполнены карандашом, нет никаких штрихов или других следов самой работы рисующей руки. Есть просто сгущения и разрежения красивого серебристо-серого тона, скорее живопись карандашом, чем рисование в привычном смысле слова. В «Портрете жены», настоящем графическом шедевре по мастерству исполнения и изысканности композиции, тихое свечение просторного белого фона пронизывает всю ткань нежного рисунка. В нем, в этом свечении ощутимы невозмутимый

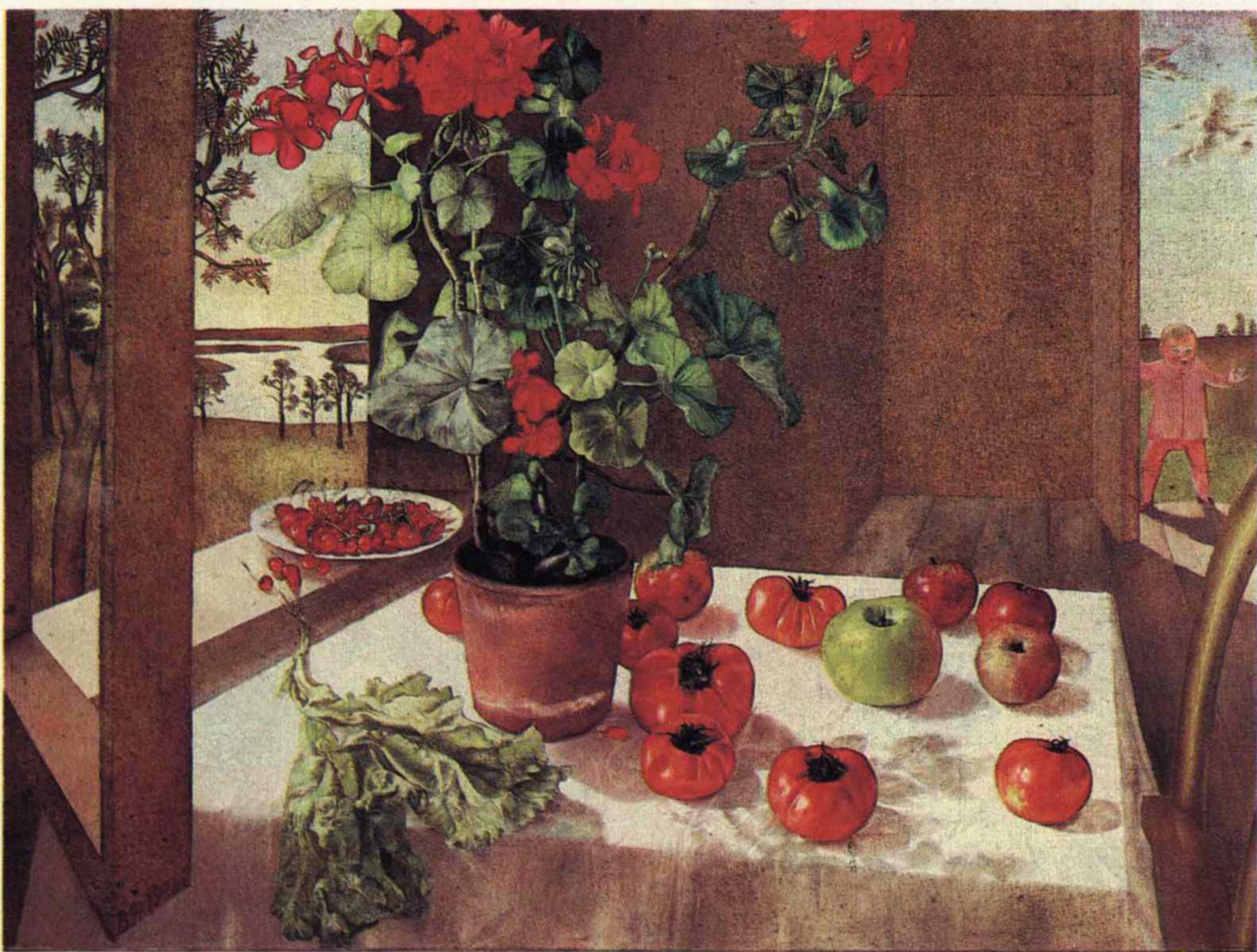
покой и умиротворение, которые для художника всегда были связаны с образом жены. Лучшим тому свидетельством остается их парный портрет — по технике живопись, а по строю рисунок: в светящейся пустоте белого фона взвешены лица и руки, Его и Ее, и больше ничего нет. Он, весь крайнее напряжение какого-то внутреннего порыва, в упор, с мучительной пристальностью вглядывается в нас, одна его рука хочет нас коснуться, пока другая целится карандашом. Напротив, она — воплощенный покой, совершенное равновесие, ее руки невозмутимы. Она вся сконцентрирована в себе. Конечно, в душе художника жили оба эти начала. И только оба они вместе могут объяснить нам захватывающую и далеко еще не понятую драму его творчества, прервавшуюся так внезапно.

ЗЕРКАЛА. 1968.

СРЫВАНИЕ ОДЕЖД. 1981.

НАТЮРМОРТ С ГЕРАНЬЮ. 1973.

АВЕРД 123 356789 10123456789 20123456789 20

1-800-000-0000

25

ВЕЧНОСТИ

(Случай
Мандельштама)

отсутствие мастерства: «Вот Асеев — мастер. Он бы не задумался и сразу написал!..»

В результате явилась на свет долгожданная «Ода», завершающаяся такой торжественной концовкой:

*И шестикратно я в сознании берегу
Свидетель медленного труда, борьбы и жатвы,
Его огромный путь — через тайгу
И ленинский Октябрь — до выполненной клятвы.*

*Правдивей правды нет, чем искренность бойца:
Для чести и любви, для доблести и стали.
Есть имя славное для сильных губ чтеца —
Его мы слышали и мы его застали.*

Казалось бы, расчет Сталина полностью оправдался. Стихи были написаны. Теперь Мандельштама можно было убить. (Что и было сделано.)

Но Сталин ошибся.

Мандельштам написал стихи, возвеличивающие Сталина. И тем не менее план Сталина потерпел полный крах. Чтобы написать такие стихи, не надо было быть Мандельштамом. Чтобы получить такие стихи, не стоило вести всю эту сложную игру.

«НО ВЕДЬ ОН ЖЕ МАСТЕР?..»

Мандельштам не был мастером. Он был поэтом. Он ткал свою поэтическую ткань не из слов. Этого он не умел. Его стихи были сотканы из другого материала.

Невольная свидетельница рождения едва ли не всех его стихов (невольная, потому что у Мандельштама никогда не было не то что «кабинета», но даже кухоньки, каморки, где он мог бы уединиться), Надежда Яковлевна свидетельствует:

«Стихи начинаются так: в ушах звучит назойливая, сначала неоформленная, а потом точная, но еще бессловесная музыкальная фраза. Мне не раз приходилось видеть, как О. М. пытается избавиться от погудки, стряхнуть ее, уйти. Он мотал головой, словно ее можно выплеснуть, как каплю воды, попавшую в ухо во время купания. Но ничто не заглушало ее — ни шум, ни радио, ни разговоры в той же комнате...»

У меня создалось ощущение, что стихи существуют до того, как они сочинены. (О. М. никогда не говорил, что стихи «написаны». Он сначала «сочинял», потом записывал.) Весь процесс сочинения состоит в напряженном улавливании и проявлении уже существующего и неизвестно откуда транслирующегося гармонического и смыслового единства, постепенно воплощающегося в слова.

Пастернак, которому все это было знакомо с младенчества («Так начинают. Года в два от мамки рвутся в тьму мелодий, щебечут, свищут, — а слова являются о третьем годе»), потому-то и поморщился досадливо на вопрос Сталина («Но ведь он же мастер?»), что вопрос этот предполагал принципиально иное представление о существе дела. Представление это, резонно казавшееся Пастернаку чудовищной чушью, так как оно находилось в вопиющем противоречии со всем его опытом, предполагает, что единый и нераздельный процесс отчетливо делится на «содержание» и «форму», причем собственно писание стихов состоит как раз в том, что для «содержания» подбирается соответствующая «форма».

Идущих этим путем Мандельштам в «Разговоре о Данте» называл «переводчиками готового смысла». Тут слово «мастер» было бы вполне уместно. Но оно имело бы смысл скорее уничижительный, нежели комплиментарный.

Попытаться написать стихи, прославляющие Сталина, — это значило для Мандельштама прежде всего найти где-то на самом дне своей души хоть какую-то точку опоры для этого чувства.

В «Оде» не сплошь мертвые, безликие строки.

Попадают и такие, где попытка прославления как будто бы даже удалась:

*Он свесился с трибуны как с горы
В бугры голов. Должник сильнее иска.
Могучие глаза решительно добры,
Густая бровь кому-то светит близко...*

Строки эти кажутся живыми, потому что к их мертвому остоу сделана искусственная прививка живой плоти. Этот крошечный кусочек живой ткани — словосочетание «бугры голов».

Надежда Яковлевна вспоминает, что, мучительно пытаясь сочинить «Оду», Мандельштам повторял: — Почему, когда я думаю о нем, передо мной все головы, бугры голов? Что он делает с этими головами?

Разумеется, Мандельштам не мог не знать, «что он делает с этими головами». Но этому знанию в «Оде» не было места.

Изо всех сил стараясь убедить себя в том, что «Он» делает «с ними» не то, что ему мерещилось, а нечто противоположное, то есть доброе, Мандельштам невольно срывается на крик:

Могучие глаза решительно добры...

Не просто глаза, но — могучие! Не просто добры, но — решительно добры!

Еще Гоголь пронзительно заметил, что в лирической поэзии ложь всегда обнаружит себя надутостью.

«Ода» была не единственной попыткой вымученного, искусственного прославления «отца народов».

В 1937 году там же, в Воронеже, Мандельштам написал стихотворение «Если б меня наши враги взяли...», завершающееся такой патетической концовкой:

*И промелькнет пламенных лет стая,
Прошелестит спелой грозой — Ленин,
Но на земле, что избежит тленья,
Будет будить разум и жизнь — Сталин.*

Существует версия, согласно которой у Мандельштама был другой, противоположный по смыслу вариант последней, концевочной строки:

Будет губить разум и жизнь — Сталин.

Можно не сомневаться, что именно этот вариант отражал истинное представление поэта о том, какую роль в жизни его родины играл тот, кого он уже однажды назвал «душегубцем». (В стихотворении, послужившем причиной ареста Мандельштама, был такой вариант строки о «кремлевском горце»: «Душегубца и мужикоборца».)

Но это дела не меняет. Стихи от такой замены лучше не становятся.

Даже наоборот. Легкость, с какой одна строка заменяется другой, прямо противоположной по смыслу, лишь ярче оттеняет искусственность, неподлинность, мертворожденность стихотворения.

Все-таки Сталин зря отказался встретиться с Пастернаком и поговорить с ним «о жизни и смерти». Хотя он бы все равно ничего не понял. Не мог он

понять, что означает досадливая фраза Пастернака — «Да дело не в этом!», сказанная в ответ на простой и ясный вопрос: «Но ведь он же мастер? Мастер?»

Конечно, Сталин не без основания считал себя крупнейшим специалистом по вопросам «жизни и смерти». Он знал, что сломать можно любого человека, даже самого сильного. А Мандельштам вовсе не принадлежал к числу самых сильных.

Но Сталин не знал, что сломать человека — это еще не значит сломать поэта.

Он не знал, что поэта легче убить, чем заставить его воспеть то, что ему враждебно.

«СКОЛЬКО ВЕСИТ НАША СТРАНА?»

После неудавшейся попытки Мандельштама сочинить оду Сталину прошел месяц. И тут произошло нечто поразительное.

Итак, перед нами стихотворение Мандельштама, явившееся на свет всего лишь месяц спустя после «Оды»:

*Средь народного шума и сбега
На вокзалах и площадях
Смотрит века могучая вежа,
И бровей начинается взмах.*

*Я узнал, он узнал, ты узнала —
А теперь куда хочешь влеки:
В говорливые дебри вокзала,
В ожиданье у мощной реки.*

*Далеко теперь та стоянка,
Тот с водой кипяченой бак —
На цепочке кружка-жестянка
И глаза застилавший мрак.*

*Шла пермязского говора сила,
Пассажирская шла борьба,
И ласкала меня и сверлила
От стены этих глаз журьба.*

*Не припомнить того, что было —
Губы жарки, слова черствы —
Занавеску белую било,
Несся шум железной листвы.*

*И к нему — в его сердцевину —
Я без пропуска в Кремль вошел,
Разорвав расстойный холстину,
Головою повинной тяжел.*

Как ни относиться к этим стихам, как ни воспринимать их, одно несомненно. Как небо от земли отличаются они от тех, казенно-прославляющих рифмованных строк, которые Мандельштам так трудно выдавливал из себя, завидуя Асееву, который в отличие от него был «мастер».

На этот раз стихи вышли совсем другие: обжигающие искренностью, несомненностью выраженного в них чувства.

Так что же? Неужели Сталин в своих предположениях все-таки был прав? Неужели он лучше, чем кто другой, знал меру прочности человеческой души и имел все основания не сомневаться в результатах своего эксперимента?

Может быть, он был не только непревзойденным специалистом по вопросам жизни и смерти, но и тончайшим психологом, проникшим в самые тайные глубины художественного сознания?

13 февраля 1921 года на торжественном заседании, посвященном 84-й годовщине смерти Пушкина, Блок произнес свою пророческую речь «О назначении поэта». По мысли Блока, служение поэта можно разделить на три стадии, три этапа, три дела.

«Первое дело, которого требует от поэта его служение, — бросить «заботы суетного света» для того, чтобы... открыть глубину».

Второе дело поэта, — говорит далее Блок, — «заключается в том, чтобы поднятый из глубины и чужеродный внешнему миру звук был заключен в проч-

ную и осязательную форму слова... Это — область мастерства».

Оговорив, что мастерство тоже требует вдохновения и что поэтому никаких точных границ между первым и вторым делом поэта провести нельзя, Блок переходит к последнему, третьему этапу:

«Наступает очередь для третьего дела поэта: принятие в душу и приведенные в гармонию звуки надлежит внести в мир. Здесь происходит знаменитое столкновение поэта с чернью».

Чернь — это категория людей, исконно враждебных поэту и его назначению в мире. По самой сути своей эти люди призваны ему мешать. Но на протяжении всей истории человечества они научились мешать поэту лишь в самом последнем его, третьем деле.

«...Люди догадались выделить из государства один только орган — цензуру, для охраны порядка своего мира, выражающегося в государственных формах. Этим способом они поставили преграду лишь на третьем пути поэта: на пути внесения гармонии в мир; казалось бы, они могли догадаться поставить преграды и на первом и на втором пути: они могли бы изыскать средства для замутнения самых источников гармонии; что их удерживает — недогадливость, робость или совесть, — неизвестно».

Так говорил Блок. И то ли из суеверия, то ли побуждаемый каким-то смутным предчувствием, он добавил:

«А может быть, такие средства уже изыскиваются?»

И он был прав.

Решив до поры до времени не расстреливать Мандельштама, приказав его «изолировать, но сохранить», Сталин, конечно, знать не знал и думать не думал ни о каком искусственном замутнении каких-то неведомых ему источников гармонии.

Не следует, однако, думать, что Сталин так-таки уж совсем ничегошеньки не понимал в психологии. Да, он не гнушался и тех старых, испытанных средств воздействия, к которым прибегали палачи всех времен и народов. Попытки, побои, самые гнусные и жестокие издевательства — все эти так называемые недозволенные методы ведения следствия, как известно, широко использовались следователями НКВД. И все это делалось по прямому указанию Сталина. Но при этом Сталин великолепно понимал, что в некоторых случаях даже эти «сильнодействующие средства» могут не сработать. Он знал, что есть нечто более страшное для психологии подсудимого, чем самая изощренная пытка.

Допросы Каменева вел следователь Миронов. Каменев не сдавался. Миронов доложил Сталину, что Каменев отказывается давать показания.

— А вы знаете, сколько весит наше государство, со всеми его заводами, машинами, армией, со всем вооружением и флотом? — спросил Сталин.

Миронов и все, кто присутствовал при этом разговоре, удивленно глядели на него, не понимая, куда он клонит.

— Подумайте и ответьте мне, — требовал Сталин.

Миронов улыбнулся, решив, что Сталин шутит. Но Сталин шутить не собирался. Он смотрел на Миронова вполне серьезно.

— Я вас спрашиваю, сколько все это весит? — настаивал он.

Миронов пожал плечами и неуверенно сказал:

— Никто не может этого знать, Иосиф Виссарионович. Это уже астрономические цифры.

— Хорошо, — кивнул Сталин. — А теперь скажите, как вы думаете: может один человек противостоять давлению такого астрономического веса?

— Нет, — ответил Миронов.

— Ну так вот, — заключил Сталин. — Никогда не говорите мне больше, что Каменев или другой заключенный способен выдержать такое давление.

В НАДЕЖДЕ СЛАВЫ И ДОБРА

Для того чтобы попытка прославления Сталина ему удалась, у такого поэта, как Мандельштам, мог быть только один путь: эта попытка должна была быть искренней.

Точкой опоры для мало-мальски искренней попытки примирения с реальностью сталинского режима для Мандельштама могло быть одно только чувство: надежда. Прежде всего надежда на перемены.

Если бы это была только надежда на перемены в его личной судьбе, тут еще не было бы самообмана. Но, по самой природе своей души озабоченный не только личной своей судьбой, поэт пытается выразить некие общественные надежды. И тут-то и начинается самообман, самоуготоваривание.

*В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.*

Так уговаривал себя Пушкин.

Спустя более чем столетие после своего появления на свет, пушкинские «Стансы» вдруг вновь обрели неожиданную актуальность.

В 1931 году Б. Пастернак, отнюдь не побуждаемый никакими внешними силами, написал стихи, представляющие прямой перифраз знаменитых пушкинских:

*Столетье с лишним — не вчера,
А сила прежняя в соблазне
В надежде славы и добра
Глядеть на вещи без боязни.*

Пушкин прямо говорит, что в надежде славы и добра он глядит в будущее без страха.

Пастернак говорит совсем о другом. О том, что есть огромная сила в соблазне смотреть на вещи так, как смотрел Пушкин.

Собственно говоря, стихи Пастернака — это плач о невозможности для него такого взгляда.

Пастернак мучительно переживал свою несхожесть «со всеми», ощущал ее как некую недостаточность, как непоправимое, причиняющее страдание уродство. Сознывая невозможность стать таким, «как все», даже пытаясь утвердить свое право на это, он еще не смел ощущать свою непохожесть на всех как некую избранность. Сознание своего избранничества появилось у него гораздо позже, во времена, когда писался «Доктор Живаго». А тогда, в 1931 году, Пастернак не столько даже утверждал свою правоту, сколько оправдывался:

*И разве я не мерюся пятилеткой,
Не падаю, не подымаюсь с ней?
Но как мне быть с моей грудною клеткой
И с тем, что всякой косности косней?*

Когда-то давным-давно (в статье 1913 года) Мандельштам написал, что поэт ни при каких обстоятельствах не должен оправдываться. Это, говорил он, «...непростительно! Недопустимо для поэта! Единственное, чего нельзя простить! Ведь поэзия есть сознание своей правоты».

У Мандельштама сознание своей правоты было уверенным, абсолютным, непримиримым.

В тот самый год, когда Пастернак «мерился пятилеткой» и самобичевался, признавая свою интеллигентскую косность, Мандельштам открыто провозглашал готовность принять мученический венец «за гремучую доблесть грядущих веков, за высокое племия людей».

Ощущение своего социального отщепенчества Мандельштам не пугало. Наоборот. Оно давало ему силу, помогало утвердиться в столь необходимом ему сознании своей правоты. Демонстративно, запальчиво славил он все то, чего у него никогда не было, лишь бы утвердить свою непричастность, свою до конца осознанную враждебность веку-волкодаву...

Пастернак жил тоже не на Олимпе. Его тоже преследовал образ «кровавых костей в колесе». Иначе не было бы нужды «утешаться параллелью», вспоминать о начале «славных дней Петра».

Но для Пастернака петровская дыба, призрак которой нежданно воскрес в XX веке, была всего лишь нравственной преградой на пути его духовного развития. Вопрос стоял так: имеет ли он моральное право через эту преграду переступить? Ведь и кровь, и грязь — все это окупится немислимимым будущим братством, «счастьем сотен тысяч»!

Душе Мандельштама плохо давались эти резоны, потому что в качестве объекта пыток и казней он неизменно пророчески видел себя.

*Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок,*

*И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.*

Декабрь 1930 г.

Еще страшнее было то, что несло гибель его душе, делу его жизни, поэзии:

*Пайковые книги читаю,
Пеньковые речи ловлю,
И грозное баюшки-баю
Кулацкому паю пою.*

*Какой-нибудь изобразитель,
Чесатель колхозного льна,
Чернила и крови смеситель
Достоин такого рожна...*

Может ли найтись для поэта перспектива более жуткая, чем

*Присевших на школьной скамейке
Учить щебетать палачей.*

Мандельштам не хотел быть «как все».

Особенности своей духовной конституции, которые Пастернак, оправдываясь, называл «тем, что всякой косности косней», искренно полагая, что они затрудняют его путь к тем, кто прав, — именно эти особенности Мандельштам рассматривал как своеобразную гарантию непреложности и неколебимости своей правоты.

И тем не менее, как это ни парадоксально, в какой-то момент Мандельштам тоже захотел «труда со всеми сообща». Вопреки всегдашней своей трезвости и безыллюзорности он даже еще острее, чем Пастер-

нак, готов был ощутить в своем сердце любовь и нежность к жизни, прежде ему чужой. Потому что из этой жизни его насильственно выкинули.

БУТЫЛКА, БРОШЕННАЯ В ОКЕАН

Осознав, что его лишили права чувствовать себя «советским человеком», Мандельштам вдруг с ужасом ощутил это как потерю:

*Упиралась вода в сто четыре весла,
Вверх и вниз на Казань и на Чердынь несла.*

*Там я плыл по реке с занавеской в окне,
С занавеской в окне, с головою в огне.*

*И со мною жена — пять ночей не спала,
Пять ночей не спала — трех конвойных везла.*

*Я смотрел, отдаваясь на хвойный восток —
Полноводная Кама неслась на буюк.*

*И хотелось бы тут же вселиться, — пойми, —
В долговечный Урал, населенный людьми,*

*И хотелось бы эту безумную гладь
В долгополой шинели — беречь, охранять.*

Май 1935 г.

Чувство это было подлинное, невыдуманное, реальное. И Мандельштам ухватился за него, как утопающий за соломинку, стал судорожно раздувать эту крохотную искорку, чтобы она, не дай бог, не угасла, стал беречь и лелеять ее как единственную возможность выжить:

*Люблю шинель красноармейской складки,
Длину до пят, рукав простой и гладкий,
И волжской туче родственный покров,
Чтоб, на спине и на груди лопатясь,
Она лежала, на запас не трясаясь,
И скатывалась летнею порой.*

*Проклятый шов, нелепая затея
Нас разлучили. А теперь пойми —
Я должен жить, дыша и большевая,
И перед смертью хорошея,
Еще побыть и поиграть с людьми.*

Май — июнь 1935 г.

Он сам еще не понимал, что с ним произошло. Он думал, что он — все тот же, прежний, несломленный, одержимый неистребимым сознанием своей правоты:

*Лишив меня морей, разбега и разлета
И дав стопе упор насильственной земли,
Чего добились вы? Блестящего расчета:
Губ шевелящихся отнять вы не могли.*

Май 1935 г.

А «блестящий расчет» тем временем уже дал в его душе свои первые всходы. И «шевелиющиеся губы» произвольно лепили уже совсем иные слова:

*Да, я лежу в земле, губами шевеля,
Но то, что я скажу, заучит каждый школьник:*

*На Красной площади всего круглей земля
И скат ее твердеет добровольный...*

Май 1935 г.

Когда-то, в стародавние времена, факт ареста сам по себе еще не делал естественное желание «побыть с людьми» столь трагически неосуществимым. Человек был отторгнут от жизни, но связь его с людьми не прерывалась.

Сталинская тюрьма (или ссылка) представляла в этом смысле совсем особый случай. Здесь сам факт насильственного изъятия из жизни сразу отнимал у заключенного право на сочувствие, хотя бы тайное, тех, кто остался на воле. Отнимал даже право на их жалость.

Мандельштам столкнулся с этим тотчас же после ареста, по дороге в Чердынь.

«...В переполненных вагонах, на шумных вокзалах, — вспоминает Надежда Яковлевна, — на пароходе, словом, всюду никто не обращал внимания на такое экзотическое зрелище, как двое разнополых людей под конвоем трех солдат. Никто даже не обернулся и не посмотрел на нас. Привыкли они, что ли, к таким зрелищам или боялись заразы?... Равнодушные толпы очень огорчало О. М.: «Раньше они милостыню арестантам давали, а теперь даже не поглядят». Он с ужасом говорил, что на глазах такой толпы можно сделать что угодно. — растерзать, убить арестанта... зрители только повернутся спиной...»

Потрясло Мандельштама не просто равнодушие.

С равнодушием и даже с враждебностью толпы арестант мог столкнуться и по дороге в царскую ссылку. Но тут было другое. Это было столкновение с монолитом, официально именуемым «морально-политическим единством советского народа».

Мандельштам с ужасом ощутил, что фактом ареста его обрекли на полное, абсолютное отщепенчество. А жизнь между тем продолжалась. Люди смеялись, плакали, любили. В Москве строили метро.

*Ну, как метро? Молчи, в себе таи,
Не спрашивай, как набухают почки...
А вы, часов кремлевские бои —
Язык пространства, сжатого до точки.*

Апрель 1935 г.

Н. Я. Мандельштам считает эти настроения последствием травматического психоза, который Мандельштам перенес вскоре после ареста. Болезнь была очень тяжелой, с бредом, галлюцинациями, с попыткой самоубийства.

Говоря о том, как быстро Мандельштам сумел преодолеть эту тяжелейшую травму, Надежда Яковлевна замечает:

«Единственное, что мне казалось остатком болезни, это возникавшее у О. М. время от времени желание примириться с действительностью и найти ей оправдание. Это происходило вспышками и сопровождалось нервным состоянием, словно в те минуты он находился под гипнозом. В такие минуты он говорил, что хочет быть со всеми и боится остаться вне революции, пропустить по близорукости то грандиозное, что совершается на наших глазах...»

Можно, конечно, считать это болезнью. Но тогда придется признать, что болезнь эта была чрезвычайно широко распространена.

Очень трудно человеку жить с сознанием, что вся рота шагает не в ногу и один только он, злополучный прапорщик, знает истину. Особенно, если «рота» эта — весь многомиллионный народ.

Очень мучительно ощущать свое социальное одиночество, очень болезненно это чувство отщепенчества, даже если в основе его лежит прозорливость, безусловное знание истины.

Заклеймив каждого арестованного по политическому обвинению именем «врага народа», Сталин вряд ли вдавался в какие-либо психологические тонкости, связанные с особым складом души российского интеллигента.

Но слово было выбрано на редкость удачно.

Если истина вне Христа, то я предпочитаю оставаться не с истиной, а с Христом, — сказано у Достоевского.

Христом русской интеллигенции был народ.

Русский интеллигент всегда предпочитал остаться не с истиной, а с народом. Остаться вне народа всегда было для него страшнее, чем остаться вне истины. Вот почему этот жупел — «враг народа» — действовал на душу русского интеллигента так безошибочно и так страшно.

Хуже всего было то, что и народ поверил в эту формулу, принял ее, привык к ней. Привык, быть может, не слишком даже вникая в смысл понятия. Но принял, пустил в оборот, бессознательно ее узаконил.

К этому можно добавить, что Мандельштамом смелому владело сознание прочной, нерасторжимой, чуть ли не мистической связи поэта, художника с будущим.

«Морепоплаватель, — писал он в одной из самых ранних своих статей о поэзии, — в критическую минуту бросает в воды океана запечатанную бутылку с именем своим и описанием своей судьбы... Письмо, запечатанное в бутылке, адресовано тому, кто найдет ее...»

*...Его найдет далекий мой потомок
В моих стихах; как знать? душа моя
С его душой окажется в сношеньи...*

Читая стихотворение Боратынского, я испытываю то же самое чувство, как если бы в мои руки попала такая бутылка.

Маяковский мог надеяться, что люди будущего простят ему, что он ради них наступал на горло собственной песне.

У Мандельштама не могло быть таких надежд.

Настоящее было фундаментом, на котором воздвигалось прекрасное завтра. Ощутить себя чужим сталинскому настоящему значило вычеркнуть себя не только из жизни, но и из памяти потомства.

Вот почему Мандельштам не выдержал.

Вот почему он стал так судорожно и неумело «перековываться»:

*Изменяй меня, край, перекраивай, —
Чужден жар прикрепленной земли! —
Захлебнулась винтовка Чапаева —
Помоги, развяжи, раздели!*

Из последних сил он пытается убедить себя в том, что прав был тот, «строитель чудотворный», а он, Мандельштам, заблуждался, и чем скорее он откажется от своих заблуждений, тем вернее приблизится к истине:

*И не ограблен я и не надломлен,
Но только что всего переогромен —
Как Слово о полку, струна моя туга,
И в голосе моем после удушья
Звучит земля — последнее оружие —
Сухая влажность черноземных га.*

Ограбленный и надломленный, он пытается уверить себя в обратном: в том, что наконец-то он оправился от тяжелой болезни.

Причина «грехопадения» Мандельштама коренилась отнюдь не в слабости его, не в готовности к компромиссу. Мандельштам не уступил грубой силе, не сдался. С ним случилось нечто худшее.

Он утратил сознание своей правоты.

ТОЧКА ОПОРЫ

На рубеже 20 и 30-х, на этом «великом переломе», Мандельштам смотрел на положение поэта в этой новой исторической ситуации безнадежнее, чем кто бы то ни было из его собратьев по поэтическому цеху:

*А стены проклятые тонки,
И некуда больше бежать —
А я как дурак на гребенке
Обязан кому-то играть...*

Он не занимался самообманом, не пытался убедить себя в том, что гнусная обязанность «играть на гребенке» имеет какое-то, хотя бы косвенное отношение к поэзии. С поэзией было покончено, божественный источник иссяк:

*И вместо ключа Ипокрены
Давнишнего страха струя
Ворвется в халтурные стены
Московского злого жилья.*

Именно страх остаться вне поэзии привел Мандельштама к этому самогипнозу:

*Я не хочу среди юношей тепличных
Разменивать последний грош души,
Но, как в колхоз идет единоличник,
Я в мир вхожу, и люди хороши.*

«Точка опоры» для убеждения себя в собственной благонадежности была найдена.

Вероятно, эти «тепличные юноши» (в другом варианте стихотворения они названы «архивными»), почитающие себя единственными законными наследниками и хранителями культуры и презрительно третьющую новую власть, и раньше раздражали Мандельштама, побуждая его из чувства противоречия искать с этой новой властью черты духовного родства.

В России со времен Петра существовало нечто вроде государственной монополии на духовную жизнь общества. Наполеон это оценил. Он говорил Александру I: «Вы одновременно император и папа. Это очень удобно».

Это и в самом деле было неплохо придумано. Но это не было доведено до конца.

Имелись некоторые неудобства. Кое-какие сферы духа находились в частном владении и, хотя и были подконтрольны цензуре, но все-таки монополизации не подлежали. Во всяком случае, когда веселые создатели Козьмы Пруtkова сочиняли свой знаменитый «Проект: о введении единомыслия в России», они наивно полагали, что это — шутка, гротеск, чудовищная гипербола, фантазмагория. Им и в голову не приходила возможность ситуации, при которой весь народ, все население огромной страны, от академика до дворника, будет постигать «смысл философии всей» по одной и той же великой книге.

Сталин ввел государственную монополию на духовную жизнь каждого члена общества.

По давней традиции, унаследованной от русских императоров, он сам, лично объединил в своем лице светскую и духовную власть. Но он пошел гораздо дальше русских императоров. Он являлся в то же время как бы незримым духовником и цензором каждого мыслящего члена общества.

Каждое свое душевное движение, каждый поступок, каждую тайную мысль поверять мысленным обращением к Сталину (или к его портрету), затаив дыхание гадать, одобрит Сталин или нет, нахмурится или улыбнется, поощрит или упрекнет — все это стало нормой мироощущения советского человека:

*Усов нависнувшего тенью
Лицо внизи притемнено.
Какое слово на мгновенье
Под ней от нас утаено?*

*Совет? Наказ? Упрек тяжелый?
Неодобренья строгий тон?
Иль с шуткой мудрой и веселой
Сейчас глаза поднимет он?*

(А. Твардовский. «К портрету». Из стихов о Сталине.)

Трагическая ирония состоит в том, что создателем этой нормы, ее предтечей, был тот единственный поэт, который позволил себе открытый бунт. Тот, кто проклял сияющие голенища «кремлевского горца». Он первый принял и узаконил духовную цензуру Сталина, признал законность ее власти над своей бедной, заблудшей душой.

«МОЯ СТРАНА СО МНОЮ ГОВОРИЛА...»

Резиновая дубинка сталинского государства ударила Мандельштама в самое больное место: в совесть.

Все шло к тому, чтобы неясный комплекс вины, терзавший душу поэта, принял четкие и определенные очертания вины перед Сталиным.

Сталин говорил от имени вечности, от имени истории, от имени народа, от имени вековой мечты русской интеллигенции — от имени ее Христа. Он узурпировал даже право говорить от имени самой поэзии, от лица таинственного «ключа Ипокрены».

До поры до времени все эти многочисленные аргументы не действовали на Мандельштама, они были бессильны перед присущим ему сознанием своей правоты.

Но все мгновенно изменилось, едва только оказалась задета его совесть. Случилось это «среди народного шума и спеха на вокзалах и площадях», там, где «шла пермяцкого говора сила, пассажирская шла борьба...» Дело тут было уже не в самом Сталине, не в низкорослом и низколобом «кремлевском горце» с жирными пальцами, а в его идеальных чертах, в его облике, в его портрете, который вся эта голодная, нищая толпа вобрала в свою душу, приняла и узаконила так же бессознательно, как она приняла и узаконила словосочетание «враг народа».

Дело было уже не в Сталине, а в народе, к которому Мандельштам едва ли не впервые прикоснулся своей судьбой, к беде которого он причастился, из одной кружки с которым пил.

А теперь куда хочешь влеки...

Это чувство слитности со страной, с ее многомиллионным народом было таким мощным, таким всепоглощающим («сильнее и чище нельзя причаститься», — говорил Маяковский), что оно незаметно перевернуло, поставило с ног на голову все представление Мандельштама об истине, всю его вселенную:

*Моя страна со мною говорила,
Мирволила, журила, не прочла,
Но возмужавшего меня, как очевидца,
Заметила — и вдруг, как чечевицу,
Адмиралтейским лучиком зажгла.*

Страну, бывшую для него прежде некой абстракцией, он вдруг увидел воочию («как очевидец»), приобщился к ней, к ее повседневной жизни, пил с нею из одной кружки. И сквозь дальность ее расстояний, сквозь эти орудия, спешащие куда-то толпы людей, сквозь это великое переселение народов он вдруг, как сквозь гигантскую стеклянную чечевицу, заново увидел крохотный лучик адмиралтейской иглы.

Когда-то, до ареста, Мандельштама ужасала мысль о неизбежном конце петербургского периода русской истории. Душа его не могла смириться с концом Санкт-Петербурга, города «Медного Всадника» и «Белых ночей».

И вдруг, в далекой дали от прежней своей жизни, среди «народного шума и спеха», Мандельштаму показалось, что петербургский период русской истории продолжается. Лучик Петровского адмиралтейства не угас, он вошел составной частью в этот кровавый пожар.

Мандельштам инстинктивно ухватился за эту надежду, как за последнюю возможность спасенья.

Принять ее значило признать, что «душегубец и мужикоборец» прав, что он вистину «строитель чудотворный».

Но не принять было еще страшнее: ведь это значило «выпасть» из истории, остаться в стороне от этого «народного шума и спеха», от великого исторического дела.

Слова Мандельштама о том, что он входит в жизнь, «как в колхоз идет единоличник», не были риторической фигурой. Он действительно как бы вступал в мир заново, отказавшись от всего накопленного им прежде духовного имущества, от всех — без исключения! — даже самых интимных, самых дорогих ему «предметов» своего духовного обихода.

На том же заседании, посвященном 84-й годовщине смерти Пушкина, где Блок говорил о назначении поэта, Владислав Ходасевич высказал предположение, что желание ежегодно отмечать пушкинскую годовщину рождено предчувствием надвигающейся непроглядной тьмы. «Это мы уславливаемся, — сказал он, — каким именем нам аукаться, как нам переключаться в надвигающемся мраке».

Мандельштаму не оставили даже этого. Его убедили, что даже Пушкин принадлежит не ему, а его конвоирам:

*На вершок бы мне синего моря, на игольное
только ушко,
Чтобы двойка конвойного времени парусами
неслась хорошо.
Сухомятная русская сказка! Деревянная
ложка — ау!
Где вы, трое славных ребят из железных
ворот ГПУ?*

Чтобы Пушкина чудный товар не пошел по рукам
дармоедов,
Грамотеет в шинелях с наганами племя
пушкинovedов —
Молодые любители белозубых стихов,
На вершок бы мне синего моря, на игольное
только ушко!

Тот самый Мандельштам, который сопротивлялся дольше всех, который ни за что на свете не соглашался «присевших на школьной скамейке учить щебетать палачей», испытал вдруг потребность вступить со своими палачами в духовный контакт. Захотев, подобно Ходасевичу, аукнуться с кем-нибудь в надвигающемся мраке, он не нашел ничего лучшего, как крикнуть «ау!» трем славным ребятам «из железных ворот ГПУ».

Вступая в жизнь заново, «как в колхоз идет единоличник», Мандельштам смирился с тем, что «обобществили» все его духовное достояние. Даже Пушкина.

У него отняли все, не оставив ни малейшей зацепки, ни даже крохотного островка, где он мог бы утвердить свое не тронутое, не уничтоженное, не распавшееся сознание. Единственное, за что он еще мог ухватиться, — было вот это, вновь найденное: летящая по ветру белая занавеска, кружка-жестянка, «тот с водой кипяченой бак». И можно ли упрекать его в том, что он вцепился в эту занавеску, как в последнюю ниточку, связывающую его с жизнью?

Жить «дыша и большевая», вступить в жизнь заново, «как в колхоз идет единоличник», — это был единственный выход. Никакой иной альтернативы не было и быть не могло. Существовал только этот, необсуждаемый вариант. Не зря о необходимости жить «большевая» Мандельштам не говорит: «Я хочу». Он говорит: «Я должен». И это вопль человека, загнанного в ловушку.

В стихах Мандельштама о его вине перед Сталиным («И ласкала меня, и сверлила от стены этих глаз жутьба»), при всей их искренности, почти неосязаема связь этого конкретного чувства с самыми основами личности художника. Как будто все прежние его жизненные впечатления, знакомые нам «до прожлока, до детских припухлых желез», были стерты до основания.

В известном смысле эти, искренние стихи Мандельштама свидетельствуют против Сталина даже сильнее, чем те, написанные под прямым нажимом. Они свидетельствуют о торжестве сталинской машины в самую душу поэта.

Мандельштама держали в Воронеже как заложника. Взяв его в этом качестве, Сталин хотел продиктовать свои условия самой вечности. Он хотел, чтобы перед судом далеких потомков загнанный, затравленный поэт выступил свидетелем его, Сталина, исторической правоты.

Что говорить! Он многого добился, расчетливы

кремлевский горец. В его распоряжении были армия и флот, и Лубянка, и самая совершенная в мире машина психологического воздействия, официально именуемая морально-политическим единством советского народа. А всему этому противостояла такая малость — слабая, раздавленная, кровоточащая человеческая душа.

Но главная победа сталинского государства над душой художника была достигнута почти без применения грубой силы. Заложника вечности убедили в том, что нет и никогда больше не будет другой вечности, кроме той, от имени которой говорил Сталин.

Значение этой победы ни в коем случае нельзя сбрасывать со счета. Но можно ли ее считать полной и окончательной?

БУТЫЛКУ ПРИБИЛО К БЕРЕГУ

Время, в плену у которого жил Мандельштам, не признавало никаких законов, никаких женевских конвенций. С пленными поступали как хотели. Заложников расстреливали.

В такой ситуации не грех было и позабыть о вечности.

Но вот бутылку прибило к берегу. В ней — письмо. Оно адресовано нам с вами.

В письме этом — все, что полагается в письмах, брошенных в океан.

Указание места катастрофы:

Пусти меня, отдай меня, Воронеж, —
Уронишь ты меня или проворонишь,
Ты выронишь меня или вернешь...

Дата:

— Я рожден в ночь с второго на третье
Января в девяносто одном
Ненадежном году, и столетия
Окружают меня огнем.

Описание судьбы погибшего:

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья и чести своей.

Когда-нибудь это письмо прочтут внимательнее, спокойнее. И, быть может, окажется, что главное, самое важное в нем — вовсе не это.

Но мы не потомки Мандельштама. Мы младшие его современники и товарищи по несчастью. Может быть, именно поэтому явственнее всего мы слышим в его посмертном голосе сигнал бедствия:

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны...

А может быть, этот сигнал бедствия и есть взгляд из вечности, ее суд, ее торжество над временем, в плену у которого мы так долго жили.

Через четыре года после первого ареста, 2 мая 1938 года, Мандельштам был арестован вторично. В июне 1940-го жене поэта вручили свидетельство о смерти мужа. Согласно этому свидетельству, он умер в лагере 27 декабря 1938 года от паралича сердца. Помимо этой, официальной версии, существует множество других. Кто-то рассказывал, что видел Мандельштама весной 1940-го в партии заключенных, отправлявшейся на Колыму. На вид ему было лет 70, и производил он впечатление душевнобольного. По этой версии умер он на судне по дороге на Колыму, и тело его было брошено в океан. По другой версии — Мандельштам в лагере у костра читал Петrarку и был убит уголовниками. Но это все легенды. Подлинные обстоятельства гибели поэта неизвестны.

ПЕРЕСТРОЙКА: СТОРОННИКИ И ПРОТИВНИКИ. ВЗГЛЯД С ДВУХ БЕРЕГОВ ОКЕАНА

Такова была тема «круглого стола», проведенного редакцией «Огонька» совместно с журналом «Совет экономии». Проблемы политической и экономической реформ, процессы демократизации и общественного обновления стали предметом дискуссии советских и американских специалистов. Во встрече приняли участие с американской стороны: главный редактор «Совет экономии», старший научный сотрудник в Брукингсовском институте Эдвард Хьюз, президент компании «Виктор Винстон и сыновья», издатель и советолог Виктор Винстон, профессор Принстонского университета Стивен Коэн, профессор колледжа Хантер Грегори Массел, директор института

Кеннана по изучению СССР Питер Реддауей, обозреватель еженедельника «Ньюсуик» Стивен Шабат, ответственный сотрудник фонда Карнеги «За международный мир» Дэвид Шиплер. С советской стороны участвовали: академик Андрей Сахаров, член-корреспондент АН СССР Павел Бунин, ученые и публицисты Юрий Афанасьев, Николай Шмелев, Леонид Баткин, Игорь Клямкин, писатель Александр Гельман, главный редактор «Огонька» Виталий Коротич, директор издательства «Прогресс» Александр Авеличев.

Подробный отчет о работе «круглого стола» будет опубликован в ближайших номерах «Огонька».

ДУБИНКИ

ПРОТИВ ГЛАСНОСТИ?

ПРОШУ СЛОВА!

Василь БЫКОВ,
Герой Социалистического Труда,
депутат Верховного Совета
Белорусской ССР

В недавно еще мирной, вполне деловой общественной атмосфере Белоруссии произошли разительные перемены, забушевали эмоции, словесные циклоны завихрились на общественных мероприятиях. Что касается печати, то ее удивительно единодушный хор и явился зачинателем шумной кампании разоблачения коварных замыслов врагов, подрывателей государственных устоев. Кто же эти враги и где их предлагалось искать?

Искать, разумеется, надлежало в собственных рядах, потому что все они дьявольски маскируются под своих — эти отъявленные националисты, сионисты и масоны. И еще особо ненавистные «клеветники», опустившиеся на незапятнанную честь полуторамиллионного города-героя, заподозрившие в нем антиперестроечную Вандею. В этом смысле досталось многим, по преимуществу людям творческих профессий — писателям, кинодеятелям. Особенному поношению подвергся писатель Алесь Адамович, посмеявшийся в одной из огоньковских публикаций («Оглянись окрест!», № 39) употребить намек на сходство происходящего в Минске с некоторыми моментами Французской буржуазной революции и назвать имену. По всей видимости, именно эта публикация А. Адамовича больше всего задела непомерно чувствительные амбиции некоторых людей из числа белорусского республиканского руководства. Теперь многие из них увиливают от прямого ответа, делают вид неинформированных, отсутствовавших в то трагическое воскресенье в городе, ссылаются на необдуманную «инициативу» местных властей.

На протяжении последних недель в печати велась размашистая кампания против молодежного объединения «Толока», дискуссионного клуба «Современник», других объединений неформалов. В условиях все усиливающегося психологического прессинга четыре творческих союза республики (писателей, журналистов, кинодеятелей, художников), а также отделение фонда культуры и редакция газеты «Литература и мастацтва» на представительной конференции в октябре приняли решение об учреждении историко-просветительского общества «Мартиролог Белоруссии». Это общество в качестве главной задачи взяло на себя выявление жертв сталинизма и их палачей, оказание помощи живущим жертвам репрессий 30—50-х годов, строительство мемориала в урочище Курапаты, ходатайство о проведении суда над Сталиным. Всю работу общества предполагалось вести в тесном сотрудничестве с партийными и советскими органами. В качестве первого шага было решено провести митинг-реквием в Курапатах под Минском, приурочив его к дню Поминования предков. О планируемом митинге была заблаговременно подана заявка в соответствующие органы и получено разрешение. Правда, власти настояли, чтобы место митинга перенести на одно из городских кладбищ на окраине Минска.

Свое отношение к новообразованному обществу власти республики выразили уже на учредительной конференции, когда ответственный работник самими низкопробными средствами пытался сорвать голосование. В последующие дни местная печать развернула кампанию против общества, власти провели несколько общегородских кампаний, где неинформированные, а точнее дезинформиро-

ванные лица, преимущественно из числа бюрократического аппарата города и городских предприятий, подвергли яростной пропагандистской дискриминации руководителей общества и его актив. Цели общества были искажены в печати и на собраниях и поданы как антиперестроечные, националистические. Робкая попытка — предложения на конференции «Мартиролога» о создании Народного фронта в поддержку перестройки в республике — была расценена властями как стремление к созданию внутренней оппозиции, ставящей своей целью отторжение Белоруссии от СССР, изгнание русских жителей и так далее. Не было сделано ни одной попытки выслушать другую сторону, предоставить возможность выступить в печати ни одному руководителю «Мартиролога».

Эта односторонняя, целиком инспирированная кампания, как и следовало ожидать, приобрела резко выраженный характер травли национальной интеллигенции («я с 15 лет трудился, в шахте работал, а он ел мой хлеб и сидя подчитывал», саркастические обыгрывания в печати слова «писменник», «ученый оппонент» и другие). Досталось молодежным неформальным объединениям «Толока», «Современник», «Тутэйшая», «Походня», которые еще недавно выступали с общественно оправданными инициативами по экологической защите Припяти, Западной Двины, против разрушения Верхнего города в Минске и других. Лучшие и самые активные деятели их подверглись проработке в печати. Насколько далеко зашло дело дезинформации и дискредитации только что созданного общества, можно судить хотя бы по тому факту, что дочери репрессированных в 30-е годы государственных деятелей Белоруссии А. Червякова и А. Голодеда, единогласно избранные почетными членами «Мартиролога», спустя несколько дней выступили в печати против данного общества со вздорными обвинениями.

Апофеозом данной кампании явились драматические события в воскресенье, 30 октября.

За несколько дней до того газета «Вечерний Минск» в скупой информации известила читателей, что проведение митинга-реквиема отменяется ввиду празднования 70-летия комсомола, а также по той причине, что газета «Вечерний Минск» еще не закончила общественного обсуждения срока празднования Дедов (с дохристианских времен отмечавшееся в Белоруссии 30 октября).

Полудни в воскресенье, 30 октября в сторону кладбища потянулись массы людей. К этому времени было обнаружено, что все автобусные, троллейбусные маршруты, а также станции метро в направлении кладбища блокированы, и люди семьями с детьми на руках и колясках шли пешком. Запрет правого дела мало кого остановил, это и понятно. Белоруссия, которая в годы Великой Отечественной войны потеряла каждого четвертого жителя, немало потеряла также в годы сталинских репрессий, когда, по оценке некоторых исследователей, было уничтожено около двух миллионов человек. Во многих семьях до сих пор не заживают душевные раны 30—40-х годов, и культ памяти безвинно убитых чрезвычайно популярен в народе. Это шествие, однако, вблизи кладбища было остановлено сплошной стеной милиции и войск внутренней службы. Тут же располагались колонны водометных машин, спецмашин для перевозки арестованных, едва ли не весь городской парк пожарных. За плотными милицейскими рядами виднелись знакомые лица из числа работников райкомов и горкомов партии, другое городское начальство.

Полковник милиции через мегафон грозным голосом приказал разойтись.

Люди тем не менее прибывали. Задние, не понимая, что происходит впереди, теснили передних, недоумение сменилось испугом и даже страхом, когда на молчаливую толпу бросились люди в форме с дубинками и выборочно, с определенным прицелом, стали хватать известных в республике людей — художников и писателей, преподавателей вузов, студентов. Перед тем, как заломить руки, в лицо пускали слезоточивый газ из портативных аэрозольных баллончиков. Толпа дрогнула, забеспокоилась, раздался возмущенный крик: «Сталинисты! Вандея!» И все же люди не расходились. Спецмашины с зарешеченными окнами тем временем наполнялись полуослепленными, задыхающимися людьми, по мере наполнения их увозили. Были увезены без всякого на то основания художники М. Купава, А. Марочкин, И. Марочкин, журналист В. Мартыненко, ученый А. Тарасенко, журналист П. Марков, преподаватель университета А. Белый и многие другие. Подвергались действию газа главный режиссер театра имени Янки Купалы В. Раевский, писатель В. Яковенко, десятки других. С корреспондентами республиканских и центральных газет обращались, как и со всеми прочими: угрозами и силой отбирали фотоаппаратуру, засвечивали пленки. По нечестным милицейским выкрикам и репликам вроде: «Самостоятельности захотели» — можно было понять, что политическая подготовка милицейских рядов, а точнее их дезинформация, была, что называется, на высоте. Однако никто из толпы не вступил в противодействие, не оказал сопротивления, не применил силу, не бросил ни одного камня в милицию.

Некоторое время люди не могли понять, что происходит, а поняв, свернули на боковую улицу и нестройной толпой потянулись в сторону печально известного урочища Курапаты, расположенного неподалеку за городской чертой. Это шествие заняло определенное время, и когда первые ряды идущих оказались на подходе к урочищу, выяснилось, что и там войска, пожарные машины и милиция. Путь и туда был перекрыт. Растянувшаяся пяти тысячная толпа свернула с кольцевой дороги в чистое поле и остановилась на косогоре. Вперед вышли руководители «Мартиролога» — археолог З. Поздняк, писатель В. Орлов. Чтобы видеть выступающих, люди опустились на мерзлую землю, стали на колени. К собравшимся обратился В. Орлов, рассказал о значении исторической памяти народа, о жертвах сталинизма, о потерях Великой Отечественной войны. З. Поздняк, полгода назад открывший многотысячное захоронение в Курапатах, начал говорить и зачитал декларацию общества. Со стихами о жертвах культа выступила молодая поэтесса. Не успел очередной оратор закончить речь, как на плотную толпу в поле двинулись не менее плотные ряды войск и милиции. Скоро участники митинга были заключены в сплошное кольцо, однако все продолжали сидеть. Но вот прозвучала команда, войска перестроились, врзались в плотную толпу. Послышались крики, плач. Сидящих людей, женщин и девушек стали хватать за руки, за одежду, срывать с мест. Прозвучала «милостивая» команда подполковника милиции: «Детей не трогать!»

Детей и в самом деле не трогали. Зато всем остальным досталось. Когда толпа была рассечена, митинг прекращен, людей стали теснить. Люди взялись за руки и так двигались с поля. Некоторым, правда, удалось вырваться из окружения, и тогда за ними вдогонку пускались команды милиционеров

и солдат. Убегавшего или убегающую настигали и били дубинками.

Нечто похожее между тем происходило и в городе. После того как основная масса людей отправилась из района кладбища в Курапаты, часть оцепления войск и милиции тоже устремилась на городские улицы, где продолжалась погоня за отставшими.

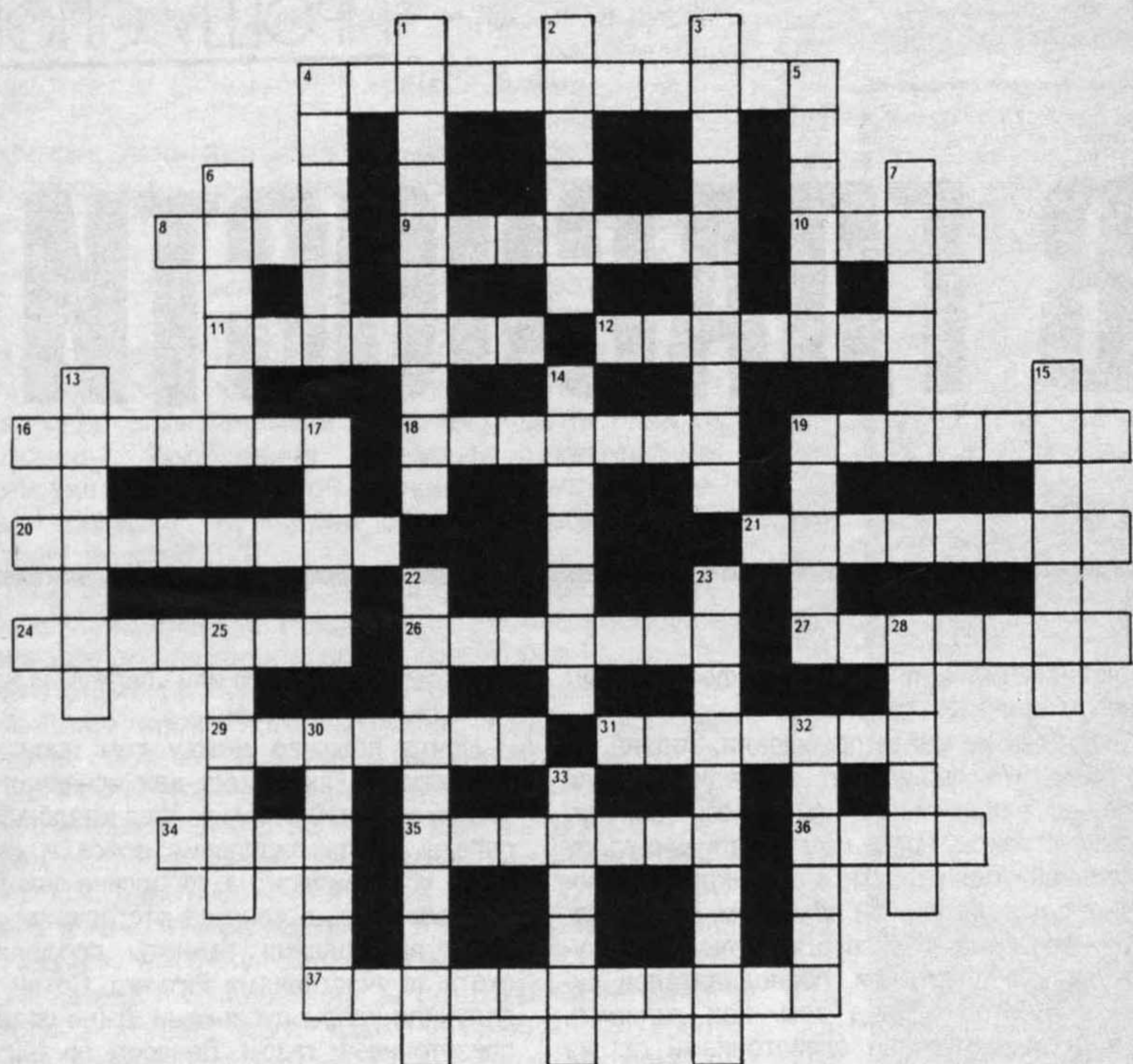
До наступления темноты продолжалась охота за участниками митинга. Сотни людей получили удары дубинками, были ослеплены слезоточивым газом. Вечером организаторы позорного побоища подводили итоги.

Город забурился. Назавтра в творческих союзах, театрах, редакциях газет состоялись собрания, на которых давалась соответствующая оценка происшедшего. Редакция молодежной газеты подготовила полосу о событиях вчерашнего дня, которая была снята уже в типографии. Городские партийные и советские власти бросились тушить разгорающийся идеологический пожар своеобразным способом: усилили нажим на непокорных. И вот уже смягчаются резолюции партийных собраний, отменяются прежние формулировки. По телевидению выступили начальник УВД и зампредисполкома города Минска. Они оправдывали свое право на запрещение митинга ссылками на два Указа, недавно утвержденных Верховным Советом страны. Но выступления этих руководителей мало кому показались убедительными, как и их смехотворные доводы.

Принятые в понятных целях, упомянутые выше Указы, к сожалению, гласно не регламентируют порядок и право местных властей в отношении мотивов и процедуры запрета общественных мероприятий. Создавшийся вакуум в законоположении, как показали события в Минске, открывает неограниченные возможности в их применении и безнаказанном злоупотреблении, как правило, в антидемократических целях с далеко идущими политическими последствиями. Иначе как объяснить тот факт, что грубая воинская сила на основе закона препятствует осуществлению традиционного и святого дела народа — почтить память павших в борьбе за социализм в годы сталинских репрессий, Великой Отечественной войны, погибших в недавнее время, таких, как П. Машеров, Ф. Сурганов, многих деятелей литературы и науки.

После всего происшедшего обстановка в городе напряжена. Общественность требует расследовать инцидент и призвать к ответу виновных в небывалом даже в худшие годы, целиком спровоцированном конфликте, нанесшем удар по делу перестройки.

В последние дни в Белоруссии стало все более осязаемым стремление общественности к созданию Народного фронта, против которого с таким ожесточением выступает белорусская бюрократия. В этой связи некоторым может показаться странным (если не вздорным) ее чувство страха перед такой представительной организацией, как Народный фронт. Если исходить из бесспорности положения, что и у народа, и у его руководителей существует единая цель — справедливое устройство жизни на основах народолюбия и демократии, — то спрашивается: чего бояться? Однако, по-видимому, некоторые имеют все основания для опасений за собственную судьбу — особенно из числа тех, кто явился организатором и вдохновителем событий 30 октября. Вполне может быть, что по воле народа, выразителем воли которого явится Народный фронт Белоруссии, им придется расстаться с насиженными местами. В свете этого факта хорошо видны многие ответы на насущные вопросы нашего тревожного времени.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Всемирные студенческие спортивные соревнования. 8. Кредитное учреждение. 9. Горная система на юго-западе Европы. 10. Сельскохозяйственное орудие для вспашки. 11. Переплетенные начальные буквы имени и фамилии, образующие узор. 12. Прыжок в балетном танце. 16. Персонаж романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». 18. Река на юге Западной Сибири. 19. Домашнее животное рода лам в Перу и Боливии. 20. Единица длины. 21. Советский авиаконструктор. 24. Артиллерийское орудие для навесной стрельбы. 26. Река в Якутии. 27. Геолог и географ, академик, Герой Социалистического Труда. 29. Малая планета. 31. Повесть В. В. Быкова. 34. Знак препинания. 35. Сельскохозяйственная машина. 36. Горючее полезное ископаемое. 37. Польский писатель, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза. 2. Птица семейства соколиных. 3. Наука о движении артиллерийских снарядов. 4. Горный хребет в Читинской области. 5. Курорт в Крыму. 6. Механизм огнестрельного оружия. 7. Промысловая морская рыба. 13. Математический знак. 14. Курорт в Литве. 15. Басня И. А. Крылова. 17. Вид ивы. 19. Опера С. В. Рахманинова. 22. Беседа преподавателя со студентом для выяснения знаний. 23. Наука о количественных отношениях и пространственных формах. 25. Европейское государство. 28. Изображение в перспективе в живописи, графике. 30. Польский народный танец. 32. Химический элемент, металл. 33. Свидетельство об окончании учебного заведения.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 46

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Экспертиза. 8. Шалапин. 9. Рутений. 10. Амундсен. 15. Автограф. 16. «Поединок». 17. Скиф. 19. Кова. 20. Тема. 21. Подполковник. 22. Торт. 24. Пума. 25. Туба. 26. Орнамент. 27. Кольраби. 30. Генетика. 32. Центнер. 33. Адаптер. 34. Бахчисарай.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Копра. 3. Пандус. 4. Турист. 5. Затон. 6. Парабола. 7. «Гитарист». 11. Баскетбол. 12. Прокофьев. 13. Фестиваль. 14. Аквамарин. 17. Скотт. 18. Флора. 23. Трафарет. 24. Португя. 28. Андрич. 29. Кифара. 30. Ганна. 31. Анапа.

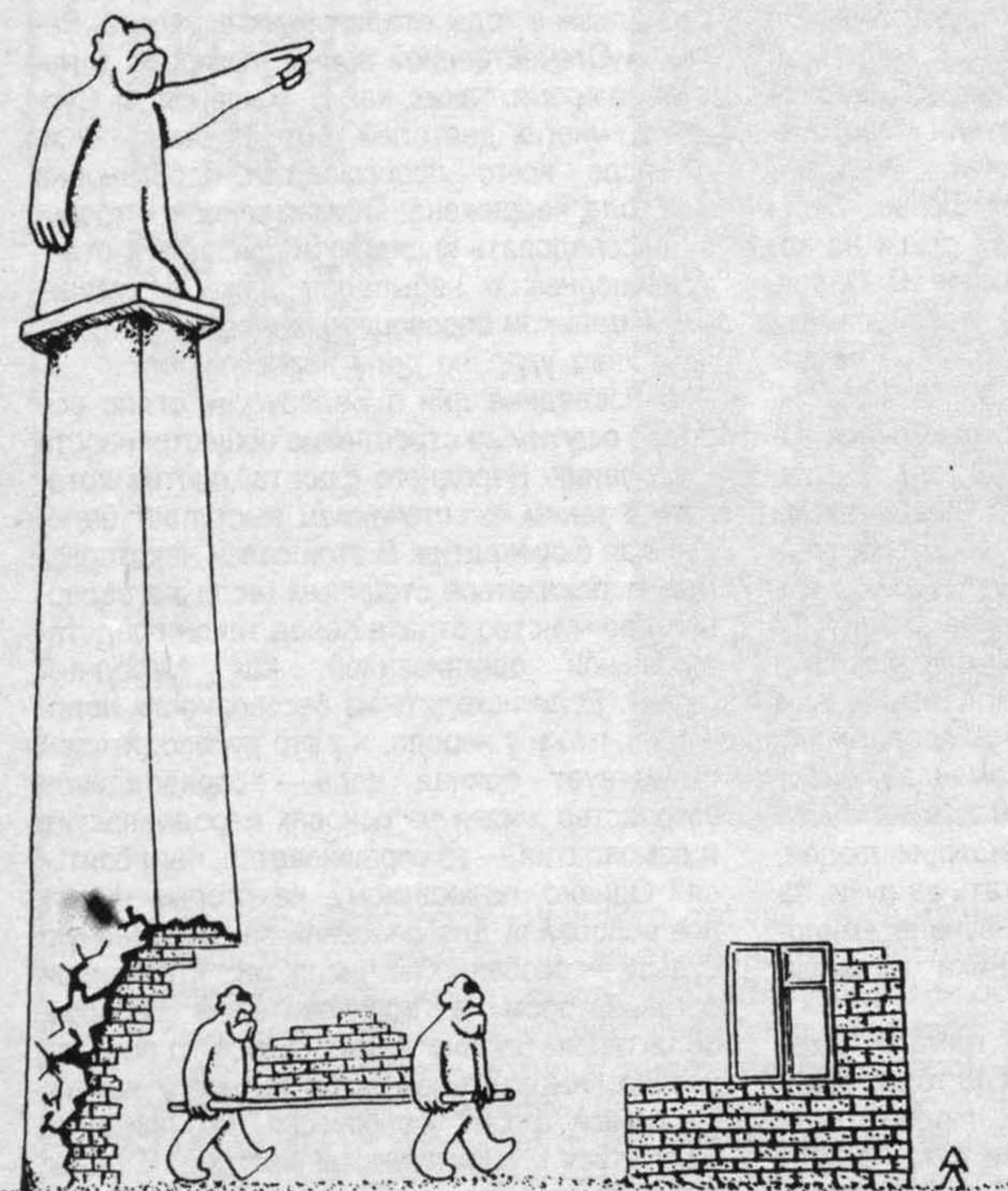

Рисунок Анатолия ЛЕРНЕРА.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Ольга ЗВЕРЬКОВА,
Андрей ИВАШЕВ

Николай СТЕПАНЕНКОВ
(фото)

ДУШЕРАЗДИРАЮЩИЙ КРИК ЗАСТАВИЛ ПРОСНУТЬСЯ ПАССАЖИРОВ ЯРОСЛАВСКОГО ВОКЗАЛА СТОЛИЦЫ.

Женщина, которая, забившись в углу в зале, кормила грудью младенца, потеряла сознание и лежала на полу. Рядом барахтался ребенок. Начался переполох, звали на помощь работников милиции и врача. Появился человек в белом халате. Через полчаса молодая мать получила внеочередное право занять место в комнате матери и ребенка.

...Полночь. На Казанском еще не спят. Много провожающих и встречающих. Но те, кому ждать до утра, уже заняли места. Свободных кресел и стульев нет, поэтому пассажиры расстилают на вокзальном полу газеты, бумагу, тряпки. Усаживаются, ложатся, прижимая к себе сумки, коробки, мешки, чемоданы. У всех на виду табличка с надписью: «Уважаемые пассажиры! Просьба пройти в соседний зал, где имеются свободные места для сидения».

Заглядываем. Там полно народу, и такая же табличка предлагает занять свободные места в зале, откуда мы только пришли. Чуть вдали, отделившись от полусонной людской массы, покачиваются, сидя на сложенной тележке, двое. Одна фигура раскачивается плавно, другая — рывками, время от времени роняя на руки голову.

— Месяц на вокзале сидим: я, муж мой Иван и сынок Ванечка, — говорит женщина и приподнимает в простыне ребенка, показывая его бледное личико. — Нас тут уже все знают: и в буфетах, и в милиции...

Но, может быть, не все знают о беде, которая с ними стряслась?

— В марте наша изба завалилась. Пошли до председателя колхоза, а он нам: «У меня лимита на ремонт нет», — вспоминает Вера Степановна Огонькова. — Тогда обратились за помощью в Каменский райисполком, а там только руками развели, мол, переберетесь как-нибудь, пока средства найдутся. Стали мы жить под навесом, захворал Ваня. С каждым днем здоровье все хуже и хуже. Схватили мы его и поехали электричками из Воронежской области в Москву. Я с сынишкой на вокзале сижу. А муж по учреждениям ходит, просит помочь. Да только косо на него, инвалида, смотрят. «Вам, наверное, квартира в Москве нужна?» — интересуются. Нет, нам изба нужна, чтобы жить.

А малыш наш на глазах сохнет. Вчера «скорая» хотела забрать, да мужа не пустили в машину. Не поехали — боимся потеряться в Москве. Не выдержали у муженька нервы, первый раз за супружескую жизнь напился.

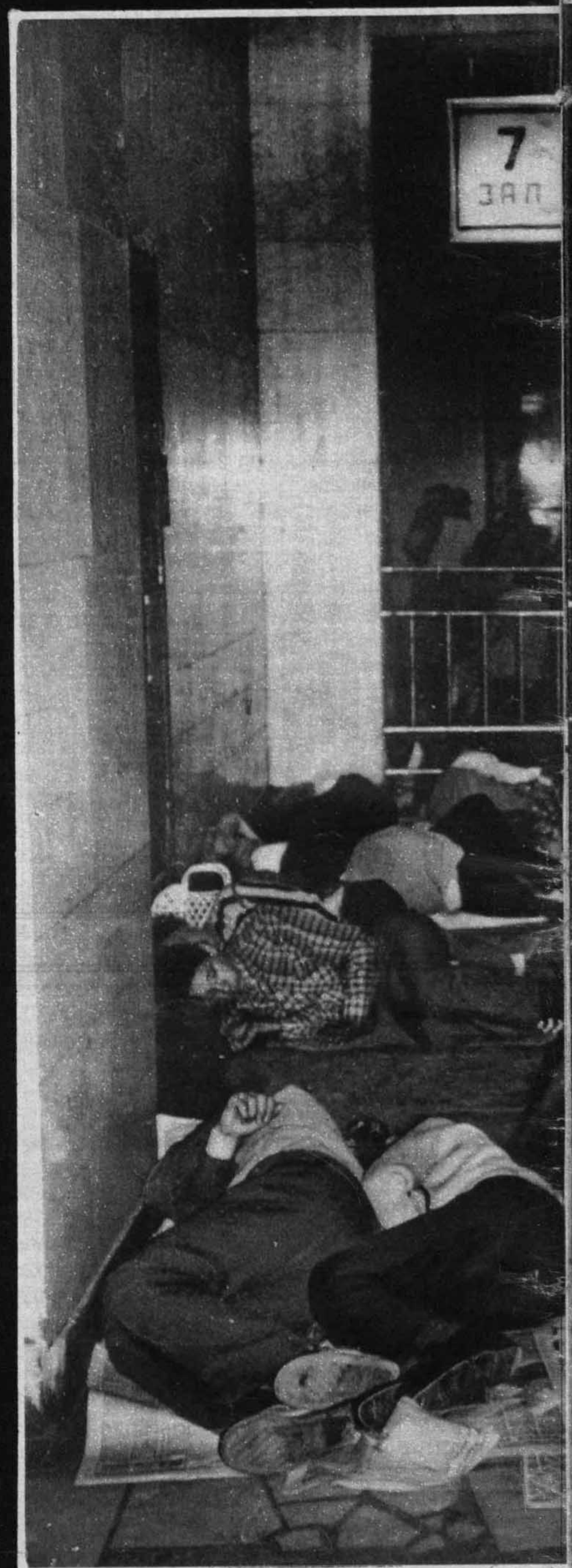
Мужчина отнял от лица руки и посмотрел помутневшим взглядом: «Если вы люди, спасите ребенка. А то у жены руки уже не держат: как глаза закроет, так и выкатывается Ванечка на асфальт. Нам бы уложить его на ночь в комнате матери и ребенка, да к ним без пассажирского билета никак нельзя. А паспорт у нас есть».

Иван-старший протянул завернутый в газету сверток. Потом, как будто спохватился, решил развернуть сам. Паспорт на имя Ивана Захаровича Шевцова. Место жительства: село Пилипы Каменского района Воронежской области.

Пошли в комнату матери и ребенка. Чем ближе к ней, тем больше на полу матерей с детьми. Вот и приемная КМир (комната матери и ребенка).

ПРОЗА ЖИЗНИ

ВОКЗАЛ

В маленьком квадратном окошке торчит клочок бумаги: «Мест нет до семи утра».

Протискиваемся через спящих пассажиров на второй этаж, где расположена сама комната. Дремавшая у двери женщина с детьми предупреждает: «Не стучите. Мест все равно нет».

«Говорят, на Ярославском вокзале свободней», — слышатся за спиной голоса. Пожилые женщины связывают веревкой сумки. Разговор услышали и другие пассажиры, поэтому поднимаются, собирают вещи и — к выходу в надежде найти приют на соседнем вокзале.

ЗАЛ ДЛЯ ЧУЖИХ.

ИЛИ ХРОНИКА ОДНОЙ НОЧИ

Два часа ночи. Дождь стал загонять в помещение Ярославского даже тех, кто решил было провести ночь на свежем воздухе. Душно. И вокруг все те же газеты, одеяла, свертки, которые люди подкладывают под себя.

— Чем я могу помочь пассажирам? Ничем! — пожимает плечами дежурный помощник начальника вокзала Андрей Александрович Чернов. — Брони на билеты и на места в гостиницах у меня нет. В виде исключения могу разместить часть пассажиров на вокзале, в коридорчике на полу. Правда, на двенадцатом пути стоят восемь вагонов для отдыха

пассажиров. Из них шесть для взрослых и два вагона для матерей с детьми. Всего двести восемьдесят восемь мест. Но и для размещения пассажиров в этих вагончиках у меня тоже нет брони. А инструкция запрещает принимать в вагоны пассажиров, если их детям еще не исполнилось пяти лет. Почему? Выходит, матерям с малолетними детьми лучше, если они будут коротать ночь на вокзальном полу?

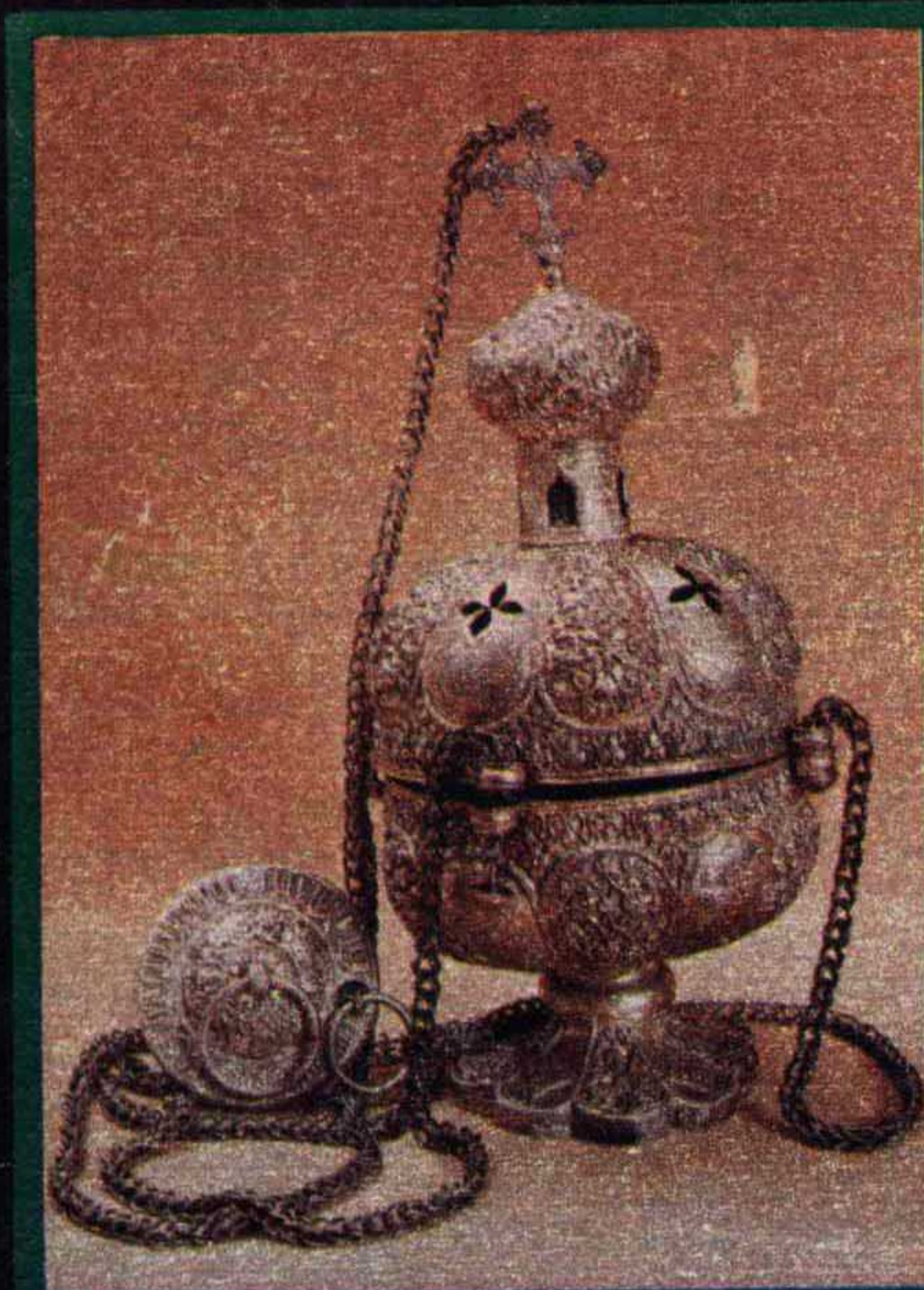
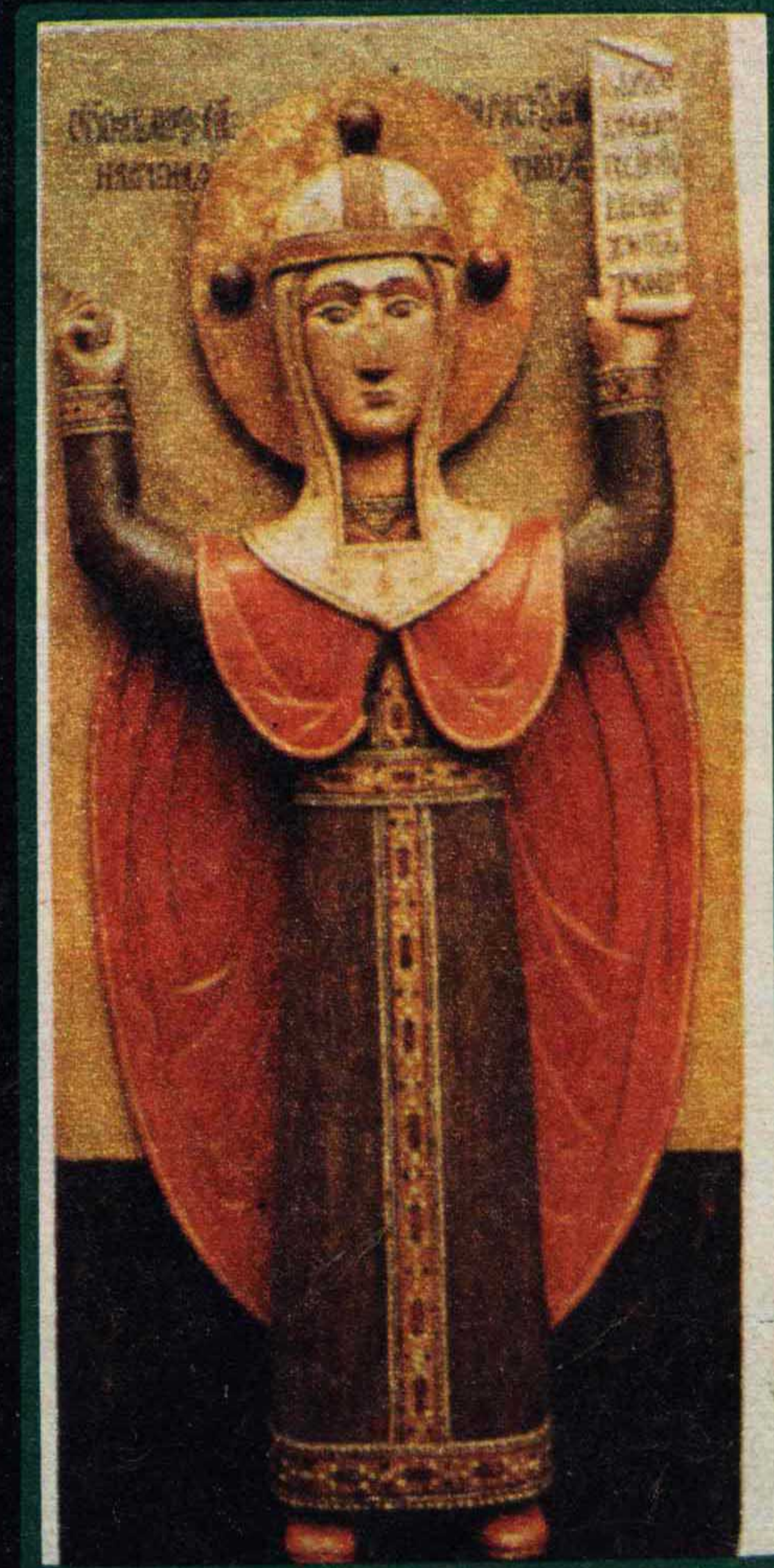
Статистика такова: в среднем за сутки в здравпункт Ярославского вокзала обращаются от 250 до 400 пассажиров. Среди них много матерей с маленькими детьми. И далеко не все из них могут попасть в комнату матери и ребенка. Мешает инструкция линейного отдела внутренних дел станции Москва-Ярославская Московского управления внутренних дел на железнодорожном транспорте от 6 января 1988 года: «В последнее время в комнатах матери и ребенка Московской железной дороги участились противоправные деяния со стороны лиц, принимаемых в комнату матери и ребенка. Совершаются кражи личного имущества, пропажа денег и ценностей. Согласно инструкции о правилах проживания в гостиницах, домах отдыха, санаториях, комнатах отдыха

и комнатах матери и ребенка прием граждан осуществлять для проживания только при наличии паспорта, для военнослужащих — удостоверения личности».

При покупке билета на поезд паспорт не требуется. И если человек решил приехать в Москву на день или два, мог оказаться без документов. Да и так ли уж необходим паспорт матери, которая решила зайти в комнату покормить ребенка?

— Но есть инструкция, за невыполнение которой меня в лучшем случае ждет выговор, в худшем — увольт с работы, — сказала дежурная медсестра комнаты матери и ребенка Валентина Ивановна Игнатова.

...Казалось бы, нет вопросов: в Москве для транзитных пассажиров крайне необходимы гостиницы. Работники отдела развития услуг и обслуживания пассажиров на вокзалах Главного пассажирского управления МПС СССР в течение нескольких лет бьют тревогу, пишут кипы бумаг в райисполкомы, в Моссовет. Исписали уже не один килограмм бумаги и руководители Московской железной дороги, а вопрос до сих пор не решается. Пассажиры ведь для райисполкомов и Моссовета вроде как транзитные, чужие.

Выставка «1000-летие русской художественной культуры» из Академии художеств СССР отправилась в ФРГ, где она будет экспонироваться до конца года. Выставка была открыта в честь юбилея принятия христианства Русью и состоит из пяти разделов. Монументально-декоративное искусство представлено во фрагментах, сохранившихся до наших дней. Помимо московских и новгородских икон, можно увидеть работы мастеров среднерусских центров XIII—XV, а также XVII—XVIII веков. Церковная и бытовая утварь. Художественное шитье, резьба по дереву. Рукописные и старопечатные книги. Живопись приверженцев самых разных направлений... (См. в номере материал «Пробуждение».)